

Священник Геннадий Егоров

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ
ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Геннадий Егоров

**Священное Писание
Ветхого Завета**

«ПСТГУ»

2011

Егоров Г. В.

Священное Писание Ветхого Завета / Г. В. Егоров — «ПСТГУ»,
2011

Книга содержит обобщенное изложение курса лекций по Священному Писанию Ветхого Завета. Курс носит вводный характер и охватывает все разделы ветхозаветных книг. Издание снабжено обширной хрестоматией, призванной расширить кругозор студентов в области святоотеческих и научных комментариев к различным книгам Священного Писания. Рекомендуется в качестве учебного пособия по библеистике для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению Теология, а также для слушателей системы повышения квалификации.

© Егоров Г. В., 2011

© ПСТГУ, 2011

Содержание

Предисловие	8
Введение	9
Раздел I. Пятикнижие Моисеево	21
Глава 1. Начало	22
1.1. Библейский рассказ о сотворении мира	22
1.2. Соотнесение библейского повествования о сотворении мира с научными гипотезами	23
1.3. Сотворение человека	24
1.4. О нетленности первозданной твари	27
1.5. Пребывание людей в раю	28
1.6. Грехопадение	29
1.7. Последствия грехопадения	30
1.8. Смысл наказания	33
1.9. Обетование спасения	33
Глава 2. Начало истории человечества	35
2.1. Дети Адама	35
2.2. Допотопное человечество	37
2.3. Потоп. Ной и его семья	38
2.4. Завет Бога с Ноем	39
2.5. История потомков Ноя	41
2.6. Вавилонское столпотворение	42
Глава 3. Патриарх Авраам	44
3.1. Призвание. Обетование	44
3.2. Путешествие в Египет	45
3.3. Разделение с Лотом	46
3.4. Встреча с Мелхиседеком	46
3.5. Завет Божий с Авраамом. Рождение Измаила	46
3.6. Обрезание	48
3.7. Что такое завет	49
3.8. Перемена имени и обещание сына	50
3.9. Шестое явление Бога Аврааму. Откровение Святой Троицы	50
3.10. Обстоятельства гибели Содома и Гоморры	51
3.11. Наследники Авраама	51
3.12. Великое искушение Авраама	53
Глава 4. Патриархи Исаак, Иаков, Иосиф	55
4.1. Жизнь Исаака	55
4.2. Исав и Иаков – первородство и благословение	55
4.3. Видение лестницы в Вефиле	56
4.4. Пребывание у Лавана и возвращение	57
4.5. Поединок в Пенуэле	57
4.6. Символическое значение истории патриархов	58
4.7. История Фамари	58
4.8. Патриарх Иосиф	59
4.9. Благословения, данные патриархом Иаковом своим сыновьям	60

4.10. Рождение Фареса и Зары	61
4.11. Некоторые обобщения по первоначальной истории человечества	61
Глава 5. Исход	63
5.1. Происхождение и призвание Моисея. Откровение об Имени Божиим	63
5.2. Символическое значение видения купины	64
5.3. Возвращение Моисея в Египет	64
5.4. Казни египетские. Исход из Египта, установление праздника Пасхи	65
5.5. Переход через Красное (Чермное) море	66
5.6. Пророческий смысл Исхода	67
5.7. Исход как усыновление Богу	68
5.8. Чудеса на пути до горы Синай	68
5.9. Заключение завета и его смысл	70
5.10. Утверждение завета	71
5.11. Золотой телец	71
5.12. Синайское богоявление	73
5.13. О явлении ангелов	74
5.14. Скиния и ее принадлежности	75
5.15. Освящение скинии	76
Глава 6. Левит	77
6.1. Постановления о жертвах	77
6.2. Постановления о священстве	78
6.3. Об уделах левитов	79
6.4. Постановления о праздниках	80
6.5. Понятие святости	83
Глава 7. Числа. История сорокалетнего странствования Израиля по пустыне	85
7.1. Чудо насыщения народа перепелами	85
7.2. Упреки Аарона и Мариам	86
7.3. Отказ от вступления в землю обетованную	86
7.4. Восстание Корея, Дафана и Авирона	87
7.5. Жезл Ааронов	88
7.6. Грех Моисея и Аарона	88
7.7. Продолжение странствия	89
7.8. Пророчество Валаама	89
7.9. Города-убежища	90
7.10. Поставление Иисуса Навина	90
Глава 8. Второзаконие	92
8.1. Повторение Закона и новые заповеди	92
8.2. Мессианские пророчества	93
8.3. Закон ужичества (левирата) и браки между коленами	93
8.4. Последние указания. Песнь Моисея	94
8.5. Смерть Моисея	94
Глава 9. Смысл и значение закона Моисеева	96
9.1. Разнообразие постановлений закона	96
9.2. Общечеловеческое значение Закона. Закон как руководство к праведности	96

9.3. Отличие Синайского завета от завета с Авраамом	99
9.4. Смысл закона Моисеева	100
9.5. Преходящее значение закона	101
Раздел II. Исторические книги	103
Глава 10. Книга Иисуса Навина	104
10.1. Приготовление и вступление в землю обетованную	104
10.2. Начало завоевания земли обетованной	105
10.3. Битва за Гаваон	106
10.4. Окончание завоевания при Иисусе Навине	106
10.5. Раздел земли и возвращение заиорданских колен	107
10.6. Жертвенник заиорданских колен	107
10.7. Завещание Иисуса Навина	107
Глава 11. Книга Судей	109
11.1. Состояние Израиля после смерти Иисуса Навина	109
11.2. Служение судей	110
11.3. Девора	110
11.4. Гедеон	110
11.5. Сыновья Гедеона. Авимелех. Первая попытка установления монархии	111
11.6. Иеффай	112
11.7. Самсон	112
11.8. История Михи и война с коленом Вениаминовым	113
11.9. Хронология эпохи судей	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Протоиерей Геннадий Егоров

Священное Писание Ветхого Завета

© Егоров Г. В., 2011

© Оформление. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014

* * *

Предисловие

Данное учебное пособие представляет собой отредактированный курс лекций по Священному Писанию Ветхого Завета, предназначенный для студентов и слушателей Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, и является введением в изучение Священного Писания. Главная цель курса – подготовить студентов к самостоятельному изучению Библии и по возможности привить вкус к этому занятию. Помимо общего обзора содержания ветхозаветных книг на лекциях рассматриваются данные исагогики и экзегезы, приводятся примеры святоотеческих толкований, а также выясняется сотериологическое и мессианское значение священной истории.

Ограниченность объема лекционного курса не позволяет подробно рассматривать содержание библейских книг и события ветхозаветной истории. Поскольку учащиеся, изучающие данный курс, уже имеют общее представление о ветхозаветной истории, здесь уделяется внимание принципиальным вопросам, понимание которых необходимо для достижения поставленной цели. При этом для облегчения восприятия учебного материала в текст конспекта внесены достаточно объемные цитаты из Священного Писания.

В процессе изложения материала на лекциях автор по мере возможности старался обращать внимание слушателей на три неразрывно связанных между собой смысловых пласта Писания. В первую очередь это богословский смысл – откровение о Боге и Его домостроительстве. Затем назидательный смысл – правила взаимоотношений между людьми, нравственный закон. И, наконец, мистический смысл, затрагивающий внутреннюю жизнь души.

В качестве эпиграфа для многих современных пособий по данному предмету избраны слова Спасителя: *«Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне»* (Ин. 5: 39). Его слушатели являлись знатоками Писания, – значит, главный смысл этой фразы в том, что Ветхий Завет свидетельствует о Христе. В рамках курса сделана попытка продемонстрировать учащимся неразрывное единство Ветхого и Нового Заветов, христоцентричность всего Божественного Писания и, наконец, непреходящее его значение и актуальность.

Другой основополагающий принцип, который постоянно учитывался автором при подготовке лекций, сформулирован в 19-м правиле Шестого Вселенского Собора. Оно гласит: *«... если будет изследуемо слово Писания, то не иначе да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и сими более да удостоверяются, нежели составлениям собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающего. Ибо, чрез учение вышереченных отцов, люди, получая познание о добром и достойном избрания, и о неполезном и достойном отвращения, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страдают недугом неведения, но, внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и, страхом угрожающих наказаний, соделывают свое спасение»*.

Одной из особенностей святоотеческой экзегезы является представление о Священном Писании как о едином целом, поэтому очень важно привить учащимся навык анализировать тот или иной отрывок, исходя из контекста всей Библии, а не только конкретной книги или главы.

Автор глубоко признателен тем, кто способствовал появлению данного пособия, а также давал свои рекомендации по улучшению текста и вдохновлял на дальнейшую работу.

Введение

*Не пренебрегай, друг, медоточивым слышанием Божественных Писаний. Дьявольская это хитрость, не позволяющая увидеть сокровище, чтобы не приобрели мы богатства. «Слышание Божественных мыслей ничего не приносит», — так говорит враг, чтобы не увидеть ему деяний, происходящих от сего слышания.
Преподобный Исидор Пелусиот*

О необходимости и пользе изучения Священного Писания. Преподобный Серафим Саровский говорил, что великая польза для человека хотя бы один раз прочитать всю Библию разумно. Так что не будем пренебрегать этим советом преподобного. К сожалению, опыт показывает, что очень многие современные православные люди чтение Ветхого Завета для себя считают делом совершенно необязательным, бесполезным и, по сравнению с многочисленными брошюрками благочестивого содержания, считают пустой тратой времени. Хотя теоретически, наверное, каждый из вас представляет, что это не так и что от Самого Спасителя, апостолов и святых отцов нам передана заповедь изучать и вникать в Священное Писание. Оно для нас с вами в первую очередь свидетельство о Христе, свидетельство о Боге. И если мы хоть немного стараемся соблюдать заповедь Божию: «и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (Втор. 6: 5); «сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мф. 22: 37–38), то, наверное, Священное Писание как книга о Том, Кого мы возлюбили всем сердцем своим, всем помышлением своим, всею крепостию своею, должно быть нам дороже любой другой книги. Священное Писание мы еще называем Божественным Откровением, поскольку оно содержит то, что Богу было угодно открыть нам о Себе, о Своем действии в мире, о Своих отношениях с человеком, поэтому и с этой точки зрения, конечно, Слово Божие для нас необычайно важно.

Собственно, весь наш курс будет строиться именно на этой первой заповеди, и, если хоть немного мне удастся привить вам любовь к чтению Библии, я буду очень рад и буду считать свою цель достигнутой. Чтобы вдохновить вас, я хочу вам почитать немного из писаний святых отцов. Святитель Иоанн Златоуст в одной из проповедей говорит своим слушателям о том, как много внимания они уделяют овладению какими-нибудь светскими ремеслами, заботе о своем доме, хозяйстве, а потом говорит: «Скажи мне, если попросить кого-нибудь из вас, здесь присутствующих, кто может прочитать один псалом или какое-либо место из Священного Писания? Конечно, никто, и не только это худо, а то, что, не радея о духовном, на дела сатанинские вы быстрее огня: если кому вздумается наведаться у вас о дьявольских песнях, о сладострастных напевах, — найдешь, что многие твердо их знают и произносят с большим удовольствием. И чем оправдываются, если станешь их обвинять? Я, говорят, не монах, но имею жену и детей, хлопочу о доме, а от того-то и выходит весь вред, что чтение Священного Писания считаете приличным для одних только монахов, тогда как сами гораздо больше имеете в этом нужды. Кто живет в мире и каждый день получает новые язвы, для того особенно нужно врачевство, поэтому чтение Писания считать излишним гораздо хуже, чем не читать его, — такая мысль есть сатанинское внушение. Не слышите ли сказанного Павлом, что все сие написано в наше наставление». Далее он говорит следующее: «Когда говоришь о богослужении, если у вас нет даже времени читать Писание дома, то почему вы не внимаете ему за богослужением? Слушайте и ужасайтесь: диакон от лика всех стоит и, громко восклицая, говорит: “вонмем” — и это неоднократно. Этот глас, который он произносит, есть общий глас Церкви, но никто не внимает. После него чтец начинает: “пророчества Исаина чтение” — и опять никто не внимает, хотя пророчество содержит в себе нечеловеческое учение. Потом вслух всех вещает: “сия гла-

голет Господь” – и также никто не внимает, но что я говорю: читается далее нечто страшное и ужасное, но и при этом никто не внимает. И что говорят против этого многие? “Всегда, – говорят, – читается одно и то же”, – но это-то и особенно погубляет вас. Если бы вы знали все это, то тем более не следовало бы оказывать пренебрежение. Ибо и на зрелищах всегда бывает одно и то же, однако вы не знаете в них сытости. О каком одном и том же ты дерзаешь говорить, когда не знаешь даже имен пророков? Не стыдно ли тебе говорить, что ты не слушаешь потому, что всегда читается одно и то же, когда не знаешь даже имен читаемых писателей, хотя и слушаешь всегда одно и то же, ибо ты сам сказал, что читается одно и то же. Если бы я говорил это к твоему осуждению, то тебе надлежало бы обратиться к другому оправданию, а не к такому, которое служит к твоему же осуждению» [30, с. 34–36]. «Не будем, возлюбленные, пренебрегать своим спасением – все это написано для нас в научение наше, в них же концы век достигоша. Великая защита от грехов – чтение Писания, а неведение Писания – великая стремнина, глубокая пропасть; великая гибель для спасения – не знать ничего из божественных законов. Это незнание породило ереси, оно ввело развратную жизнь, оно перевернуло все вверх дном, ибо невозможно, чтобы без плода остался тот, кто постоянно с усердием занимается чтением Писания» [30, с. 93–94]. Вот в каких убедительных и сильных словах обращался к своим слушателям святитель Иоанн Златоуст более 1500 лет назад. Но с тех пор, к сожалению, не очень сильно мы продвинулись.

В житиях святых мы встречаем такой факт, что некоторые святые, будучи абсолютно неграмотными и никогда нигде не учившись, высотой своего подвига стяжали то, что знали Писания наизусть и всегда к месту его цитировали. Вспомним, например, Житие преподобной Марии Египетской; из египетских пустынников – преподобного Патермуфия, преподобного Ора, о которых говорится, что они получили знание Священного Писания сверхъестественным образом. Это тоже возможный путь.

Объяснение его в своих беседах на Евангелие от Матфея дает святитель Иоанн Златоуст: «По-настоящему, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам благодать Духа и чтобы, как те, исписанные чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом, но как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем» [29, т. 7, кн. 1, с. 5].

Тот же святитель, возражая на слова своих слушателей о том, что они иногда читают Писание, но понять в нем ничего не могут, говорит следующее: «Не будем же, прошу, пренебрегать чтением Писания, но понимаем ли содержащееся в нем или не понимаем, – во всяком случае, будем как можно чаще обращаться к нему. Постоянное упражнение в чтении напечатлевает неизгладимо в памяти прочитанное, и час то, чего сегодня мы не могли понять при чтении, то вдруг понимаем, приступив к чтению завтра, потому что человеколюбивый Бог невидимо просвещает наш ум». Такие высказывания повторяются нередко у многих святых отцов о том, что растворяемое смирением усердие человека в изучении Священного Писания Богом всегда вознаграждается просвещением его ума.

Святой Симеон Новый Богослов говорил: «Душа, желающая поучаться в законе Божиим день и ночь, ни от чего не получает в сем отношении столько пользы, как от исследования Божественных Писаний; потому что внутри сих Писаний сокрыты помышления благодати Святого Духа, каковыя, быв постигнуты, производят в душе великое некое услаждение, которое возвышает ее над всем земным и мирским и возносит на небеса, располагая помышлять только о божественном, его одного вожделевать и проводить жизнь ангельскую в этом мире» [66, т. 1, с. 285]. Смотрите, каких можно сподобиться духовных благ, если прилежно заняться изучением нашего предмета.

О том же говорит и преподобный Иоанн Лествичник: «Душа, которая днем непрестанно поучается слову Божию, обыкновенно и во сне упражняется в том же, ибо сие второе является

истинным воздаянием за первое делание, для отгнания духов и лукавых мечтаний» (Лествица 20: 20) [46].

Святые отцы нас предупреждали и предупреждают, что изучение Священного Писания не может сводиться к чисто механическому его перечитыванию, не может быть вполне успешным, даже если мы читаем соответствующие толкования. Настоящее уразумение Писания подается только тому человеку, который своей жизнью старается исполнять то, что в Писании он встречает. Но и для этого он должен испрашивать помощи от Бога, «ибо, – по словам блаженного Феодорита, – подлинно нужны мудрость и благоразумие как для познания и уразумения словес Божиих, так для их исполнения и соблюдения. Невозможно и уразуметь их неприявшим озарения от Духа Божия, и сохранить не пользуясь помощью свыше» [74, т. 29, с. 270].

Епископ Феодор Поздеевский, ректор МДА, в своей речи на молебне перед началом учебного года (1912) сказал: «Ведь если бы и мы смотрели на слово Божие не как на совокупность истин, открытых в интересах только человеческой любознательности, а как на откровение высших истин богоподобной жизни, как на откровение законов нравственного миропорядка, то само собой понятно, что и усвоение и уразумение этих истин совершалось бы иным путем, чем это бывает обычно. Ведь не тайна для каждого из нас, что когда мы начинаем вникать глубже в смысл слов Священного Писания, то эти наши попытки остаются почти совершенно напрасными и как бы какое-то покрывало мешает нам чистыми очами уразуметь сокровенный смысл Писаний. И это, конечно, потому, что “закон (Божий) *духовен*”, а человек “*плотян, продан под грех*” (Рим. 7: 14), и никогда, конечно, человек, живущий по закону плоти, не может уразуметь законов духовной жизни, жизни богоподобной, ибо, чтобы знать эти законы, нужно приблизиться к ним в самой жизни и опытно познать их. Вот почему и святой Симеон Новый Богослов, рассуждая о способах уразумения Слова Божия, сравнивает его с запертым сундучком с сокровищами. Этот сундучок можно бесполезно таскать на своих плечах и не достать сокровищ, в нем хранящихся, если не иметь к нему ключа. Ключ же к духовному сокровищу, заключенному в Слове Божиим, один – нравственная чистота и святость; вот почему и Слово Божие, содержащее в себе все богопознание, нужно изучать не столько умом, сколько чистым сердцем, способным видеть и самого Бога» [71, с. 348–349].

Приведу слова преподобного Симеона Нового Богослова, на которые ссылается преосвященный Феодор. Преподобный Симеон сравнивает Священное Писание с неким сундуком крепким, внутри которого заперто сокровище. И он говорит, что «как, если кто поднимет этот сундук на плечи, не может еще по одному этому видеть сокровище, которое внутри него, – так, если кто прочитает и даже на память заучит все Божественные Писания и может прочесть их все как один псалом, – не может по одному этому постигнуть благодать Святого Духа, которая сокрыта в них; ибо ни того, что находится внутри сундука, нельзя обнаружить посредством самого сундука, ни того, что скрыто в Божественных Писаниях, нельзя открыть посредством самих писаний» [66, т. 1, с. 443]. Он говорит, что такой человек, который выучил Писания даже наизусть, но механически, подобен тому, кто носит этот сундук на своих плечах. Самое большее, чего он сможет добиться, – это заработать себе какую-нибудь болезнь спины от усердия, а сокровища он таким образом достать не сможет. А вот исполнение заповедей, исполнение добродетелей здесь куда полезнее, он говорит, что «от заповеди рождаются добродетели, а от добродетелей явными делаются таинства, сокрытые в букве Писания. Тогда преуспевают в добродетелях, когда хранят заповеди и, опять, тогда хранят заповеди, когда ревнуют о добродетели, – и от этого уже открывается дверь ведения – то есть те таинства, которые скрыты в божественном Писании». Так что, видите, оказывается, что нужно ревновать о чтении Священного Писания, нужно стараться о том, чтобы знать его как следует, но настоящую пользу можно получить в том случае, если стараться применять в своей жизни то, что открывается.

Общие сведения о Священном Писании. Из курса Катехизиса вы помните, что Священным Писанием называются «книги, написанные Духом Божиим через освященных от Бога

людей, называемых Пророками и Апостолами. Обыкновенно сии книги называются Библиею». В зависимости от времени написания книги Священного Писания разделяются на два отделения: «Те Священные Книги, которые написаны прежде Рождества Христова, называются Книгами Ветхого Завета, а те, которые написаны после Рождества Христова, называются книгами Нового Завета».

Всего в Священном Писании Ветхого Завета в наших изданиях Библии насчитывается 50 книг, из них 39 книг являются каноническими и 11 неканоническими. Сразу нужно сказать, что это такое, поскольку в курсе Нового Завета вы не сталкивались с понятием неканонических новозаветных книг, – все книги, которые содержатся в корпусе Священного Писания Нового Завета, являются каноническими. Если мы откроем Священное Писание Ветхого Завета, обнаружим там еще и 11 неканонических книг, таких, как Книги Премудрости Соломона и Иисуса, сына Сирахова; Послание Иеремии, Маккавейские книги и др.¹

Эти книги были написаны также в древности, и некоторые из них были написаны в оригинале на еврейском языке, некоторые – по-гречески, но эти книги не были признаны Церковью книгами богодухновенными – об этом понятии сейчас пойдет речь особо. То есть эти книги были признаны весьма добрыми, назидательными, в которых содержатся некие крупинцы богооткровенного учения, но которые в целом богодухновенными признаны быть не могут – слишком силен элемент человеческого мудрования. Поэтому эти книги отцами оставлены в списках среди других ветхозаветных книг и, как в определениях отеческих сказано, они предназначаются для назидательного домашнего чтения христианам и для чтения новоначальным, поскольку в них содержится высокое нравственное учение.

Протестанты эти книги отвергают и называют апокрифами. Католики на Тридентском Соборе большинство неканонических книг включили в канон. Поэтому у них они иногда называются второканоническими.

Относительно термина «апокриф» следует пояснить, что применительно к Священному Писанию он впервые стал использоваться гностиками, которые называли так «тайные» книги, которые апостолы будто бы оставили для «посвященных», в отличие от всем известных книг, предназначенных для простецов. Поскольку эти подложные книги содержали учение, отвергаемое Церковью, то название «апокриф» со временем утвердилось за всеми книгами, претендующими на то, чтобы быть частью Писания, но отвергаемые Церковью. По темам и жанрам они близки к каноническим книгам Библии, но, в отличие от неканонических, не признаются полезными и назидательными. Из довольно многочисленных ветхозаветных апокрифов можно назвать Книгу Юбилеев, Книгу Еноха, Завет двенадцати патриархов, Четвертую книгу Маккавейскую.

Следует отметить, что список канонических книг практически совпадает с канонем, принятым в современном иудаизме. Означает ли это, что иудейский канон первичен по отношению к церковному? Совсем необязательно. Окончательная фиксация канонов, которые ныне признаются иудеями, совершилась в начале II века по Р.Х. Она происходила одновременно с формированием новой традиции, вызванной разрушением Иерусалимского храма, когда понадобилось устраивать общинную жизнь на каких-то новых, отличных от прежних основаниях. Результатом стало появление фактически новой религии, которая по своему возрасту несколько моложе христианства. Церковь Христова считает себя в гораздо большей степени преемницей ветхозаветной Церкви, если рассматривать Ветхий Завет приготовлением к принятию Нового (см. Иер. 31: 31). Кстати, традиционно считалось, что канон книг Ветхозаветных был заключен и составлен еще во времена священника Ездры, то есть в V веке до Р.Х. Об этом у нас будет отдельный разговор. Поэтому для нас самое главное – это определения Церкви о

¹ В силу ограниченности объема курса из неканонических книг здесь будут кратко рассмотрены только книги Маккавейские, поскольку с их помощью мы сможем «перебросить мостик» от ветхозаветной библейской эпохи к новозаветной.

достоинстве той или иной книги. То, какие книги являются каноническими и должны читаться в Церкви, установлено правилами святых отцов и святых Вселенских Соборов.

Здесь следует добавить, что церковным текстом Писания всегда был текст Септуагинты, текст перевода семидесяти толковников, которые в III веке до Рождества Христова перевели Священное Писание на греческий язык для египетского царя Птолемея Филадельфа [44]. Вслед за святителем Иоанном Златоустом скажем, что «это было делом домостроительства Божия, чтобы этими книгами воспользовались не только знавшие еврейский язык, но и все обитатели вселенной» [29, т. 4, с. 26].

Итак, в нашей Библии мы видим 39 канонических богодухновенных книг Ветхого Завета. Однако в ряде древних святоотеческих текстов – например, в стихотворном послании святителя Григория Богослова к Амфилохию о том, какие книги должно читать, – увидим, что там перечисляются 22 книги. Что это значит? Что во времена святителя Григория меньше было книг? Нет, это значит, что существует разное исчисление и разделение этих книг.

Откуда берется число 22? По числу букв еврейского алфавита, таким же образом они исчисляются и в традиции еврейской Библии. Состав текста тот же самый, просто некоторые книги группируются. Каким образом? В послании святителя Григория предлагается такой порядок: сначала идут книги Пятикнижия, Иисуса Навина, Судей и Руфи; затем две книги Царств, то есть не четыре, как мы сейчас считаем, а соединяя их по две вместе: первую-вторую, третью-четвертую; Паралипоменон как одна книга и Ездры, то есть 12 книг, которые он называл историческими. Затем 5 книг, которые он называет стихотворными: Иова, Давида, то есть Псалтирь, и 3 Соломоновы: Екклесиаст, Песнь песней и Притчи; 5 книг Духа пророческого: 12 малых пророков как одна книга, Исаии, Иеремии, Иезекииля и Даниила – разделение практически то же самое, которое мы сейчас употребляем для наших практических нужд. Заметим, что он не выделяет книги Пятикнижия как книги законоположительные, как мы сейчас выделяем, но три других критерия ясно различимы: исторические, учительные и пророческие книги.

Сейчас принято четырехчастное разделение книг [84]:

1. Книги законоположительные, которые составляют главное основание Ветхого Завета. К ним относятся книги: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие.

2. Книги исторические, которые содержат преимущественно историю благочестия: Иисуса Навина, Судей, Руфь, Царств, Паралипоменон, Ездры, Неемии и Есфирь.

3. Книги учительные, которые содержат учение благочестия: Книга Иова, Псалтирь, и книги Соломоновы (Притчи, Екклесиаст, Песнь песней).

4. Книги пророческие, которые содержат пророчества или предсказания о будущем, и в первую очередь об Иисусе Христе: книги великих пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля и Даниила, а также книги 12 малых пророков – Осии, Иоиля, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума, Аввакума, Софонии, Аггея, Захарии, Малахии.

Канон еврейский имеет немного другое деление: Закон, Пророки и Писание – 3 части. Именно так, в соответствии с ветхозаветной традицией, говорил о Писании апостол Христос (Лк. 24: 44). Закон (Тора) – это Пятикнижие Моисеево. Пророческие книги (Невиим) включают в себя не только те книги, которые мы называем пророческими, но и книги, которые мы называем историческими, – это совсем не случайно, мы в свое время будем говорить, почему так получается. К пророкам в еврейской Библии относят так называемых ранних пророков: книги Иисуса Навина, Судей, Самуила (вы можете в современных западных изданиях встретить, что Первую и Вторую книги Царств называют первой и второй книгами Самуила, а Третью и Четвертую – уже непосредственно книгами Царств) – и поздних пророков: книги Исаии, Иеремии, Иезекииля и 12 малых пророков как одну книгу. Обратите внимание, что в этом списке мы не встречаем пророка Даниила, книга которого в еврейском каноне к пророческим книгам не относится. Писания (Кетувим) – это все остальные книги: поэтические,

то есть псалмы, притчи Соломоновы, Книга Иова, так называемые Пять свитков – это Песнь песней, Руфь, Плач Иеремии, Есфирь, Екклесиаст и исторические книги, к которым относятся Книга пророка Даниила, Книга Ездры и две книги Паралипоменон. Как видите, это совсем другое разделение. В нашем курсе мы будем несколько раз к нему обращаться для выяснения некоторых интересных подробностей.

Последнее замечание касается разделения Писания на главы и стихи. Мы привыкли, что глава объемлет собой логически заверченный фрагмент книги. Также и границу между стихами мы воспринимаем как несущую определенный смысл. Однако следует понимать, что это разделение не принадлежит священным писателям, они писали подряд, давая где нужно указания на начало нового раздела. Для удобства «навигации» еще в ветхозаветные времена употреблялось разделение текста Писания на фрагменты, с течением времени это разделение менялось. Можно заметить, что разделение паремий не соответствует современному разделению на главы, которое было сделано в XIII веке. Разделение на стихи появилось еще позже, в XV веке. Поэтому иногда полезно читать Писание, игнорируя это разделение. В некоторых изданиях с этой целью текст печатается сплошным, а указания глав и стихов делается на полях.

О богодухновенности Священного Писания. Может возникнуть вопрос: существуют ли какие-нибудь формальные критерии, по которым определяется богодухновенность той или иной книги? Иногда называют следующие формальные критерии: книга должна быть в оригинале на еврейском языке, что, по крайней мере, характерно для всех канонических книг, и на эту книгу должны быть ссылки в Новом Завете. Однако не прекращающаяся на протяжении столетий полемика между католиками и протестантами о составе канона Писания ясно показывает, что это скорее вторичные признаки. Не на все канонические книги мы находим ссылки в Новом Завете, с другой стороны, есть неканонические книги, бывшие некогда на древнееврейском языке и ссылки на которые можно при желании найти в новозаветных книгах. Таким образом, следует признать, что формальных признаков каноничности не существует.

Для нас актуально церковное Предание, которое от ветхозаветной Церкви перешло к Церкви Новозаветной, то есть непосредственное свидетельство Церкви об этих книгах. Именно Церковь Духом Святым свидетельствует о богодухновенности той или иной книги. Формально это свидетельство запечатлено в определениях Церковных Соборов.

Давайте здесь остановимся и подумаем о том, что мы имеем в виду, когда говорим, что книги «богодухновенны»? Я думаю, что вам это слово хорошо знакомо, поскольку вы его встречали в курсах Катехизиса и Нового Завета, но тем не менее стоит вновь коснуться этого вопроса. Вы, наверное, знаете определение Пространного христианского катехизиса святителя Филарета: «Мы говорим о богодухновенности, имея в виду, что эти книги были написаны по внушению Духа Святого особыми, избранными Богом людьми, которых мы называем пророками или апостолами». Но здесь есть некая трудность следующего характера. Когда-то эти книги были действительно написаны по внушению Святого Духа, но мы-то имеем совсем не те книги, мы имеем Библию синодального издания, которая была переведена в XIX веке с каких-то списков, а эти списки были переписаны еще с каких-то списков и т. д. Их, может быть, давным-давно уже все испортили: какой-то переводчик ошибся, переписчик не то переписал, какой-нибудь злонамеренный редактор что-нибудь переставил местами. И в результате мы наивно думаем, что читаем богодухновенную книгу, а она совсем не та, что была написана по внушению Духа Святого апостолом или пророком. Такие мнения часто встречаются в современных научных исследованиях.

Но нас это не должно особенно пугать. В Церкви всегда действует Дух Святой. Действовал он и в Церкви ветхозаветной. И до тех пор пока Священное Писание пребывает в Церкви, действием Святого Духа оно и сохраняется для нас, и мы в нем читаем и видим то же самое, что Бог хотел нам сказать через пророков и через апостолов. А вот когда какие-то люди от

Церкви отходят – возьмем, к примеру, иудеев в I веке или протестантов в XVI веке, – тогда сохранность Писаний становится целой проблемой.

Сначала раввины занимались толкованием Писания. Но затем в VI веке появляются масореты (от евр. масора – предание, традиция) – хранители традиции. Чем они занимались? Стандартизировали текст Писания и разработали некую «технологию», то есть правила его хранения и переписывания, не допускавшие появления ошибок. Много позже протестанты, а за ними и католики для толкования Писания изобрели тоже разные «научные» способы, но о подлинности и неповрежденности Писания спорят до сих пор. Напрашивается некая аналогия. Когда душа оставляет тело, его трудно сохранить. Нечто подобное имеет место и по отношению к Священному Писанию.

Наконец, не нужно забывать о том, что, говоря о богодухновенности, отцы Церкви имели в виду, что совершенно особое просвещающее действие Святого Духа имеет место, когда человек читает Священное Писание. Читая его, человек входит в собеседование с Богом и тоже просвещается тем же самым Духом, под воздействием Которого Писание было написано. И более того, понять, что написано, может только тот, кто причастен к действию Духа Святого, по внушению которого это все писалось, – без этого уразуметь Писание невозможно.

Способы толкования ветхозаветных книг. Толкование по-гречески – экзегесис или экзегеза. Самый простой способ объяснения или толкования Священного Писания – буквальный. Как написано, так и понимается. Буквальный смысл подразделяется иногда на два вида. Если речь идет о прошедших событиях, то это толкование буквально-историческое; если говорится о событиях грядущих – например, сообщается, что такой-то город будет разрушен, – то речь идет о буквально-пророческом смысле.

Однако буквальное толкование не всегда применимо. Почему? Как уже было выяснено, смысл Священного Писания часто не лежит на поверхности. Есть места, которые не могут быть поняты буквально. Например, явление Бога Моисею на Синае, когда Бог ставит Моисея в расщелину, покрывает его «ладонью», потом Моисей видит «задняя Божия». С точки зрения того, что мы знаем о Боге, это некая нелепость. Несомненно, что здесь есть иносказание, которое связано с тем, что наше мышление, наш язык не вполне годен для того, чтобы божественные тайны вот так просто могли быть переданы и поняты. И тогда применяется духовное (иносказательное, или аллегорическое; см. Гал. 4: 24) толкование, когда буквальный смысл замещается другим смыслом – духовным, так как он более соответствует истинному представлению о Боге. Иногда подобное происходит и при передаче учения нравственного порядка. Например, евангельскую фразу об отсечении соблазняющей руки и вырывании глаза никогда не считали предполагающей буквальное исполнение.

Так, в толковании на Книгу пророка Исаии святитель Василий Великий говорит: «Основываясь на общих понятиях, надобно согласиться – противоречащих выражений о Боге не разуметь буквально. Так, например, по общепринятому разумению, должно признать, что Божие естество благо, не причастно гневу и правосудно. Посему если Писание говорит, что Бог гневается, или скорбит, или раскаивается, или дает кому ответ не по достоинству, то надлежит вникнуть в цель изречения и внимательно подумать, как может быть восстановлен истинный смысл, а не извращать достойных уважения мыслей о Боге. Таким образом не будем встречать преткновений в Писании, извлекая для себя пользу из мест удобопонятных и не терпя вреда от мест неясных» [12, ч. 2, с. 11].

Такое толкование, отдаляющееся от буквы Писания и дающее более глубокое понимание, доступно только людям, просвещенным благодатью Святого Духа. Без этого оно становится просто плодом человеческих домыслов. Поэтому 19-м правилом Трулльского Собора определено толковать Священное Писание только в согласии с писаниями отцов Церкви.

Как правило, духовное толкование не отвергает буквальный смысл Писания, но дополняет его, надстраивает новыми уровнями смысла. Ведь и окружающая нас реальность не сво-

дится только к видимой, и зачастую видимое является символическим отражением невидимого, чем и определяется существование разного уровня раскрытия смысла священного текста. Святитель Феофан Затворник, говоря о том, что не все знание о вещах может быть получено только рассудочным путем, поясняет, что «кроме фактического, есть еще в каждой вещи мыслимое, разумеваемое только и созерцаемое, внутреннейшее ее существо, отпечатленное и выраженное фактической ее стороною. <...> При всем том, однако ж, оно не есть что-нибудь мечтаемое, а есть действительно присущая там мысль» [76, с. 237].

В соответствии с различными смыслами можно выделить три типа духовного толкования. Первый тип называется аллегорическим (от греч. аллегория – иносказание) в узком смысле термина. Это догматическое толкование, касающееся вероучительных истин. По определению святителя Димитрия Ростовского, когда «под простыми речениями таится нечто приличное вере или Церкви, воюющей на земле» [цит. по 9, т. 1, с. 95], то есть относится к тому, что нам уже открыто и явлено. Так, святитель Василий Великий, объясняя пророчество Исаии о горе Дома Господня (Ис. 2: 2), говорит: «Горе же уподоблено сошествию Господа на землю потому, что гора есть земная возвышенность. Но и плоть Господня, по общей нашей природе будучи землей, возвышена чрез соединение с Богом» [12, ч. 2, с. 79]. Подобным же образом объясняет он и слова пророчества о Рождестве (Ис. 7: 10): «Писание называет знамением необычайное и служащее к выражению какого-то таинственного слова. Что же чудеснее и божественнее для слуха и зрения, как рождение Бога нашего от Девы? Посему “*проси от Господа Бога твоего*” (потому что никто другой не может дать) “*знамения во глубину, или в высоту*”. В положении мира по природе своей занявшее низшую страну есть земля; а высшую всего видимого – небо. Поскольку “*Слово плоть бысть*” (Ин. 1: 14), то пророчество речением “*во глубину*” означает землю и восприятую от нее плоть, а речением “*в высоту*” – пренебесное Слово – Того, Кто превыше всякого начальства и власти, Кто “*в начале бе у Отца, и есть Бог Слово*” (Ин. 1: 1)» [12, ч. 2, с. 224].

Второй тип носит название тропологического (от греч. тропос – нрав). Это толкование имеет целью раскрыть истины нравоучительные, относящиеся к духовной жизни.

И третий тип толкования – анагогия (от греч. анаго – возвожу). Анагогическое толкование открывает тайны грядущего Царства. По определению святителя Димитрия, это «нечто, приличное жизни вечной, еяже чаем, или Церкви, в вышних торжествующих, к нейже прейти желаем и надеемся» [цит. по 9, т. 1, с. 95], то есть к тому, что еще нам не явлено.

Можно заметить, что по содержанию третий тип толкования весьма близко примыкает к первому.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин иллюстрирует приведенные типы толкования следующим образом: «Один и тот же Иерусалим можно понимать в четверояком смысле: – в историческом смысле он есть город Иудеев; в аллегорическом – есть церковь Христова; в анагогическом – есть город Бога небесный, который есть мать всем нам; в тропологическом – есть душа человека, которую часто под этим именем Господь порицает или похваляет. Об этих четырех родах толкования апостол говорит так: “*теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?*” (1 Кор. 14: 6). Откровение принадлежит к аллегории, по которой то, что содержит историческое повествование, объясняется в духовном смысле... А познание, упоминаемое также апостолом, есть тропология, по которой все, что относится к деятельной рассудительности, что полезно или честно, мы различаем благоразумным исследованием... Также пророчество, которое апостол поставил на третьем месте, означает анагогию, которая относится к невидимому и будущему... А учение означает простой порядок изложения истории, в которой не содержится никакого более сокровенного смысла, кроме того, какой означается словами» [31, с. 425].

К первому типу толкования также можно отнести типологическое толкование [53; 64, с. 52], раскрывающее прообразы, содержащиеся в ветхозаветной истории. При таком толковании отдельные ветхозаветные лица или события истолковываются как прообразы лиц или событий новозаветной истории. Классический пример – это пророк Иона, прообразовавший пребыванием во чреве кита погребение Спасителя (Мф. 12: 40), сооружение пророком Моисеем медного змея (Ин. 3: 14), история патриарха Иосифа, в которой мы усматриваем пророчество об обстоятельствах служения Господа Иисуса Христа. Типология широко используется как в святоотеческих творениях, так и в богослужебных текстах.

Понятие о ветхозаветной библейской критике. В настоящее время многими исследователями Священного Писания аллегорическое в широком смысле толкование игнорируется, и на его место поставляется так называемая библейская критика. Под библейской критикой подразумевается такой подход к Священному Писанию, когда к его изучению применяются те же научные средства и методы (исторические, археологические, лингвистические и т. п.), какие используются применительно к любому другому историческому документу и литературному тексту, с тем чтобы выяснить его происхождение, первоначальное намерение автора, а также подлинный смысл².

К сожалению, такой подход получает все более и более широкое распространение и среди православных библеистов. Некоторые из них прямо утверждают, что в наше время никакой другой экзегезы, кроме как библейско-критической, быть не может: ни один современный образованный человек толковать Священное Писание так, как это делал святитель Василий Великий, уже не станет.

Зарождение библейской критики следует отнести к XVI веку. У ее истоков стояли европейские гуманисты: Лоренцо Валла, Иоган Рейхлин, – нередко тяготевшие, как известно, к античной культуре. Известно, что одним из стимулов к изучению древнееврейского языка стало желание познакомиться с каббалистикой. Еврейскому языку и способу комментария учились у раввинов. Постепенно библейская критика приобрела признание сначала у протестантов (и это естественно, так как, отвергнув остатки церковной традиции, они должны были создавать свою), а затем и у католиков [см. 91, кн. 1, с. 10–17]. В конце XIX века среди православных также появились сторонники такого подхода к изучению Священного Писания. Однако из отравленного источника течет отравленный поток. Дело в том, что «подходят к Писанию не из Церкви, не от веры и духа, а извне, из чисто личной рассудочной области, с обычными внешней науке критическими приемами, имеющими в основе всех своих изысканий метод недоверия и сомнения. В этом и заключается коренная ложь. Писания даны только вере и любви Церкви, и только в ней и ее верными сынами могут быть истолковываемы» [50, с. 63].

Описываемые методы несомненно несут на себе отпечаток мировоззрения своих творцов. В этом мы скоро убедимся. Не вдаваясь в подробности, постараюсь дать общее представление о библейской критике, почерпнутое именно у православных авторов.

Одним из решительных сторонников «современных» подходов был профессор А. В. Карташев. Поэтому здесь будут приведены выдержки из его актовой речи, посвященной ветхозаветной библейской критике. Он пытается дать ей догматическое обоснование: «Вот поскольку и святоотеческая мысль [здесь идет ссылка на Толкование книги пророка Исаии свт. Василием Великим, в целом содержащее прямо противоположные высказываемым Карташевым идеи] утвердила положение о полноте действия естественной человеческой психики и об отражении ее в самих писаниях священных авторов, постольку догматически оправданы и узаконены и те методологические операции над текстом и содержанием Библии, которые требуются научным знанием. Критическая работа тут уместна потому, что она прилагается к подлежащему ее ведению человеческому элементу: он здесь полностью дан. Дан, ибо Библия есть не только

² См., напр., статью «Библеистика» в Православной Энциклопедии (Т. V. М., 2002).

слово Божие, но и слово человеческое в их гармоническом сочетании, точнее: слово богочеловеческое. Наше обычное выражение “слово Божие” догматически бесспорно, но неполно, как и выражение “Иисус Христос – Бог” верно, но неполно; точнее: Богочеловек. Стало быть, формула “Бог – автор священных книг” должна звучать как монофизитский уклон в сторону от настоящего Халкидонского православия. Таким же уклоном было бы и исключительное держание за одно только выражение “слово Божие”. С лозунгом “слово богочеловеческое” мы утверждаемся на незыблемой скале Халкидонского догмата. Это чудесный ключ, открывающий путь к самым центральным спасительным тайнам нашей веры, и в то же время это благословение на безгрешное построение в православии критического библейского знания. Конечно, рассуждаем мы здесь не по тождеству, а лишь по аналогии с христологическим догматом, ибо тут нет боговоплощения, здесь лишь сосуществование человеческого начала с божественным. Здесь без ереси уместны формулы антиохийского богословия: обитание Духа Божия в человеческой оболочке слова библейского, как в храме, без неслиянной и нераздельной ипостасности» [37, с. 72–73].

До этого места трудно, казалось бы, не согласиться. Но оказывается, что результаты при отказе от приложения, пусть условного, этого догмата получаются все же вполне еретическими. Заявляется, что, для того чтобы понять Слово Божие, следует тщательно изучить его «человеческую оболочку», но при изучении последней потом совершенно забывают о первом. И происходит полное отделение слова человеческого от Слова Божьего. Кстати, можно заметить, что в своей книге «Вселенские соборы» Карташев всячески выгораживает Нестория, так что тот становится не еретиком, а просто жертвой непонимания со стороны святителя Кирилла и других защитников православия.

В одном современном православном учебнике прямо во вступлении говорится, что «особенность любого литературного произведения заключается в том, что его автор нам более недоступен, и поэтому, для того чтобы понять, что именно имел в виду автор, когда писал те или иные слова, мы имеем перед собой только этот текст и соответственно путем изучения психологии древних авторов, путем лингвистического разбора и так далее мы только и можем выяснить для себя, а что же, собственно, тут написано» [94, с. 1]. Кто-нибудь из вас видит здесь какой-нибудь логический дефект? Если авторство Библии мы относим к Богу, если мы говорим, что Дух Святой глаголет пророкам, то говорить, что автор этого Писания нам больше недоступен, значит заявлять, что мы к Церкви никакого отношения не имеем. В устах какого-нибудь протестанта это звучит естественно, но не из уст профессора православной семинарии.

То или иное место Священного Писания считается теперь вполне истолкованным и объясненным, если где-нибудь в глубинах истории найдено какое-нибудь историческое лицо, которому было выгодно это написать. Скажем, мы нашли псалом 50, оказалось, что его мог отредактировать во времена Вавилонского плена человек, которому очень хотелось, чтобы поскорее восстановили Иерусалим, – все, с объяснением закончено. История патриарха Иуды добавлена в книгу Бытия по заказу Давида, чтобы повисить престиж династии. Книга пророка Даниила написана во II веке до Р.Х., чтобы укрепить иудеев на борьбу с сирийцами. И так далее.

Это ли имел в виду апостол Павел, когда писал, что *«все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приуготовлен»* (2 Тим. 3: 16–17)?

Но и это еще не все. Оказывается, пророки не знали будущего. Они только догадывались о грядущих событиях. Поэтому, если что-то предсказано точно, имя например, то это не предсказание, а поздняя, современная событию вставка редактора. А если и предсказание, то пророк, конечно, не понимал его смысл. Например, у того же Карташева: «Разве знал Исаия, прославляя близкого ему страдальца за Израиль, что его пишущая трость, изображающая прообраз, уже чертит картины Голгофы, чеканя готовые речения для будущих евангелистов; равно как и псалмопевец – автор 21 псалма, (обратите внимание, что он не говорит: Давид), – разве

знал он, что его литературный образ: “разделиши ризы Моя себе, и о одежде Моей меташа жребий” (Пс. 21: 19) – есть уже прообраз событий Голгофы, – только нам это открылось и раз и навсегда поразило нас своим совпадением. Не думал, конечно, и подлинный исторический Исаия, когда он, – как читаем в 7 главе этой книги, – как на знамение милости Ягве указал на предстоящее рождение какой-то молодой женщиной сына с именем Еммануил, – не думал Исаия, что это рождение и это символическое имя, хотя сердце пророка и билось при этом мессианскими предчувствиями, что весь этот маленький политический инцидент выйдет потом далеко за пределы этой захолустной провинциальной истории и что все это прообраз Благовещения и Рождества Христова – события более чем всемирного» [37, с. 33–34]. На грани кощунства эти высказывания. И конечно, они находятся в вопиющем противоречии с тем, что говорили и о пророках и о пророчествах святые отцы. Хотя и Карташев, и другие постоянно на святых отцов пытаются ссылаться.

Но не все места Ветхого Завета поддаются легкому перетолкованию. Ведь кое-что разъясняется в апостольских писаниях. Как быть? Но тут у критиков есть замечательный выход, формулируется он так: «Приходится различать евангелистов и апостолов, – это уже о Новом Завете говорится, – как богодухновенных вещателей открытых Христом и вверенных Святым Духом хранению всей церкви абсолютных истин и тех же Матфея, Марка, Луку, Иоанна, Павла и прочих как учеников ограниченной и дефективной школьной раввинистической среды» [37, с. 82–83]. То есть, когда нам что-то нравится, мы говорим, что это богодухновенный автор, а когда что-то не нравится, мы говорим, что это дефективная школьная раввинистическая среда. Очень удобно, очень. Не совсем ясно, правда, как быть со словами Самого Христа о Ветхом Завете и пророках, сохраненными в Евангелиях. Но наверное, и на это есть какая-нибудь уловка, хотя обычно они просто игнорируются.

В итоге мы можем делать со Священным Писанием все, что угодно. Но итог катастрофический: результат исследования Священного Писания с помощью методов библейской критики похож на результат поиска хирургами в человеке души – такое нечто изрезанное и уже бездушное. Точно так же и здесь: таким образом, с помощью разных лингвистических анализов, числовыми методами и так далее тайны Божии не открываются. «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5: 8) – так сказано в Писании.

«Оттого-то и у самих толкователей произошло столько разностей и погрешностей, что, приступая к толкованию Св. Писания, не заботятся об очищении духа: по причине нечистоты сердечной они не только не видят света истины, но еще придумывают много противного вере» [31, с. 69].

Итак, мы наблюдаем разрыв с евангельской, апостольской и святоотеческой традицией. Но может быть, есть какая-то польза от библейской критики? Ведь сколько труда на нее положено? Известный богослов XIX века епископ Михаил (Грибановский) писал, что польза от библейской критики может быть, только если она употребляется для апологетических целей. Огромные усилия потрачены в мире на исследования Писаний в описываемом духе, но они мало способствовали укреплению веры и благочестия. «Превращение боговдохновенных записей, врученных верующему духу Церкви, в простые исторические письменные памятники, подлежащие критике всякого даже вполне неверующего человека, – это прямой признак церковного умирания. Это показывает разрыв с небесной Церковью, от которой идут Писания, со Св. Духом, который говорит в них и воспроизводит в нашей вере живые, когда-то бывшие события. Это значит отнестись к Церкви и ее словам совершенно – в строгом смысле слова – извне, то есть, следовательно, быть вне Церкви, выйти из нее» [50, с. 63].

«Но как же? Разве не возможна, разве не нужна историческая критика в Церкви? Разве не очевидно, что истина не боится исследования и в конце все-таки восторжествует?.. Да, историческая критика нужна в виде защиты, как нужны пушки против пушек врагов. Но нужно знать, что это – метод, враждебный Церкви, чужой для нее. Он нужен, когда нападают на нее,

но не для наступления и не для внутреннего подъема жизни. Он может только убивать врага и отражать его и потому должен применяться только к врагам, нападающим на нас. Как нельзя пушки, хотя бы и отбитые у неприятеля, направлять на своих, потому что они только и могут, что убивать, куда бы ни были направлены, – так нельзя и внешнюю критику Писаний обращать внутрь Церкви, вводить в ее среду» [50, с. 65].

Последнее, что здесь следует добавить, – это то, что, хотя современные библейские исследования выглядят весьма научно, они все же не вполне научны. В чем же дело? Дело в том, что, как об этом справедливо писал еще священник Павел Флоренский в своей работе «Столп и утверждение истины», «научные методы, на которые опирается библейская критика, имеют вероятностный характер» [88, с. 544–551]. Дело в том, что происхождение тех или иных особенностей текста Священного Писания может быть объяснено различными причинами. И каждая из них вполне могла иметь место. Таким образом, серьезный, претендующий на научную объективность исследователь может и должен, говоря о том или ином явлении, перечислить его возможные причины, желательно с указанием математической вероятности. И существование одной, более вероятной, не исключает возможности существования всех остальных. Но это еще не все. Помимо вероятности, представляющей собой некоторую величину, лежащую в интервале между нулем и единицей, существует еще математическое ожидание. В приложении к нашему случаю оно может быть названо нравственным ожиданием. Вероятность выиграть в лотерею невелика. Но все же выигрыш возможен. И желание выиграть заставляет пренебречь риском и предпочесть ставку на эту малую вероятность. Вот здесь и встает вопрос веры. Если одна из возможностей совпадает с церковным преданием, разве мы не отдадим ей предпочтение? И разве неверующий ученый, желающий обосновать свое неверие, не отметит ее ради той, которая предпочтительнее для него? Отсюда и происходят бесконечные споры между учеными, каждый из которых отстаивает свою точку зрения, опровергая прочие. Кстати, это еще один аргумент не в пользу библейской критики – пользуясь одними и теми же методами, ученые, опираясь на один и тот же текст, приходят подчас к совершенно противоположным выводам.

Раздел I. Пятикнижие Моисеево

Пятикнижием называются первые пять книг Священного Писания. Оно занимает важнейшее место среди других книг Священного Писания, потому что в нем содержатся фундаментальные истины библейского Откровения. Во-первых, в этих книгах дается самое общее учение о том, что Бог есть Творец мира, о происхождении мира и о месте человека в этом мире. И, во-вторых, дается как первоначальное место человека в этом сотворенном мире, так и история грехопадения, история повреждения этого мира. Затем – история благодетельности Бога роду человеческому и начало истории спасения человечества, истории деятельности Бога, если можно так выразиться, по приведению человека в его первоначальное достоинство и обетование о том, что это будет сделано. Именно на страницах Пятикнижия мы видим причину, по которой происходит существенное сужение географического кругозора библейских книг от всего человечества до узких рамок одного из народов, населяющих землю.

Термин «Пятикнижие» появляется впервые у Оригена и у Тертуллиана, то есть у христианских авторов. В самом тексте Ветхого Завета эти книги называются «Закон» или «Закон Моисеев» либо «книги Закона Божия». Традиционное иудейское название также «Закон» – «Тора».

Каждая из книг в еврейской традиции обычно называется по первым словам (по аналогии – в современной поэзии ненадписанное автором стихотворение называется по своим первым словам). В традиции Септуагинты, то есть греческого перевода Священного Писания, каждая из этих книг переводчиками была озаглавлена в соответствии с ее основным содержанием: первая книга – Бытие (от греч. генесис – происхождение или становление), вторая – Исход, третья – Левит, четвертая книга – Числа и пятая – Второзаконие. Как было сказано ранее, важность той или иной книги Священного Писания Ветхого Завета для нас определяется в том числе и частотой упоминания и ссылок на эту книгу в Новом Завете. Из этих пяти книг три входят в число пяти наиболее часто цитируемых: Бытие, Исход и Второзаконие – наряду с такими книгами, как Псалтирь и Книга пророка Исаии.

Какие же события охватывает Пятикнижие? Начиная от сотворения мира и истории первоначального человечества, эпоху патриархов, время Авраама, переселение потомков Авраама в Египет, выход их оттуда и путешествие к границам той земли, которую Бог обещал дать во владение потомкам Авраама.

Нужно сказать, что до XVII века никогда и никем особенно не оспаривалось авторство Моисея. Начиная с XVII века такие попытки предпринимались, но каких-то убедительных результатов пока до сих пор не получено. Наиболее серьезные аргументы в пользу того, что все эти книги были написаны очень поздно, вплоть до послевоенной эпохи, были выдвинуты в XIX веке. Однако открытия, и исторические, и палеографические, и археологические, сделанные в XX веке, во многом обесценили эти достижения науки XIX века и вернули ученых к тому, что Церковь знала от самого начала – эти книги написаны Моисеем³. Это, впрочем, не исключает действительно каких-то более поздних редакций, которые могут встречаться в тексте этих книг. Например, ничто не мешало более позднему переписчику добавить при описании какого-то места, что сейчас, то есть во время этого переписчика, имя этому месту такое-то, и эта вставка совершенно не должна обозначать, что и целиком весь этот фрагмент написан именно в то время, когда такой топоним действительно употреблялся.

³ См., напр., статью «Археология библейская» в Православной энциклопедии (Т. III. М., 2001).

Глава 1. Начало

Первая книга Священного Писания – книга Бытия – охватывает собой период от сотворения мира до переселения патриарха Иакова со своими сыновьями в Египет и заканчивается кончиной Иакова и погребением его и смертью Иосифа.

В книге можно выделить три больших раздела. Первый раздел – это сотворение мира, которое описывается в первых двух главах. Второй – история первого мира, начиная с падения человека и кончая гибелью этого первого мира в потопа (3–8 гл.). Третий период – это история патриархальной церкви, как ее называет святитель Филарет Московский, начавшаяся после потопа, которая, собственно, охватывает собой всю оставшуюся часть, то есть с конца восьмой по пятидесятую главу книги Бытия. Здесь сначала идет речь о жизни людей после потопа, от Ноя до Авраама, а затем повествуется о происхождении и образовании избранного народа. Этот последний раздел содержит в себе четыре части, посвященные патриарху Аврааму, его сыну Исааку, внуку Иакову и правнуку Иосифу.

В этой главе мы рассмотрим описанные в книге Бытия события от сотворения мира и грехопадения до обновления мира водами потопа.

1.1. Библейский рассказ о сотворении мира

Повествование книги Бытия начинается с описания сотворения мира: «В начале сотворил Бог небо и землю». Я не стану разбирать подробно состав каждого дня творения, поскольку этому посвящена обширная и доступная литература. Акцентирую внимание на наиболее важных вопросах.

Прежде всего, нужно отметить само слово «сотворил» (евр. бара). «Берешит бара Элогим», – начинается этот отрывок по-еврейски. Слово «бэрешит» кроме Быт. 1: 1 встречается в Писании еще 4 раза (Иер. 26: 1, 27: 1, 28: 1, 49: 34) в одном и том же контексте: «в начале царствования».

В значении «сотворил» здесь употребляется глагол, который в Писании никогда больше не прилагается к каким-то действиям человеческим, то есть тем самым в рамках доступных для нас языковых средств нам внушается мысль, что действительно произошло нечто совершенно новое, а именно в этом мы видим указание на творение из ничего. А в греческом тексте для обозначения творения употребляется глагол «пио» – глагол, который употребляется также для обозначения поэтического творчества: Бог здесь представляется как Творец, как сочинитель, как поэт, художник, который творит этот мир.

Слова: «*В начале сотворил Бог небо и землю*» – напоминают нам первые стихи Евангелия от Иоанна: «*В начале бе Слово*», и дальше там говорится: «*вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть*» (Ин. 1: 1, 3). Мы вправе, и Ветхий Завет позволяет нам, видеть не случайность в одинаковости этого названия, потому что есть в других ветхозаветных книгах более прямые указания на непосредственное участие Второго Лица Святой Троицы – ипостасной Премудрости Божией в творении. Так, в Книге притчей Соломоновых, в восьмой главе, мы можем прочесть следующее: «*Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, – речь идет от лица Премудрости, – когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею,*

и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими» (Притч. 8: 22–31). И поэтому неслучайно в прологе Евангелия от Иоанна мы видим указание: «вся Тем быша», то есть все Словом Божиим сотворено. Кроме того, выражение «в начале» показывает, что, по слову прп. Максима Исповедника, «время от создания мира и земли исчисляется». Таким образом, «Бог сотворил мир не в вечности и не во времени, а вместе со временем» [13, с. 17], которое есть изменчивость бытия.

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1: 2). Эти слова говорят о Святом Духе, свидетельствуя об участии всех Лиц Святой Троицы в деле творения.

Кроме первых стихов книги Бытия еще ряд текстов Священного Писания говорят о сотворении мира. Одно из важнейших указаний содержится во второй книге Маккавейской, где говорится о том, что все Богом сотворено из ничего. Об этом говорит мать своим детям, когда, укрепляя их перед лицом гонителей, она предлагает им посмотреть на все сотворенное и познать, что «*все сотворил Бог из ничего*» (2 Мак. 7: 28). Затем в книге Псалтирь мы можем увидеть в 103-м псалме весьма поэтичное описание. Цитирую в русском переводе, непривычном для слуха: «*Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер; устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра*» (Пс. 103: 2–3) и т. д. «*Той повеле и быша, той рече и создашася*», – то же говорится в Псалтири. «*Словом Господним небеса утвердишася и духом уст Его – вся сила их*» (Пс. 32: 6).

Митрополит Иерофей Влаχος пишет: «Согласно св. Никодиму Святогорцу, в первый день, то есть в воскресенье, было начато создание мира и твари, поскольку в этот день был сотворен свет. В воскресенье, с Воскресением Иисуса Христа, началось воссоздание твари, и в воскресенье, с сошествием Святого Духа, оно завершилось. Все создание было сотворено Отцом при участии Сына и Святого Духа; обновлено Сыном при благоволении Отца и при содействии Святого Духа; а завершено Святым Духом, исходящим от Отца и посылаемым в мир через Сына» [24, с. 357–358].

В первых стихах книги Бытия также указывается некоторая последовательность сотворения мира, причем принципиальным образом подчеркивается небожественность твари и отсутствие теогонии (происхождения богов), которую мы встречаем в разных языческих религиях⁴: здесь нет какой-то борьбы богов, рождения мира, пожирания одних богов другими и т. д. Все творится простым речением Божиим: «*И сказал Бог: да будет... и стало так*». В частности, подчеркивается, например, небожественность светил и их функциональное назначение, что они поставлены для освещения и для разделения ночи и дня.

Замечательно симметричное повествование о творении как бы замыкает свой круг, приводя нас к человеку, сотворенному из земли, но, в отличие от первоначально сотворенной, не имеющей образа и вида, он сотворен по образу Божию [20]. Это повествование книги Бытия сразу указывает нам на уникальное место человека в мире. Он является как бы божественной печатью, которой запечатлено творение, которое «*хорошо весьма*» (Быт. 1: 31).

1.2. Соотнесение библейского повествования о сотворении мира с научными гипотезами

Актуальной темой является сопоставление Шестоднева с научными взглядами на происхождение мира. Она многократно встречается на страницах как произведений церковных авторов, так и сочинителей антицерковного направления, потому что именно научными данными пытались опровергнуть истинность Священного Писания и через это вообще поставить под

⁴ См., напр.: Ранняя космогоническая поэзия // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 33–80.

сомнение истинность самой христианской веры. В результате были написаны многие труды, посвященные согласованию научных данных с тем описанием, которое мы видим в книге Бытия.

Но я не буду заниматься обзором имеющихся на настоящее время гипотез. Точные науки учат нас: прежде чем решать задачу, нужно постараться выяснить принципиальную возможность существования ее решения. Его может и не быть. Мы знаем, что мир первозданный и мир, в котором мы существуем, разделены между собой одним событием – грехопадением. Что произошло в грехопадении? Пал сам человек, он потерял первоначальную чистоту, которую имел, потерял свои первоначальные способности. И по вине человека (и ради человека) земля (но не рай) подпала проклятию. Что же мы имеем? Облаченный в «кожаные ризы» человек своим падшим умом познает мир, подпавший проклятию, подчинившийся суете и тлению, и, изучая этот мир, пытается сопоставить то, что он видит, с тем, что описывается в книге Бытия, где каждый акт творения сопровождается словом: *«И увидел Бог, что это хорошо»*.

Мы не знаем, как именно изменился мир. Поэтому, даже придумав самую точную модель его существования после грехопадения, мы не можем ее распространить на время до него. Поэтому имеющиеся «противоречия» Шестоднева – такие, как явный геоцентризм библейской картины мира, сотворение света и растений прежде сотворения светил, особый порядок в находках останков живых существ – противоречат только современному устройству мира, и не более того. А тогда мир был просто другим. Мы не знаем, какова была тварь до этого падения, и кроме того мы не знаем даже, каков был ум Адама до того, как он пал, и поэтому, конечно, несколько опрометчиво пытаться сопоставлять то, что мы видим сейчас, с тем, что мы могли бы увидеть, будучи на месте Адама.

Но есть еще вопросы, касающиеся мира после грехопадения. Как объяснить несоответствие библейской хронологии предположительному возрасту Земли и ее обитателей? И почему отсутствуют человеческие останки среди останков древних животных? Здесь следует сказать следующее. Во-первых, порядок расположения останков свидетельствует о том, кто в какой последовательности умер, а не появился на свет. Во-вторых, мир создан для человека. Что мешает нам предположить, что человек был переселен из рая на проклятую землю уже после того, как на ней произошли определенные процессы и она стала более-менее пригодна для жизни (например, вымерли динозавры)? Ведь между проклятием земли и выдворением людей есть еще некий момент. А вне рая в течение этого момента могло пройти сколько угодно лет. Это лишь гипотеза, но она с научной точки зрения непротиворечива. Тогда нет смысла сопоставлять «возраст вселенной» с продолжительностью жизни людей, указанной в Библии.

В этой связи становится неинтересной и полемика эволюционистов и креационистов. Ведь и те и другие для доказательства своих воззрений оперируют фактами, относящимися к падшему миру.

Мы знаем, что мир этот, в котором мы существуем, будет обновлен, что он сберегается грядущему огню, и что все дела на нем сгорят, и будет новое небо и новая земля, в которых обитает правда (2 Петр. 3, 7–10). Кстати, почему бы не сопоставить и библейское откровение о конце мира с данными науки? Но таких исследований практически не встречается.

В этой связи, конечно, мы должны достаточно осторожно подходить как к попыткам согласования или, наоборот, выявления разногласий научных данных с библейским повествованием, так и к тем выводам об истинности или ложности веры, которые на основании этих попыток делаются.

1.3. Сотворение человека

В начале книги Бытия мы видим два рассказа о сотворении человека (Быт. 1: 26–28; 2: 7, 18–25). Почему так? В одном из этих рассказов (Быт. 1: 26–28) сотворение человека поставля-

ется в общую канву библейского повествования о творении, и мы видим, что человек творится в один день с прочими животными. В этом смысле человек не почтен тем, что ему предоставлен какой-то особый день, в который бы он был сотворен, человек полностью принадлежит этому тварному миру, с одной стороны. С другой стороны, творению человека предшествует некий Совет, потому что мы видим, что во всем повествовании прежде о сотворении мира говорится: *«И сказал Бог: да будет... и стало так»*, причем еще иногда толкователи отмечают, что использованный в первом стихе книги глагол «бара», то есть «сотворим», который обозначает творение принципиально новое, еще дважды упоминается в этом повествовании, а именно в связи с сотворением жизни и в связи с сотворением человека. Так вот, при сотворении человека делается остановка и говорится: *«сотворим человека по образу Нашему /и/ по подобию Нашему»*, и определяется назначение: *«И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными... И над всею землею... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его»* (Быт. 1: 26–27). Здесь ясно подчеркивается отличие человека от всего остального творения. Почему? Потому что именно человек сподобляется чести быть носителем образа Божия. Иногда обращают внимание на то, что первоначально говорится: *«сотворим человека по образу Нашему и по подобию»*, а творится человек *«по образу»*. Иногда считается, что образ и подобие – это просто синонимы, а иногда считается, что здесь все-таки обозначаются разные вещи и образ относится, скажем, более к внутренней сущности того или иного явления, а подобие – к внешнему. Святитель Василий Великий комментировал это место так: *«Одно мы имеем в результате творения, другое приобретаем по своей воле. При первоначальном творении нам даруется быть рожденными по образу Божию; своей же волею приобретаем мы бытие по подобию Божию»* [10, п. 16]. То есть богоуподобление – это и есть та задача, которую получает этот сотворенный человек и ради которой даются ему в раю все прочие заповеди.

Второе повествование о сотворении человека (Быт. 2: 7, 18–25) более подробно. И также мы видим и в нем двойственность человека, то есть принадлежность его и к миру материальному, видимому, и к миру духовному: взял Бог персть земную, и сотворил из нее человека, и вдохнул в него дыхание жизни (Быт. 2: 7). В беседе с Мотовиловым преподобный Серафим Саровский (и у других отцов это встречается) говорит, что, прежде того как Бог вдохнул в человека дыхание жизни, Адам был наподобие скота. То есть отмечается материальность человека, с одной стороны, а с другой стороны, такое его возвышенное достоинство, когда человек почтен дыханием жизни от Самого Бога. Неслучайно в Псалтири Давид говорит: *«что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его»* (Пс. 8: 5–7). То есть человек является сосредоточением двух миров: в себе он должен привести и приблизить весь мир материальный к Богу.

Иногда приходится слышать мнение, что слова *«вдохнул в него дыхание жизни»* (Быт. 2: 7) означают, что человеческая душа божественна по естеству.

Термин «вдохнул», конечно, можно по-разному трактовать. Понятно, что он является одним из антропоморфизмов Священного Писания, то есть когда по отношению к Богу употребляются такие же слова, как и к человеку. Скажем, «и посмотрел Бог», «и обонял Бог благоухания жертвы», или, скажем, «покрыл Бог рукою Своею», или «дошел глас их до ушей Моих». Все это, конечно, не означает, что у Бога есть руки, ноги и уши. Это делается для обозначения тех или иных действий Божиих. Никогда Церковь не считала, что душа человеческая является божественной по своей природе. Человек является тварью полностью, в том числе душа человеческая тоже тварна. То есть нельзя сказать, что какая-то часть Божественной природы изошла и сделалась душою человеческой.

Слово Божие нам показывает, что для человека естественным является состояние благодатствованное, нет «чистой» человеческой природы, независимой от Бога. Лишенный бла-

годати человек не является уже человеком в полном смысле слова. Он снова делается «наподобие скота».

Следующим Божественным актом было сотворение Евы. Впервые «не хорошо» в Библии мы встречаем в связи с тем, что не находится Адаму «помощника, подобного ему» (Быт. 2: 20), среди всей твари, и Бог говорит, что «не хорошо быть человеку одному» (Быт. 2: 18). Таким образом, подчеркивается потребность человека иметь себе подобного. Для чего? Вспомним ответ Спасителя на вопрос о том, какая есть наибольшая заповедь в Законе. Спаситель ее указывает двухсоставной: «возлюби Господа Бога твоего всею крепостию твоею» и «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Втор. 6: 5; Мф. 22: 37).

Необходимо отметить, что когда говорится о появлении Евы, то используется другое слово, что «создал Господь Бог из ребра» (Быт. 2: 22), как бы не «сотворил». Ева не является принципиально новым, отличным от Адама творением, – здесь как раз указывается на единство рода человеческого и на полное единство и тождество этой природы, которая отныне начинает существовать в двух полах. Но есть некоторая первичность и вторичность в том, что Ева берется от мужа своего, хотя Адам и говорит: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей» (Быт. 2: 23), – то есть это фактически alter ego, другое Я. Ева называется «помощником» Адаму, подобным ему (2: 18). По мнению святителя Филарета, «это делается в ознаменование одинакового с ним естества, в противоположность другим родам животных; ближайшего ему служения (1 Кор. 1: 9); всегдашнего с ним собеседования и неразлучного сожития» [81, ч. 1, с. 46].

Появлению Евы тоже предшествует Божественный Совет (Быт. 2: 18). Необходимость разделения полов может объясняться по-разному. Аскетическая традиция утверждает, что сотворение Евы произошло в предведении грехопадения и необходимости дальнейшего размножения людей. В современной богословской литературе больший упор делается на реализации в браке возможности общения и совершенствования в любви. Эти трактовки не являются взаимоисключающими.

Можно задаться вопросом: существовал ли брак в раю, или появление потомков, которые должны плодиться и размножаться и населять землю, должно было произойти каким-то другим образом? Здесь мнения тоже расходятся. Ссылаясь на ранние творения святителя Иоанна Златоуста, утверждают, что в раю брак не существовал и он является последствием греха. Здесь стоит обратиться к словам самого святителя. Он говорит: «Первозданный жил в раю, а о браке и речи не было. Понадобился ему помощник, – и он явился; и при этом брак еще не представлялся необходимым. Его не было бы и доселе, и люди оставались бы без него живя в раю, как на небе, и наслаждаясь беседою с Богом; плотская похоть, зачатие, болезни чадородия и всякая вообще тленность не имели бы доступа к их душе, но, подобно светлomu ручью, текущему из чистого источника, люди пребывали бы в том жилище, украшаясь девством. <...> Какой брак, скажи мне, породил Адама, какие болезни чадородия произвели Еву? Ты ничего не можешь сказать на это. Для чего же напрасно боишься и опасешься, как бы с прекращением брака не прекратился и род человеческий? Тьмы тем ангелов служат Богу и тысячи тысяч архангелов предстоят Ему (Дан, VII, 10), и ни один из них не произошел по преемству, от родов, болезней чадородия и зачатия. Таким образом Бог тем более мог бы без брака создать людей, как создал Он и первых, от которых произошли все люди» [29, т. 1, с. 307–308].

Из этих слов видно, что слово «брак» можно понимать по-разному. В данном случае святитель говорит не о духовной стороне брака, а о его плотской составляющей, полемизируя с теми, кто возражал против девства, ссылаясь на необходимость продолжения человеческого рода. Многие святые отцы считали, что в раю способ продолжения рода должен был быть иным, а нынешний утвердился после грехопадения. Однако в толковании на Послание к ефесянам, где апостол Павел уподобляет отношения Христа и Церкви браку, тот же святитель Иоанн Златоуст говорит о браке как о тайне, на которую «указывал, как на нечто великое и дивное,

и блаженный Моисей, или лучше – Бог» [29, т. 11, с. 172]. То есть брак может пониматься еще и как образ чистого общения в любви, чуждого всякого греха и страстности. Поэтому и существует в Церкви запрет гнушаться браком, который утвержден Соборами. В Церкви брак в земном его понимании необязателен, так как единение человеческих ипостасей может осуществляться непосредственно через Церковь, минуя брак. Монашество – иной путь реализации этого единства.

Союз мужа и жены в книге Бытия представляется нерасторжимым, вечным, что связано с бессмертием человека, так как он не должен был умирать, но создан для вечности.

Как понимать слова *«оставит человек отца и мать свою и прилепится к жене своей»* (Быт. 2: 24), если другого отца, кроме Бога, не было?

На примере этого вопроса можно убедиться, что если брать отдельный стих из Священного Писания вне контекста, то можно на его основании сделать самые неожиданные выводы. Этим всегда пользовались родоначальники разных ересей. Если же мы посмотрим на контекст, как это всегда требуется при толковании, то увидим, что эти слова являются продолжением слов Адама, который говорит о жене, что она *«кость от костей моих и плоть от плоти моей»* (Быт. 2: 23). Во-первых, эти слова могут быть адресованы Адаму в качестве повеления его потомкам, поскольку уже была дана заповедь *«плодитесь и размножайтесь»*. Во-вторых, эти слова некоторые толкователи присваивают Моисею в качестве писателя книги Бытия, давшему некоторый комментарий к постановлению о браке. В Евангелии от Матфея Христос эти слова присваивает Богу (Мф. 19: 5). Как бы то ни было, относятся они, конечно, к последующим родам, которые должны произойти от Адама и Евы. Кроме того, по объяснению святителя Филарета Московского, заповедь прилепиться к жене своей относится к совокупному жительству, но никак не к отношению к отцу или к матери. Если бы эта заповедь говорила об обязанности навсегда оставить и забыть и отца и мать свою, то отчего же Бог повелевает: *«Почитай отца и мать твою»* (Исх. 20: 12)? Как почитать, если человек оставил их навсегда? Так что речь идет о вполне определенной стороне дела и противоречия не наблюдается.

Блаженный Иероним Стридонский считал, что здесь заключено пророчество. «Первый человек, Адам, как первый пророк, прорек это о Христе и о Церкви, – что оставит Господь наш и Спаситель Отца Своего Бога и мать Свою, Иерусалим небесный, и придет на землю ради тела Своего Церкви, и образует ее из ребра Своего: для чего Слово и бысть плоть» [цит. по 79, с. 434].

1.4. О нетленности первозданной твари

Была ли тварь смертной прежде падения Адама? Блаженный Августин считал, что животные в первозданном мире были смертны.

Однако большинство отцов – например, святитель Иоанн Златоуст, преподобные Нил Синайский и Симеон Новый Богослов, святитель Феофан Затворник – согласно утверждают, что тварь была нетленной прежде падения человека и что с падением человека, со смертью человека, входит смерть и в тварный мир. «Адам был создан с телом нетленным, однако же вещественным, а не духовным еще, и поставлен Творцом Богом, как царь бессмертный над нетленным миром, не только над раем, но и над всем творением, сущим под небесами» [66, т. 1, с. 370]. Блаженный Феодорит Кирский и святитель Афанасий Великий говорили, что и Адам по естеству был смертен, но так как жил в общении с Богом, мог пребыть бессмертным, это было делом его выбора.

«Когда же человек отклонился (от закона) и вышел за предназначенные ему пределы, Бог после потопа, зная неумеренность людей, позволил им употреблять в пищу все: *“Все это вкушайте, как зелень травную”*. Этим разрешением и остальные живые существа получили беспрепятственный выбор в еде. Итак, с того времени лев пожирает мясо, коршуны выжидают

пададь. А ведь в те времена, когда родились животные, коршуны еще не выискивали (этого) на земле. Ведь еще ничто из того, что получило от Бога свое назначение и существование, не умерло, и коршуны не могли этим насыщаться. И в природе не было раздора, ибо она пребывала в полном цветении; охотники еще не губили (животных), ибо такого занятия (как охота) у людей еще не было. И звери никого не терзали, ибо не были плотоядны. У коршунов обычаем кормиться трупами: тогда же не было еще ни трупов, ни трупного запаха, и пища коршунов была иная... Из этого сделай заключение, что и в те времена плотоядные животные поступали таким же образом; они считали своей пищей траву и не нападали друг на друга» [11, п. 6].

В Священном Писании подтверждением этой мысли являются слова апостола Павла из Послания к римлянам о том, что тварь подчинилась суеде не добровольно и что как подпадение твари суеде, то есть и тлению в том числе, так и ее освобождение связано непосредственно с человеком, то есть с его подпадением закону тления и с его освобождением от него (Рим. 8: 19–23).

1.5. Пребывание людей в раю

Согласно книге Бытия, человек творится вне рая и вводится в этот рай. О его местоположении нет каких-то однозначных толкований, но поскольку в тексте упоминается река Евфрат, то его условно размещают в Междуречье. Человек поставляется в рай для того, чтобы хранить и возделывать его. Опять же толкования здесь есть самые разные, начиная от буквальных, которые говорят, что человек поставляется в рай для того, чтобы поучаться величию Божию из величия Его творений, и вплоть до таких, которые видят в возделывании рая возделывание своей собственной души и приведение ее в богоподобное состояние.

В раю человеку даются некоторые заповеди и повеления (Быт. 2: 16, 17). Согласно одному из них, Адам нарекает имена созданиям Божиим – из этого следует, что Адам был способен постигать сущность творения, чего лишены, скажем, мы сейчас. То есть назвать имя – значит постичь, что такое перед тобой. Мы сейчас этого сделать неспособны.

Помимо заповеди возделывать сад Адаму было сказано, что он может вкушать от всякого плода, который есть в раю, кроме плода древа познания добра и зла (Быт. 2: 17). На этих запретах я хотел бы остановить ваше внимание. Что это за дерево? Как посредством какого-то дерева человек может познать добро и зло?

Возможно, ключом к ответу будет выяснение значения слова «познание» в данном контексте. «Познать» в библейском словоупотреблении это ведь не только узнать, то есть получить какую-то информацию, а приобщиться к чему-либо (см. Быт. 4: 17). И в данном случае вкушением плода этого древа, то есть через преступление заповеди Божией, человек может реальным образом приобщиться к этому опыту зла, который для него еще не существует. Для него зло – это преступление заповеди Божией, и с помощью этого дерева он может ее преступить и таким образом приобщиться, то есть познать, испытать на себе, что такое зло.

Возникает недоуменный вопрос: а зачем же такое дерево нужно было? Не было бы его, не давал бы Бог относительно него заповеди, и все было бы хорошо. Но свобода предполагает и свободу выбора, то есть человек, созданный свободным, призванный к тому, чтобы пребывать в любви Божией, призванный к тому, чтобы быть другом Божиим, эту свободу может употребить и в обратную сторону, то есть отказаться от Бога и отвернуться от Бога. И здесь как раз это дерево и дает возможность испытания, укрепления этой свободы. Отсюда и возможность реализации этой свободы во зло. Если бы у человека не было никакой возможности преступить заповедь Божию, от Бога куда-то скрыться, то его по-настоящему нельзя было бы назвать и свободным.

Этим, конечно, смысл не исчерпывается. Чтобы не остаться на совсем примитивном уровне понимания Писания, обратимся к толкованию преподобного Максима Исповедника:

«Так как видимое творение обладает и духовными логосами, питающими ум, и природной силой, услаждающей чувство, то она [природная сила] и названа деревом познания добра и зла, то есть, как обладающая ведением добра, когда созерцается духовно, и ведением зла, когда воспринимается телесно. Ибо она становится учительницей страстей для воспринимающих ее телесно, навлекая на них забвение [вещей] божественных. Потому-то, вероятно, Бог и запретил человеку вкушение ее, отлагая это на время, дабы человек прежде – что было весьма справедливо – познал через благодатное причастие Причину свою и через такое вкушение укрепил данное [ему] по благодати бессмертие в причастии и непреложности, а потом уже, став как бы богом в силу обожения, безвредно и в безопасности вместе с Богом созерцал творения Божии и получил ведение о них как бог, а не как человек, имея по благодати одно и то же с Богом премудрое познание сущих, благодаря претворению ума и чувства к обожению» [48, с. 25] (Схолия: «Видимая тварь, говорит он, обладает и духовными логосами для ума, и природной силой для чувства. И умозрения того и другого находятся, подобно дереву, посередине сердца, образно понимаемого в качестве рая» [48, с. 184]).

Таким образом, преподобный Максим утверждает, что заповедь эта не имела абсолютный характер, но только временный и указывала человеку на порядок его возрастания в добре и обожении. Здесь замечу, что впредь мы практически не будем обращаться к таким сложным толкованиям. Но не по пренебрежению к ним, а в силу того, что курс носит вводный, ознакомительный характер.

1.6. Грехопадение

В Книге Премудрости Соломоновой сказано прямо: «*Завистью диавола вошла в мир смерть*» (Прем. 2: 24). На первых страницах книги Бытия ничего не говорится ни о диаволе, ни о духах, ни об ангелах. Впервые мы встречаем Херувима в тот момент, когда Адам изгнан из рая и охранять рай поставлен Херувим с пламенным мечом (Быт. 3: 24). Но тем не менее самые первые стихи: «*В начале сотворил Бог небо и землю*» – многие понимают так, что здесь идет речь сразу о сотворении и мира материального, и мира духовного, и так, что ангелы Божии были свидетелями творения мира, и что они сотворены прежде, чем сотворен человек. Подтверждение этому находится в Книге Иова: «*Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликованием утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?*» (Иов. 38: 4–7). Появление зла предшествовало появлению человека, а именно: отпадение Денницы и тех ангелов, которые за ним последовали. Господь Иисус Христос говорит в Евангелии о том, что «*диавол человекоубийца искони*» (Ин. 8: 44), – как объясняют отцы, поскольку видит человека, возводимого Богом туда, и даже выше того, что он имел прежде и от чего отпал. Поэтому в первом же искушении, которое находит на человека, мы видим действие диавола.

Комментаторы книги Бытия обращают внимание на то, что эта заповедь (Быт. 2: 16–17) была необычайно легкой. Свобода Адама и Евы нам труднопредставима. «Человек сотворен был в начале наделенный властью над собственными своими хотениями, обладая свободным стремлением к чему бы то ни захотел: ибо свободно Божество, по образу Которого он сотворен» [38, кн. 2, с. 12]. Ни голод его не томил, ни какая-то нужда – ничто не толкало Адама и Еву к тому, чтобы кусить от этого дерева, а исключительно желание не послушаться голоса Божия, поступить по своей воле. Однако идея преступления возникла не сама по себе, человек следует лукавому предложению змея. Здесь не говорится о том, что это за змей, но нет никакого сомнения, что голос, который здесь звучит, – это не голос животного, поскольку змей есть тварь бессловесная, но голос диавола. Заметим, что, отступив от воли Божией, человек не творит свою волю, но сразу покоряется диаволу.

Искуситель, который назван в Писании змеем, приступает к Еве потому, видимо, что заповедь она получила не прямо от Бога, но через Адама. Нужно сказать, что описанное здесь стало типичным для любого искушения злом. Сам процесс и его стадии очень ярко изображены. Все начинается с вопроса. Змей не приходит и не говорит: «Вкуси от дерева», поскольку это явное зло и явное отступление от заповеди. Он говорит: «А правда ли, что Бог запретил вам вкушать плоды?» То есть он как бы не знает. И в отстаивании правды Ева делает немного больше, чем следует. Она говорит: «Неправда, но вот от этого дерева запрещено вкушать и запрещено прикасаться». Хотя о прикосновении речи не было. Уже начинается путаница. Это обычный сатанинский прием. Сначала он прямо ко злу человека не увлекает, а всегда к некоторой правде примешивает каплю неправды. Почему, кстати, следует удерживаться от всякого рода лжи: ну подумаешь, я где-то чуть-чуть приврал, это не страшно. Это на самом деле страшно. Это как раз та самая капля, которая прокладывает путь ко лжи гораздо большей. После этого уже следует более крупная ложь, потому что змей говорит: «Это не так. Но Бог дал вам эту заповедь потому, что знает, что вы станете как боги, если вкусите от этого дерева. А Он этого не хочет, поэтому вам это дерево и не дает». Здесь снова правда, но уже в других пропорциях, смешана с неправдой. Действительно, человек создан для того, чтобы быть богом. Будучи тварью по своей природе, он по благодати призван к обожению. Действительно, Бог знает, что они будут подобны Ему. Будут как Бог, но не как боги. Своей ложью диавол научил человека многобожию [см. 48, кн. 2, с. 115].

Человек создан для того, чтобы быть богом. Но для этого указан определенный путь в общении и в любви с Богом. А здесь змей предлагает иной путь. Оказывается, можно стать богом и без Бога, без любви, без веры, посредством какого-то действия, какого-то дерева – чего-то, что Богом не является. Такими попытками до сих пор занимаются все оккультисты. Грехопадение прародителей – это отказ от крестоношения, отказ от усилия. Хочу в Царство, но без трудов. Пусть само все произойдет.

Грех есть беззаконие. Закон Божий – это закон любви. И грех Адама и Евы – это грех непослушания, но это и грех отступления от любви. Для того чтобы отторгнуть человека от Бога, диавол предлагает ему в сердце ложный образ Бога, а значит, идола. И приняв этого идола в сердце вместо Бога, человек отпадает [ср. 13, 197–198]. Змей представляет Бога лживым и ревниво отстаивающим какие-то Свои интересы, Свои возможности и скрывающим их от человека. Если на деле Бог все, что имеет, человеку отдает, то в речи змея получается не так. И дальше Ева видит, что это дерево вожделенно, и берет плод и вкушает и дает Адаму, и тот тоже ест (Быт. 3: 6).

Заметим здесь также, что Ева была создана как помощница Адама. Если заповедь, как видно из разговора со змеем, была ей известна, она не должна была принимать такого серьезного решения, как ее нарушение, без одобрения мужа. Адам в свою очередь, как получивший заповедь напрямую от Бога, тоже ведет себя неподобающе, слушая только жену – помощника, а не руководителя. В художественной литературе эта ситуация отчасти раскрывается в известной сказке о рыбаке и золотой рыбке.

1.7. Последствия грехопадения

Выбор сделан, заповедь нарушена, человек отделяет себя от Бога. Одновременно и неизбежно происходит отделение одного человека от другого. Увидели Адам и Ева, что они наги (Быт. 3: 7). Что такое они увидели? Почему они этого раньше не видели, а теперь вдруг увидели и устыдились? Происходит разделение и между людьми: если раньше они были одна плоть, как единое существо, то теперь, как Бог для них стал чужим и посторонним, точно так же и люди друг для друга делаются посторонними, и взгляд постороннего человека естественно приводит к стыду. Но это психологическое толкование. А еще следует говорить о главном: о

лишении покровы божественной благодати, без которой человек уже не человек. Это и есть источник срама, о котором идет речь в каноне преподобного Андрея Критского. Святитель Филарет Московский пишет: «Обыкновенное действие стыда есть желание скрываться, но сие желание свойственно делам тьмы, а не делам света. Из сего видно, что нагота первых человеков есть такое состояние, в котором они, ходя во свете и истине, ничего не имели скрывать от Бога и своей совести; что наша одежда есть памятник грехопадения; стыдливость – род покаяния, а бесстыдство – нераскаянности и закоснения» [81, ч. 1, с. 50]. Почему Адам боится Бога, прячется? И это признак нераскаянности. Кающемся грешнику более свойственно не бояться, но любить Бога, так как он ощущает Его милосердие. Ведь введены были в рай Енох и Илия. Значит, и покаявшийся Адам мог быть восстановлен [см. 13, с. 168].

Нет другого пути для восстановления утраченного человеком блаженства, кроме пути покаяния. Неслучайно именно поэтому с проповедью вышел как Иоанн Предтеча, так и Господь Иисус Христос: «*Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное*» (Мф. 3: 2). Этот же призыв можно услышать и здесь, на этих страницах. Почему? Потому что вопросы, которые Бог задает в этом диалоге, тоже в себе содержат предложение покаяния. Всеведущий Бог снисходит к немощи человека, представляясь как бы не знающим, что произошло, давая Адаму возможность увидеть и самому оценить случившееся, не объявляя неотвратимого приговора. Адам в ответ сказал правду – жена дала ему, и он ел. И Ева тоже была правдива. Но эта человеческая правда была правдой самооправдания. Адам на вопрос «что ты сделал?» не ответил «я нарушил заповедь», он оставил это в стороне. Безответственность чужда любви, она спутница самолюбия. И царство любви скрывается от людей.

Люди изгоняются из рая. Почему, зачем? Рай – это место, где человек мог свободно общаться с Богом. После падения Адам пытался скрыться от Бога среди растений райских и отказаться от покаяния, от примирения с Богом. Таким образом, дальнейшее пребывание в раю для него уже было нецелесообразным, поскольку он с Богом быть не желал; с другой стороны, он самовольно уже исполнил срок своего испытания [см. 81, ч. 1, с. 73]. «*И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно...*» (Быт. 3: 22). Поскольку Адам уже некоторым образом утвердился во зле, причастие вечной жизни для него будет губительным, потому что тогда он вполне уже может идти по пути не богоуподобления, а диаволоуподобления, все более и более совершенствуясь в делании зла.

Как понимать слова «*вот Адам стал как один из Нас*» (Быт. 3: 22)? Некоторые толкователи (например, преподобный Максим Исповедник [см. 48, с. 115]) понимают это как выражение некоторой божественной иронии, говоря, что Адам желал стать, как ему было обещано змеем, как бог, – и вот то, что получилось. Святитель Филарет Московский полагает, что никакой божественной иронии здесь нет, а представлено внутреннее собеседование Святой Троицы и новый Совет о судьбе павшего человека, подобно Совету первому, о творении (Быт. 1: 26). Речь идет о том, что человек, внявший искушению, не только внутренне возжелал быть Богом, но и самим делом исполнил это желание настолько, насколько смог. И теперь уже ничего больше для себя сделать не может, он сам решил свою судьбу. Рай как место испытания не нужен уже для того, который сам своей волей закончил свое испытание. То есть то, что человеку предлагалось в раю, человек сам своей волею отверг, поэтому рай ему уже больше был не нужен. Уже как-то по-другому должна устраиваться дальнейшая жизнь человека, и он изгоняется из рая на проклятую землю.

Результат этого проклятия мы можем наблюдать постоянно. Огород, за которым никто не ухаживает, немедленно зарастает бурьяном и сорняками, а вовсе не розами и не помидорами. Странно, казалось бы, почему он в равной степени не зарастает и тем, и другим. Тем не менее это так, и созерцание этих терний и волчцов, которые с удовольствием растут сами, в отличие от полезных для человека растений, может нам постоянно напоминать об этом определении.

Та легкость, с которой раньше мог существовать человек, с этого момента прекращается. Для того чтобы поддерживать свое существование, человек должен трудиться. Вернее, мужчине отдается в удел труд для пропитания, а женщине – чадородие, рождение детей. Таким образом, после грехопадения на период Ветхого Завета такая добродетель, как девство, в каком-то смысле упраздняется на время. Главным делом женщины становится чадородие, через это она, во-первых, участвует в победе над смертью, в продолжении жизни; во-вторых, именно потому, что через это рождение должно явиться то семя, которое сотрет главу змея (Быт. 3: 15). И здесь мы видим подчиненное положение женщины по отношению к мужчине, причем в гораздо большей степени, чем это было при сотворении. И дальше, когда мы будем замечать в Ветхом Завете признаки ущемленного положения женщины, мы должны понимать, что это является не результатом первоначального творения, а результатом грехопадения. Например, в заповеди о субботе мы видим, что в списке тех, кто должен хранить субботний покой, замужняя женщина не значится. Среди тех, кто должен являться в Иерусалим на праздники, опять же женщины не значатся, только мужчины. Но от начала не было так. И от начала женщина поставлена в подчиненное положение к мужу, она сотворена как помощник, но это подчинение в любви. Если мы посмотрим 5-ю главу Послания к ефесянам апостола Павла, это совершенно отчетливо видно. Притом что Христос есть глава Церкви, никому совершенно в Церкви в голову не приходит свергать иго Христово ради свободы в Церкви, потому что этим-то подчинением свобода и обеспечивается. Притом что Адам является от начала главой Евы, ей вряд ли приходило в голову свергать с себя «иго» Адама. Другое дело – после грехопадения.

Комментируя слова Бога, обращенные к Еве, святитель Иоанн Златоуст говорит: «Как бы оправдываясь пред женою, человеколюбивый Бог говорит: вначале Я создал тебя равночестною (мужу) и хотел, чтобы ты, будучи одного (с ним) достоинства, во всем имела общение с ним, и как мужу, так и тебе вверил власть Над всеми тварями; но поелику ты не воспользовалась равночестием, как должно, за это подчиняю тебя мужу: *«и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет»*. Так как ты, оставив равночестного и имеющего общую с тобою природу, того, для кого ты создана, решилась вступить в беседу с лукавым животным-змеем, и принять от него совет, то затем Я уже подчиняю тебя ему и объявляю его твоим господином, чтобы ты признавала власть его; так как ты не умела начальствовать, то научись быть хорошо подчиненною. *«К мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет»*. Лучше тебе быть под его начальством и состоять под его управлением, чем, пользуясь свободой и властью, носиться по стремнинам. И для коня полезнее иметь на себе узду и ходить под управлением, чем без этого носиться по стремнинам. Итак, имея в виду твою пользу, Я хочу, чтобы ты к мужу имела *обращение*, повиновалась ему, как тело голове, и с радостью признавала его господство» [29, т. 4, с. 150]. Это положение не вполне соответствует замыслу Божию, что, впрочем, не оправдывает ни в коем случае феминизм, потому что в условиях падшего мира изменить ситуацию нельзя. Можно только ухудшить ее, снова нарушая Божественную волю.

Кожаные одежды, которые получает человек, духовно толкуются как дебелость плоти и отделенность и неспособность человека общаться с духовным миром. Эта огражденность его от общения с духовным миром, по-видимому, благодетельна для человека, потому что вы наверняка встречали в литературе описания встреч человека как с ангелами, так и с бесами, и мы видим, что открытое столкновение человека с миром духовным для него бывает труднопереносимо. Поэтому человек покрывается таким непроницаемым покровом. Буквальное толкование этих одежд заключается в том, что была принесена первая жертва после изгнания из рая, которой Адам был научен Самим Богом, и из шкур жертвенных животных была сделана эта одежда [см. 81, ч. 1, с. 73].

Еще раз напоминаю вам, что буквальным пониманием смысл Священного Писания не исчерпывается. Не следует забывать, что как человек принадлежит к духовному миру, так и рай

есть также духовное явление. Рай в первую очередь есть возможность пребывания человека с Богом. Его-то и лишается Адам.

Раскрывая духовный смысл проклятия, преподобный Максим Исповедник говорит, что проклятая земля есть сердце человека, лишившееся небесных благ и произрастающее «подобно *“терниям”* размышления о происхождении телесного бытия и, подобно *“волщам”*, сухие рассуждения о промысле и суде касательно нетелесных [сущностей]» [48, с. 35].

1.8. Смысл наказания

Главным последствием нарушения заповеди, о котором Бог предупреждал Адама, была смерть (Быт. 2: 17). Однако Адам и Ева не умерли мгновенно. По объяснению преподобного Симеона Нового Богослова, «душою Адам умер тотчас, как только вкусил [от древа], а после, спустя 930 лет, умер и телом. Ибо как смерть тела есть отделение от него души, так и смерть души есть отделение от нее Святого Духа, которым осеняему быть человеку благоволил создавший его Бог» [66, т. 1, с. 23].

Вопрос в том, является ли физическая смертность человека наказанием или благодеянием для самого человека? Несомненно, что она является и тем, и другим, но наказанием не в смысле мстительного желания Бога сделать человеку плохо за то, что он непослушный, а как некое логическое следствие того, что человек сам сотворил. То есть можно сказать, что если человек выпрыгнул из окна и переломал себе ноги и руки, он этим наказан, но он сам же автор этого наказания. Поскольку человек не самобытен и вне общения с Богом он существовать не может, то смерть полагает и некий предел возможности развиваться во зле.

С другой стороны, смерть, как вы сами из практического опыта можете знать, является очень важным вразумляющим фактором для человека, нередко только перед лицом смерти он оказывается способным задуматься о вечном.

Также мы знаем, что смерть, которая была наказанием для человека, впоследствии явилась и источником спасения для него, поскольку через смерть Спасителя человек был восстановлен, и для него стало возможным утраченное богообщение.

Поставленный прежде возделывать эдемский сад, устроенный для него Богом, Адам теперь изгнан из него, *«чтобы возделывать землю, из которой он взят»* (Быт. 3: 23). По объяснению святителя Филарета Московского, «ту землю, которую Бог прежде устроил в состав бессмертного тела человеческого, теперь человек сам должен устроить в состав тела смертного; он должен непрестанно, так сказать, пересозидать свое тело, чтобы истребить в нем останки запрещенного плода, и чтобы оно, наконец, паки взято было от земли, и соделалось небесным. Земле, проклятой за его преслушание, он должен возвращать благословение делами послушания и смирения» [81, ч. 1, с. 75].

1.9. Обетование спасения

В изгнании человека из Рая звучит первое обетование Божие человеку о его спасении (Быт. 3: 15), когда говорится человеку о том, что проклята земля за него и путем жизни его будет скорбь (Быт. 3: 17). Здесь впервые появляется в Писании это слово «скорбь», до этого о скорбях ничего не говорилось. Дается мужу скорбь в трудах, посылается скорбь жене в рождении детей, и потом, когда Господь проклинает змея, сказано, что *«вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту»* (Быт. 3: 15). Здесь в скрытом виде содержится пророчество, поскольку говорится о таинственном семени жены, что, вообще говоря, довольно странно, так как в обычном словоупотреблении семя – от мужа, а не от жены. В обетовании о семени жены, несомненно, мы имеем предсказание о Спасителе, Который придет от Девы и

поразит змея – диавола и избавит человечество от его власти, в которую человечество добровольно попало. «Семя жены, которому Бог повелевает быть во вражде со змием, есть Господь наш Иисус. Ибо Он один стал семенем жены от жены, без посредства семени мужского и без умаления Ее чистоты» [35, ч. 1, с. 174]. Поэтому образ семени для нас становится признаком мессианского обетования. Это обетование (Быт. 3: 15) называют иногда Первоевангелием.

Здесь уместно привести слова преподобного Симеона, который раскрывает типологическую связь падения и искупления: «Вместо древа познания был крест, вместо ступания ног, которыми прародители шли к запрещенному древу, и вместо простертия рук их, которые простирали они, чтобы взять плод древа, были пригвождены ко кресту непорочные руки и ноги Христовы, вместо вкушения плода было вкушение желчи и оцта, и вместо смерти Адама была смерть Христова» [66, т. 1, с. 24]. И таким образом упразднено будет проклятие, которому подпали Адам и Ева.

Глава 2. Начало истории человечества

Дальше начинается в собственном смысле история человечества, в своих проявлениях для нас уже понятная и знакомая, поскольку деяния библейских персонажей мы можем соотносить со своим собственным состоянием, потому что эти люди, в отличие от людей первозданных, уже подвержены закону греха, закону тления так же, как и мы. Хотя сейчас это не так безнадежно, поскольку дарован Новый Завет и дана благодать, исцеляющая человека от этого закона.

2.1. Дети Адама

Первого человека, которого рожают люди, называют «приобретением» (Каин от евр. глагола «кана» – приобретать), или «опорой», в надежде, что этот первый человек, Каин, и будет тем Спасителем, через которого Господь обещал им дать избавление. Но тем не менее мы видим, что получилось совсем не так и что мера греха человеческого стала только увеличиваться. Мы верим в то, что Адам и Ева покаяться, увидев в полноте последствия своего грехопадения. «Седе Адам прямо рая, и свою наготу рыдая плакаше: увы мне, прелестию лукавою увещанну бывшу и окрадену и славы удалену! Увы мне, простотою нагу, ныне же недоуменну! Но о раю, ктому твоя сладости не наслаждуся: ктому не узрю Господа моего и Создателя: в землю бо пойду, от неяже и взят бых. Милостиве щедрый, вопию Ти: помилуй мя падшаго» [В неделю сыропустную, в субботу вечера. Стихира на «Господи, воззвах», слава // Триодь Постная]. Мы также понимаем, что теперь уже, после изгнания человека из Рая, это покаяние уже не могло само по себе его избавить от смерти без каких-то особых действий со стороны Бога, то есть покаяния человеческого уже было недостаточно для того, чтобы его вернуть в утраченное состояние. И поэтому до прихода в мир Спасителя, до Его победы над смертью все равно, вне зависимости от их покаяния или праведной жизни, все люди были подвержены закону смерти и содержались все в аду.

Далее мы видим, как начинает возрастать мера грехов человеческих и происходит первое убийство. Сейчас модно подчеркивать причину этого убийства: первое в мире убийство происходит на религиозной почве. Но это говорит не о том, что вера как таковая есть источник экстремизма, но о том, что, несомненно, отношения с Богом ясно бывают видны через отношение к людям. Одно с другим связано – Богопочитание и отношение к жизни другого человека.

Дети Адама Каин и Авель приносят жертвы. Откуда взялись жертвы? Если внимательно посмотреть на все то, что мы сейчас знаем о жертвоприношениях людей всех времен и народов, то в общем-то ни одна из научных концепций происхождения жертвоприношений не может вполне их объяснить. Остается предположить, что сам Адам был научен Богом принесению жертв. Это объяснение, пожалуй, лучше всего может пролить свет на то, что нам дают разные научные исследования. И делается это не только для регулирования религиозной жизни людей, но и как пророчество, как предугадание на жертву Христову, которой спасется мир. И последующее развитие жертвоприношения у язычников является уже отступлением и извращением этого первоначального опыта, который воспринял Адам. Точно так же как и история религии скорее показывает нам историю одичания религиозного сознания человечества, нежели постепенного развития религиозных идей. Мы видим, что языческий путь, скорее всего, является результатом как раз потери смысла первоначальной религии, первоначальной веры в единого Бога. Этой точки зрения придерживаются многие исследователи истории религии настоящего времени.

Вернемся снова к Каину и Авелю. Бог призрел на жертву, которую принес Авель, и не призрел на жертву, принесенную Каином. Традиционно в святоотеческих толкованиях это объ-

ясняется тем, что Каин принес жертву небрежно, не разбирая того, что он приносит в жертву не самое лучшее из того, что он мог бы принести. И результатом этого, – человек с небрежностью отнесся к Богу, – следует, если можно так сказать, пренебрежительное отношение Бога к этой жертве. Но это не наказание, не смерть Каина, не проклятие, а скорее некоторое предупреждение о том, что такого рода жертвы (как в русской пословице: прими Боже, что нам негоже) не совсем Богу угодны.

Тем не менее Каин находит путь к тому, как все-таки получить благоволение Божие, но путь этот уже продиктован падшим человеческим разумом: по-видимому, Каин решает, что если он убьет своего брата, то Богу просто не на кого будет изливать Свои благоволения и Каин опять окажется наследником и любимцем Божиим, потому что больше некого будет любить. Это уже извращенное состояние, поскольку настоящая любовь идет в сторону расширения, простираясь на каждый следующий объект, она не отходит от предыдущего. Любовь есть такое устройство сердца человеческого, в котором никому не тесно. А здесь Бог предполагается действующим не по любви, а по пристрастию, которое, наоборот, всегда идет за счет сужения: я люблю тебя за счет того, что я вот его, его и его не люблю и так далее. Из пристрастного сердца вытесняются все другие люди, и оно оказывается способным любить только самого себя. Это, в отличие от любви, состояние гибели. И Каин не понимает этого, для него любовь связана с соперничеством и с конкуренцией. Поэтому устранение соперника может сделать его обладателем любви.

Каин убил Авеля (Быт. 4: 8). Мы уже сказали, что посягательство на жизнь человека есть вопрос религиозный, а именно отношения человека с Богом. Более того, я неслучайно обратил ваше внимание на то, что за недостойное жертвоприношение Каин наказание не понес, а вот за убийство Авеля он был наказан. Здесь уже мы приближаемся к двуединой заповеди почитания Бога, то есть любви к Богу и любви к ближнему. Вспомните притчу-описание Страшного Суда в Евангелии, в которой Господь Иисус Христос говорит: *«так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»* (Мф. 25: 40).

И снова мы видим, что человеку представляется возможность раскаяния. Господь показывает Каину, что его путь и намерения Ему известны; однако не хватает его за руку, поскольку никогда не нарушает свободы человека (Быт. 4: 6, 7). Обратите внимание на параллель в Новом Завете. Господь Иисус Христос многократно указывал Иуде на то, что Он знает, что собирается сделать Иуда. Но тем не менее мы ни разу не видим, чтобы Господь говорил: «Иуда! Немедленно прекрати!» Иуда поставлен в известность о том, что его намерения ведомы, о том, что это беззаконие, тем не менее дальше он сам делает свой выбор. Точно так же и здесь: прежде этого убийства Каин уже поставлен в известность о том, что грех у двери его, то есть грех готов войти в его сердце, и ему дается совет возобладать над ним. Тем не менее Каин совершает это убийство. И снова ему предлагается покаяние, поскольку Господь спрашивает: *«Где Авель, брат твой?»* И в ответ слышатся слова, которые не меньше, чем слова падшего Адама о Еве, являются девизом падшего человечества. Каин говорит: *«Не знаю; разве я сторож брату моему?»* (Быт. 4: 9). В данном случае следом за грехом (братоубийства) идет новый грех – грех лжи, грех отвержения предложенного покаяния. Варианты этой фразы: это его личное дело, а мне какая разница, это меня не касается, это его проблемы и т. д. В этих словах звучит то же самое каиново: *разве я сторож брату моему?*

И после этого уже Каин получает проклятие. Господь говорит: *«Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».* И это тоже очень важно. Экологические катастрофы, о которых сейчас говорят, связаны не только с техногенностью нашей цивилизации. Они связаны еще и с тем, что земля не может выносить греховности человека.

Земля более не будет давать силы для Каина, но Каин остается жив в назидание потомкам. На него полагается знамение его изгнания, знамение неприкосновенности. По другому

толкованию, само определение Божие было этим знаменем. Печать отвержения ясно напечаталась на челе Каина [см. 81, ч. 1, с. 90–91].

Для того чтобы вы не заскучали от такого буквального и назидательного толкования, приведу толкование преподобного Максима Исповедника убийства Авеля. Вы помните, что имя Каин значит «приобретение». Ева сказала: «приобрела я человека от Бога» (Быт. 4: 1). Потому что ей было дано обетование о семени жены, которое доставит спасение. И поэтому, конечно, можно было надеяться, что Каин и есть тот человек, через которого это спасение и будет дано. Имя Авель – «пар» – дано либо как обетование радости, либо как выражение некоторого разочарования в том, что с рождением Каина ничего не изменилось. И прп. Максим Исповедник говорит следующее: «...если бы блаженный Авель... не вышел вместе с Каином на поле, то есть не вышел бы до достижения бесстрастия на равнину естественного созерцания, то Каин сущий и именуемый “законом плоти” (то есть навывком естественных сил, действующих на чувства) не восстал бы и не убил бы его с помощью обмана, выманив на совершение добрых дел в соответствии с созерцанием сущих до обретения совершенного навыка в добродетелях. Первый Адам, породивший закон греха, который не создавал для него Бог в раю, стяжал и первый плод преступления, соответственно смысл имени “Каин”. Ибо это имя толкуется как “приобретение”» [48, с. 135]. Здесь речь идет прежде всего о том, что в то время, когда человек принимает какое-то искушение, ему следует воздерживаться от естественного созерцания, в котором проявляется сила ума, и усиливаться в молитве, собирая вместе ум и обращая его только к Богу; о том, что во время искушений молитва гораздо больше дает человеку, чем разумные действия. Адам, посеяв грех, приобрел и результат этого греха – убийство. Иначе говоря, «когда ум еще не приобрел совершенного навыка духовного делания подвергается насмешкам со стороны плотского помышления и выходит с ним в поле (Быт. 4: 8), то есть на равнину естественного созерцания, то он убивается, будучи не в силах преодолеть явленность сущих и удовлетворяясь только ими» [48, с. 231]. В этой, казалось бы, по-бытовому простой истории преподобный Максим раскрывает духовный смысл Священного Писания, показывая, что простыми словами нередко передаются утонченные стороны духовной жизни человека.

2.2. Допотопное человечество

От Каина происходит еще более развращенное потомство, и можно обратить внимание на то, что первые серьезные проявления того, что сейчас называют культурой, такие, как изготовление орудий из меди и железа, изготовление музыкальных инструментов и игра на них, усваиваются именно потомками Каина (Быт. 4: 21, 22). Почему так происходит? Мы видим в истории примеры, когда автономно существующая или, вернее, пытающаяся автономно от Бога существовать культура пытается собой полностью подменить духовную жизнь. Что относят обычно к духовной сфере жизни человека? Стихи, песни, изобразительное искусство и так далее – некое порождение души человеческой, душевность, которая претендует на то, чтобы быть духовностью, то есть той областью, в которой, собственно, происходит встреча и содействие духа человеческого с Духом Божиим. Поэтому неслучайно здесь это соотнесение с потомками Каина. Так же потомкам Каина присваивается строительство первого города (Быт. 4: 17).

В книгах по библейской археологии вы можете прочитать о раскопках древнего Иерихона⁵. И хотя вряд ли этот город, сооруженный за девять тысячелетий до Рождества Христова, и есть тот самый, построенный каинитами, тем не менее он вызывает удивление. На земле, где все живут в шатрах, где нет еще как таковых орудий, приспособленных специально для убийства людей, вдруг кто-то сооружает такой город. Что это? Желание обнести себя стеной, сесть внутри и почувствовать себя наконец в безопасности. Еще одно проявление состояния

⁵ См., напр.: Деопик Д. В. Курс лекций по библейской археологии. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.

падшего человека: желание забраться куда-нибудь поглубже, загородиться от Бога и от всего мира и в этой мнимой безопасности пребывать.

Из сыновей Адама упомянут в Писании еще один – Сиф. *«Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин»*, – говорит Ева (Быт. 4: 25). Больше никаких детей Адама и Евы не называется; тем не менее, судя по тому, что заключаются браки и рождаются следующие поколения, существование каких-то еще детей можно предположить, поскольку традиционное учение, которого придерживается Церковь, утверждает происхождение всего человечества от единой пары – от Адама и Евы. Благодетельная ветвь человечества идет от третьего сына Адама – от Сифа, так как о нем сказано: *«Тогда начали призывать имя Господа»* (Быт. 4: 26). Вероятно, потомки Сифа названы в Писании сынами Божиими (Быт. 6: 4). Наибольшее внимание из допотопных патриархов, которых было десять, следует уделить Еноху. Почему? Потому что о нем говорится нечто загадочное: *«и ходил Енох пред Богом, и не стало его, потому что Бог взял его»* (Быт. 5: 24). Обратите внимание на эти слова: *«и ходил Енох пред Богом»*. В этих трех словах «ходил пред Богом» очень емко выражена норма ветхозаветной праведности. Здесь показывается все устройство души человека, и устройство его сердца, и расположение всех его дел: это человек, который постоянно помнит о Боге, осознает себя пребывающим в присутствии Божиим, причем не теоретически, а практически, поскольку говорится, что он «ходил». Не просто размышлял о Боге, но все свои дела, все свои действия располагал именно как раб Божий. О Енохе сказано, что он прожил 365 лет, – остальные патриархи жили гораздо дольше: 800 и 900 лет. О нем же говорится, что он прожил 365 лет, и не стало его, *«потому что Бог взял его»*, – в этом он подобен пророку Илии, который также был взят на небо, так и не вкусив смерти (см. 4 Цар. 2: 11, 12). Енох – первый великий ветхозаветный праведник, хотя о нем ничего не говорится более того, что он *«ходил пред Богом»*. Запомните это выражение, оно нам еще встретится.

2.3. Потоп. Ной и его семья

Допотопная история заканчивается на патриархе по имени Ной. При Ное дается первое описание людей, не персональное, а общечеловеческое, и говорится, что когда люди начали умножаться на земле, то они развратились (Быт. 6: 5). *«И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет»* (Быт. 6: 3). *«Потому что они плоть»* – в этих словах удивительным образом изображается состояние допотопного человечества, когда невозможным стало действие Духа Божия внутри сердца человеческого, ибо не было стремления человека к Богу. Конечно, внешнее действие Духа Божия не было закрыто и для падшего человечества – тем не менее здесь мы видим такое положение вещей, которое определяется емким выражением: *«они плоть»*, то есть целиком и полностью вся жизнь этих людей посвящена земному, материальному. Нет в ней ничего, где могло бы проявиться действие Духа Божьего.

Если праведность мы увидели, изображенную как хождение пред Богом, Который есть Дух, то обратное состояние изображается как плотность. Люди полностью потеряли свое человеческое достоинство, перешли в область, можно сказать, чисто животного мира. Человек, оказывается, способен доходить даже и до того, когда ничто духовное его совершенно не затрагивает, – в нем как бы даже и места такого нет, которое бы могло быть этим духовным затронуто: *«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время»* (Быт. 6: 5). Понятно, что такое человечество уже не могло быть, скажем так, продуктивным с точки зрения своего предназначения; такое человечество уже не оставляло надежд на то, что оно способно воспринять спасение.

И тогда совершается чудесное действие Божие, которое мы называем Великим потопом, когда погибают все люди, за исключением семейства праведного Ноя, от которого происходит

новое человечество. Спасается всего восемь душ: Ной, его жена и трое его сыновей со своими женами. Причем потоп приходит не внезапно, поскольку само сооружение Ноем ковчега, несомненно, являлось проповедью покаяния. Согласно тексту Библии, строительство совершилось между 500 и 600 годами жизни Ноя, еврейское предание говорит, что оно продолжалось 120 лет. С одной стороны, это было подвигом веры (и терпения) Ноя. Человек на суше строит океанский лайнер и заявляет, что скоро он на нем поплывет, а кто в него не взойдет, тот погибнет. Можно себе представить, какую потеху доставлял Ной своим современникам, которые были *плоть*, и вследствие этого, очевидно, были вполне материалистами, понимали, что этого не может быть, потому что не может быть никогда, потому что это противоречит всем «законам науки». Вполне возможно, что с «наукой» у них было очень хорошо. И, несмотря на это, Ной остался верен слову Бога, Который велел ему строить ковчег.

Кстати, ковчег даже по нашим меркам был внушительным сооружением. 300 локтей (135 м) в длину, 50 локтей (22,5 м) в ширину и 30 локтей (13,5 м) высотой. Сделано это было для того, чтобы спасти часть животных от неминуемой гибели.

Здесь, конечно, содержится нравственный урок. Нам от сложения мира уготовано Царство, и есть некоторый путь, предначертанный нам Богом, который содержится Церковью и который нам указывает, каким образом, через какое делание можем мы сделаться наследниками этого Царства. Есть мир, который нас окружает и который над нами смеется и веселится, говоря о том, что совершенно, с точки зрения здравого смысла, никакого Царствия Божия быть не может, а если оно и есть, то совсем не таким путем надо в него идти; поэтому от христианина тоже требуется долготерпение и верность Слову Божию, для того чтобы шествовать евангельским крестным путем. Ной, который спасается в результате потопа, является прообразом Христа Спасителя, потому что от Ноя действительно происходит новое человечество, то есть Ной становится новым Адамом. Христос, проповедавая покаяние, создал нерукотворный ковчег – Церковь, Сам став его дверью. *«Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет»* (Ин. 10: 9). Согласно Слову Господа Иисуса Христа, потоп прообразовал собою события Страшного Суда (Мф. 24: 36–39).

История потопа является еще одним из направлений антибиблейской полемики. Ищут разные его следы, признаки и иногда находят. В Месопотамии вдруг обнаружены какие-то следы потопа, но вроде бы они и похожи на тот потоп, который описывается в Писании, а вроде бы и не очень, потому что в Библии потоп описывается как всемирная катастрофа, а месопотамский потоп все-таки был локальный. Иногда пытаются объяснить так, что поскольку люди расселились еще не по всей поверхности Земли, то, для того чтобы их погубить, не нужно было заливать полностью всю Землю. Сказать тут что-то довольно сложно, но можно для себя положить одно: вряд ли Слово Божие нас пытается обмануть. И можно надеяться, что в свое время, когда все станет явным, то откроется нам и то, каким образом произошел потоп. Известно, что в эпосе народов, которые расселены по всему миру, в той или иной форме встречаются предания о потопе. Оно является общечеловеческим достоянием. Его знали и в Междуречье, и в Египте, в Южной Америке и в Австралии. Причем в чертах, соответствующих преданию библейскому. Так что одно это может свидетельствовать о том, что все-таки потоп был, раз людям это событие запомнилось навсегда. Я не буду вдаваться во многие рассуждения по поводу того, как Бог мог потоп навести на землю. Если Господь небо и землю устроить сумел, то, конечно, смог совершить и это.

2.4. Завет Бога с Ноем

Каковы же результаты потопа? Начавшись в 17-й день второго месяца в шестисотый год жизни Ноевой (Быт. 7: 11), он окончился *«к первому [дню] первого месяца»* следующего года

(8: 13) и только «*во втором месяце, к двадцать седьмому дню месяца, земля высохла*» (8: 14). Таким образом, потоп продолжался почти год.

На Земле осталось только одно благочестивое семейство. Первое, что сделал Ной, выйдя из ковчега, было жертвоприношение (Быт. 8: 20). Эта жертва есть исполнение подвига праведника: верность перед потопом, твердость и мужество во время всемирного бедствия и, наконец, жертва хваления, которую он приносит сразу же по выходе из ковчега. В связи с жертвоприношением еще раз обращаю ваше внимание на употребление антропоморфизмов. Блаженный Феодорит пишет: «Блаженный Моисей сказал, что и при Ное *«обоня Господь Бог воню благоухания»* (Быт. 8: 21), то есть похвалил намерение принесших, потому что Бог не имеет нужды в жертвах» [74, т. 29, с. 313].

«И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю. Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они. Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все. Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте. Я взыщу и вашу кровь, [в которой] жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его. Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию. Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней» (Быт. 9: 1–7).

И заключил Бог с Ноем завет (это понятие мы раскроем позже, когда речь пойдет о патриархе Аврааме), главное содержание которого в том, что Бог не будет более наводить потоп на Землю, то есть такая, если можно сказать, «хирургическая операция» по уничтожению всего человечества, ставшего проводником зла, более не будет повторяться (Быт. 9: 8–17). Знамением завета поставлена радуга. *«...В начале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков»* (2 Петр. 3: 5–7).

Человеку в пищу дается плоть, то есть разрешается человеку питаться мясом животных (в первом благословении только зелень травная, растения были благословлены (Быт. 1: 29) в пищу человеку). При этом полагается строгий запрет на вкушение крови животных и на пролитие человеческой крови (Быт. 9: 4, 5). Со вторым ясно – это будущая заповедь «не убий». А вот с первым следует разобраться. В приведенном тексте связываются душа и кровь. Есть и другие места в Священном Писании, где говорится, что *«душа тела в крови»* (Лев. 17: 11).

По-видимому, эти слова буквально понимать нельзя. По святоотеческому учению, поскольку душа по своей природе выше тела, то не душа содержится в теле, а, наоборот, тело объемлет, поддерживается и сохраняется для жизни именно душой, а не наоборот, поэтому бессмысленно рассуждать о том, в каком месте тела содержится душа. А кровь (как и дыхание) является наиболее емким символом жизни вообще; и потеря крови и остановка дыхания ассоциируется всегда с опасностью или с потерей жизни. И термин «кровь» употреблен здесь именно в этом смысле: *«Я взыщу и вашу кровь, [в которой] жизнь ваша»* (Быт. 9: 5).

Почему же запрещается вкушение крови? Этот запрет в Пятикнижии многократно потом повторяется (Лев. 3: 17; Втор. 12: 16; 15: 23). Приведенное сопоставление крови с жизнью говорит о том, что жизнь не есть наша собственность. Ни наша собственная жизнь, ни другого человека, ни животного не является тем, чем мы можем свободно, по своему рассмотрению распорядиться. Она дана Богом и принадлежит непосредственно Ему, и только Он Сам может распорядиться ею. Жизнь принадлежит Богу, поэтому при жертвоприношении кровь отделяется и не вкушается вместе с остальными частями жертвы. Святитель Кирилл Александрийский говорит о символическом значении этого запрета, так как кровь изображает разумную и бессмертную душу, почему и должна отделяться от приносимых в жертву и умерщвляемых тел [см. 38, кн. 1, с. 471].

«Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает» (Лев. 17: 11), – сказано в Писании.

Можно предположить также, что строжайший запрет вкушения крови служил приготовлением к таинству Евхаристии. Когда в Капернауме Спаситель сказал: *«истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни»* (Ин. 6: 53), многим из Его слушателей это показалось безумием, потому что если нельзя вкушать даже кровь животных (по закону впоследствии считалось, что животное, которое убито так, что кровь его осталась в нем – то, что называется удавлениной, – не подлежит вкушению, вкушать можно только мясо тех животных, которые убиты так, что из них истекла кровь), то как же можно вкушать кровь человека? Уникальность, единственность и спасительность именно этой Крови, которая дается Сыном Божиим в пищу человекам, как раз подчеркивается и приуготовляется запретом на употребление крови в Ветхом Завете. И слова Спасителя о необходимости вкушения Его крови поставили учеников перед дилеммой: либо перед ними безумец, либо истинный Сын Божий, поскольку кто, кроме Бога, может переменить древнюю заповедь, данную еще Ною?

Само же разрешение вкушения мяса после потопа может быть объяснено тем, что в связи с повсеместным развитием греха человечество все более ослабевает и становится немощным, кроме того, и земля все более оскудевает, поэтому и благословляется вкушение мясной пищи – это самое простое и близкое к буквальному объяснение. Блаженный Феодорит Кирский считал, что это сделано и в видах предотвращения развития идолопоклонства, чтобы не боготворили животных.

Само по себе разделение животных в Ветхом Завете на чистых и нечистых в природе самих этих животных никакого объяснения не находит. В толкованиях преподобного Ефрема Сирина, блаженного Феодорита и других настаивается на том, что это есть указание грядущим поколениям на отличие греха от праведности, чистых помыслов от нечистых, необходимость отличия людей благочестивых от грешников, Церкви от язычников и так далее, – собственно, на разделение в самом роде человеческом и в области духовной деятельности человека. Следовательно, разделение животных на чистых и нечистых имело значение чисто символическое.

2.5. История потомков Ноя

Далее мы видим, что такая внешняя мера, как потоп, не исправила человека, пребывающего в падшем состоянии. Хотя Ной и является прообразом Христа, родоначальником нового человечества, оно отнюдь не стало нравственно обновленным. В семейство Ноя также вошел грех, грех хамства – такое с тех пор он получил название. Этот личный грех – третий из описанных в Писании после грехов Адама и Каина. Значит он имеет, если так можно выразиться, фундаментальное значение. В чем оно заключается?

Казалось бы, формально говоря, Ной сам был виноват: в обнаженном виде лежал среди своего шатра (Быт. 9: 20, 21) – так мог, по крайней мере, оправдать себя Хам. А он просто пошел и сообщил братьям: «Пойдите, посмотрите, что делается». И тем не менее этот поступок навлек на его род проклятие. Дело в том, что Хам нарушил фундаментальную заповедь *«почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле»* (Исх. 20: 12), хотя она еще не была сформулирована. Почитание отца восходит к Богопочитанию. Неслучайно Христос сказал: *«и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, который на небесах»* (Мф. 23: 9) – этим Он не запрещал, по-видимому, называть отца отцом, но учил помнить, что собственно земное отцовство собой изображает и откуда происходит человек. Вспомним родословие Господа Иисуса Христа у евангелиста Луки (Лк. 3: 23–38), который возводит его до Адама и дальше до Бога. И именно этот фундаментальный принцип Богопочи-

тания, который раскрывается через почитание отца, здесь был нарушен. Грех Хама повторен иудейскими старейшинами, глумившимися над распятым Сыном Божиим.

И конечно же Хамом поправа любовь. Эту любовь, мы видим, являют его братья. Внутреннее нравственное чувство им подсказало, что нужно сделать. Покрыть отца своего, покрыть его внешним образом, конечно же, одеждой, но мы с вами знаем из Писания, что *«ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи»* (Притч. 10: 12). Покрыть любовью – значит, действуя по любви, быть готовым покрыть, то есть не увидеть, тем более не осудить какую-то немощь, какое-то согрешение ближнего. Что и исполняют братья Хама Сим и Иафет.

Здесь снова следует обратить внимание на то, как Писание может емко характеризовать человека. *«Сыновья Ноя, вышедшие из ковчега, были: Сим, Хам и Иафет. Хам же был отец Ханаана»* (Быт. 9: 18). В то время когда вокруг бушевали воды потопа, губившие все живое, Хам обзавелся потомством.

Проклятие, которое произносит Ной, не касается самого Хама. Почему? Потому что не задолго до этого все семейство Ноя, включая Хама, получило благословение от Бога, поэтому праведник Ной не дерзает человека, благословленного Богом, проклинать, но проклинает его потомство и говорит: *«проклят Ханаан; раб рабов он будет у братьев своих. Потом сказал: благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему»* (Быт. 9: 25–27). По объяснению блаженного Феодорита, «должно знать еще, что слова праведного суть предсказание, а не проклятие. Поелику израильяне, ведшие род от Сима, должны были принять во владение Палестину, в древности же населяли ее происшедшие от Ханаана, то предсказанию своему Ной дает вид проклятия, предрекая будущее и устрашая последующие роды, чтобы не согрешали против родителей» [73, с. 47–48].

Этим пророческое значение слов Ноя не исчерпывается, в нем содержится и предсказание о Новозаветной Церкви, поскольку Сим, как и в предыдущем толковании, явился родоначальником еврейского народа, из которого и состояла Ветхозаветная Церковь. *Под вселением Иафета в шатры Симовы* понимается толкователями вступление в Церковь прочих народов.

2.6. Вавилонское столпотворение

Затем дается родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета (Быт. 10). Вслед за этим изображается деяние, которое затрагивает историю общечеловеческую, а именно строительство Вавилонской башни. Мы видим, что всякий дар Божий, который люди имеют, они оказываются способными обратить в какое-то зло. И этот Божий дар – единство, которое люди имели, они тоже сумели извратить строительством башни. Как говорится в повествовании библейском: *«построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя»* (Быт. 11: 4). Мы с вами видим, что совсем нередко те технические средства, которые вроде бы позволяют людям теснее общаться, быстрее преодолевать расстояния, быстрее сообщать друг другу какие-то сведения, очень часто используются именно для того, чтобы объединиться в общих греховных начинаниях. Общемировая культура, которая сейчас начинает складываться, носит, пожалуй, выраженный греховный характер; а складываться она начинает очень быстро именно благодаря разным средствам массовой информации и коммуникации. Здесь то же самое: люди решили свое единство каким-то образом обоготворить, то есть единство устроить так, чтобы оно им заменило Бога, а именно – сделать себе имя. И результатом этого деяния было то, что люди были разлучены между собой посредством смешения языков, они перестали понимать друг друга, и незаконное строительство прекратилось (Быт. 11: 7, 8).

Вавилонская башня – это еще и образ ложного, не опирающегося на откровения божественного, основанного на плотском мудровании, которое разрушает Бог. Раскрывая духовный смысл события, преподобный Максим Исповедник писал: «Так как строившие башню прежде

двинулись с востока – области света (я имею в виду область единственного и истинного ведения о Боге), а затем пришли в землю Сеннаар (Быт. 11: 2–4), которая толкуется как “богохульные уста”, то они впали в многообразие мнений о Божестве и, складывая словно кирпичи речи каждого мнения, стали возводить словно башню, многобожное безбожие» [37, с. 83].

Таким образом, они были, с одной стороны, наказаны, а с другой стороны, в этом явилось очередное благодеяние Божие. Через смешение языков появилась возможность для некоторого карантина: если возвращается один народ, то, отделенный от других, он не может легко их «заразить» грехом. Мы видим, что единство и неразделенность людей допотопных привели к тому, что развратилось все человечество. Кроме Ноя и его сыновей, не был обнаружен никто, достойный того, чтобы его спасти. Разделение языков привело к тому, что у Бога появилась возможность создать себе народ и отделить его от прочих народов так, чтобы в нем хранилось и передавалось истинное благочестие.

Преодоление же описанного греховного разделения мы видим в Новом Завете, когда апостолы получают дар языков (Деян. 2: 1–4). В день Пятидесятницы, после сошествия Святого Духа, апостолы начинают свою проповедь, и мы видим людей из разных народов, говорящих на разных языках, которые слушают эту апостольскую проповедь и понимают ее. Это преодоление древнего разделения. Такое понимание этого события мы видим в кондаке праздника Святой Троицы – Пятидесятницы.

Глава 3. Патриарх Авраам

После описания строительства Вавилонской башни книга Бытия переключает наше внимание с общечеловеческой перспективы на судьбу одного семейства, которое впоследствии превратится в народ. Главной фигурой последующего повествования является патриарх Авраам, одно из самых значительных лиц в священной истории.

3.1. Призвание. Обетование

Первоначально имя Авраама было Аврам (отец возвышенный). Он вместе с отцом Фаррой жил в Уре Халдейском. Это один из древних городов-государств, один из центров древней цивилизации. Очевидно, что городская культура с ее централизованным языческим культом могла отрицательно влиять на людей, сохранявших веру в истинного Бога. По повелению Божию отец Авраама Фарра покидает Ур, доходит до Харрана и там останавливается. Там Бог обращается к Авраму. *«Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе»* (Быт. 12: 1). Обратите внимание на то, что мы не знаем, каким образом Бог «сказал» и как Аврам понял, Кто к нему обращается.

Заметим здесь, что, исходя из хронологии, Аврам вышел из Харрана до смерти Фарры, который умер, прожив 205 лет (Быт. 11: 32), а Аврам ушел, когда тому было 145.

Итак, что же предлагается Авраму? *«Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные»* (Быт. 12: 1–3). Великие и удивительные обетования: Бог обещает быть союзником Авраму, быть другом всем, кто дружественно расположен к нему, и быть врагом для его врагов, и обещает, что Аврам будет в благословение. Согласитесь, для человека это очень много – он должен быть выдающимся. Впоследствии увидим, что Бог говорит о Себе: *«Я Бог Авраамов»* (Исх. 3: 6), – удивительные слова. Это может свидетельствовать о двух вещах: либо что это такой Бог, Который больше никому не нужен, либо этот человек таков, что Богу не зазорно представиться: *«Я Бог того-то»*. Приведу пример: видя твердость мучеников, язычники восклицали: *«Велик Бог христиан!»* Из одного этого следует, что Аврам вполне может являться свидетелем величия Божия. Обратите внимание на данное ему обетование: *«благословятся в тебе все племена земные»*, – мы увидим, что со временем форма этого благословения изменилась: *«И благословятся в семени твоём все народы Земли»* (Быт. 22: 18).

Первый шаг, который предлагается сделать Авраму, – это шаг полного самоотвержения, нечто подобное смерти. Дело в том, что в древних обществах особого понятия о ценности человека, о каких-то достоинствах человеческой личности или о правах этой личности не существовало. Человек реализовывался как личность, то есть, собственно, как человек, когда он был членом социума, когда он был членом какого-то общества. Почему великие древние философы так спокойно относились к рабству? Человек – это некоторое существо, которое обладает правами гражданства, являясь гражданином полиса. Если это существо (в данном случае раб) гражданином не является, то оно не является человеком. Поэтому никакой эксплуатации человека человеком нет, есть просто удобное, хорошее, умное орудие труда, но человеком оно не является, потому что не имеет гражданских прав. Если кто-то убил какого-то чужестранца в поле, то он особого преступления не совершил, точно убил просто животное, и все.

Понятие о достоинстве, о ценности человеческой личности – это понятие уже новозаветное, понятие христианское: человеческая личность ценна потому, что о ней помнит Бог, потому что она создана по образу и подобию Божьему, потому что она в очах Божиих имеет

свою ценность. И именно этот опыт предлагается приобрести Авраму. Единственной опорой, единственным смыслом и ценностью в его жизни с этого момента становится Бог, Который предлагает ему идти в неизвестную землю.

Когда Аврам исходит из дома отца своего, из родства своего, из земли своей, то в каком-то смысле он полностью отвергается самого себя. Потому что после этого ему не на что опереться, ничто не определяет его человеческого достоинства и какого-то места под солнцем, кроме Бога. Он доверяет себя Промыслу Божию целиком, ничего не оставляя за собой. Он мог в любой момент быть ограблен, убит. Поэтому мы видим, что законы духовной жизни, которые формулируются в Евангелии, не вновь принесенные, – это законы вечные. Просто до определенного момента они были забыты. За общим одичанием человечества не было уже даже и возможности эти законы поддерживать в действии. Тем не менее они действовали всегда. И мы видим, что подвиг Аврама начинается именно (помимо того, что он хранит почитание единого Бога) с самоотвержения. Как говорит Христос: *«если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мной»* (Мф. 16: 24). Точно так же поступает и Аврам. Дальнейшая жизнь патриарха Авраама была крестоношением, которое наиболее ярко раскрылось в принесении в жертву Исаака.

И вот уходит Аврам, и с ним идет племянник его Лот (Быт. 12: 4) – здесь опять же не говорится, почему идет Лот. Знаем, что Лот также был праведником, вероятно, мы видим нечто подобное вхождению в Ноев ковчег. Лот верой своей прозрел то, что в этом исходе Аврама из Харрана проходит, может быть, центральная линия всей человеческой истории. Эта цепочка от Адама ко Христу, линия человеческого спасения, приобщения к Царству Небесному – она именно сейчас идет через Аврама и реализуется в этом исходе из Харрана. И возможно, именно поэтому Лот присоединяется к Авраму и уходит вместе с ним.

И приходят они в землю Ханаанскую и останавливаются недалеко от Сихема (Быт. 12: 6), где Господь является Авраму и говорит, что потомству его отдаст Он эту землю. Аврам ставит на том месте жертвенник Богу и приносит там жертву. Здесь впервые со времени изгнания из рая в Писании говорится о явлении Бога праведнику. Это тоже особым образом подчеркивает высоту подвига Аврама. Обратите внимание, что до Моисея, до времени Синайского закона, функции священника принадлежат, как правило, главе семьи и жертвоприношения специальным образом не регламентируются. Жертвенники ставятся и жертвы совершаются по каким-либо случаям там, где это понадобится.

Этим явлением, возможно, определяется символическое значение Сихема в дальнейшей истории Израиля. Здесь перед смертью заключил завет с народом Иисус Навин (Нав. 24: 25); здесь предпринята первая попытка установления монархии (Суд. 9: 1–2); здесь совершалось поставление на царство сына Соломона Ровоама (3 Цар. 12: 1); здесь находилась первая столица Северного царства (3 Цар. 12: 25).

3.2. Путешествие в Египет

Продвигаясь на юг страны, Аврам был вынужден по причине голода совсем оставить Палестину и уйти в Египет. Здесь, опасаясь быть убитым из-за красивой жены, он представляет ее как свою сестру. Это не было ложью, так как она действительно была его единокровной сестрой (Быт. 20: 12), но и не было полной правдой. Вверяя свою судьбу и судьбу Сары в руки Божии, Аврам, предвидя неизбежность разлучения, предохраняет египтян от посягательства на убийство [29, т. 4, с. 344–345; 73, с. 50–51]⁶.

⁶ Текст толкования свт Иоанна Златоуста см. в приложении к главе 3.

3.3. Разделение с Лотом

Через некоторое время после прихода в Палестину Аврам разделился с Лотом. Когда умножились их стада, возникли трения между пастухами, тогда Аврам предложил Лоту: *«да не будет раздора между мною и тобою... отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево»* (Быт. 13: 8–9). Субординация нарушена, поскольку он как старший вполне имел право на этот выбор. Тем не менее он его предоставляет Лоту, и тот, как мы видим, скромно выбирает себе лучшую землю – нижнюю часть долины Иордана. Аврам полностью доверяет Промыслу Божьему и на этот выбор Лота соглашается. И после того как Лот отделяется, *«сказал Господь Авраму: возведи очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу и к югу, и к востоку и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки»* (Быт. 13: 14–15). Отойдя от Аврама, Лот лишился участия в этом обетовании.

3.4. Встреча с Мелхиседеком

Дальше повествуется о том, как союз из четырех царей захватил Содом и Гоморру, увел оттуда с собою пленников, в том числе и Лота (Быт. 14: 11, 12). Аврам, взяв 318 слуг, догоняет этих царей, устраивает ночной разгром и возвращает из плена Лота и содомских царей, у которых, однако, отказывается брать какое-либо вознаграждение (Быт. 14: 22, 23). На обратном пути Аврама встречает Мелхиседек – один из таинственных героев Ветхого Завета. Царь, о котором ни до, ни после этого эпизода ничего не говорится в ветхозаветной истории. *«Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино. Он был священник Бога Всевышнего. И благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. [Аврам] дал ему десятую часть из всего»* (Быт. 14: 18–20).

Мелхиседек по имени своему – «царь правды», потому что «мелх» или «малх» значит царь; по месту – царь Салима, то есть «царь мира». Он прообразует собой, несомненно, Христа. В Псалтири сказано: *«Ты иерей во век по чину Мелхиседекову»* (Пс. 109: 4). Что это за чин? Это чин священства, которое не имеет ни начала, ни конца, поскольку здесь ни о происхождении Мелхиседека, ни о его дальнейшей судьбе не говорится, – здесь говорится только, что он *священник Бога Всевышнего*. Мы видим, что он встречает Аврама хлебом и вином – теми дарами, которые будут впоследствии приноситься христианами во время жертвоприношения Божественной Евхаристии (ср. 35, ч. 1, с. 176).

Патриарх Аврам приносит ему десятину. Как впоследствии объяснил апостол Павел, Левий, родоначальник священства ветхозаветного, тогда еще, будучи в чреслах Аврама, принес десятину Мелхиседеку, поскольку *меньший благословляется большим* (Евр. 7: 6–7). По мнению апостола Павла, это свидетельствует о том, что священство Христово по чину Мелхиседекову превосходит левитское ветхозаветное священство.

3.5. Завет Божий с Авраамом. Рождение Измаила

В 15-й главе книги Бытия описывается великое событие – заключение завета Бога с Авраамом. Обратите внимание, что описание заключения завета растягивается на несколько глав, а по времени это тринадцать лет жизни Авраама.

Через десять лет, после того как впервые Авраму было обещано Богом передать землю Ханаанскую его потомкам, он говорит: *«Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным; распорядитель в доме моем этот Елизер из Дамаска. И сказал Аврам: вот, Ты не*

дал мне потомства, и вот, домоходец мой наследник мой» (Быт. 15: 2–3). Дело в том, что по древним законам, если у человека не было потомства, то его наследником мог стать его домоправитель. И вот Елиезер из Дамаска, иноплеменник, должен был стать наследником дома Аврамова, поскольку у него не было детей. И это при том, что ему было обещано потомство, как песок морской. *«И было слово Господа к нему, и сказано: не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником. И вывел его вон и сказал: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков. Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность»* (Быт. 15: 4–6). Это одно из ключевых мест Ветхого Завета. Аврам (заметим, что ему было уже 85 лет) поверил Богу, и *это вменилось ему в праведность*, – помимо всех прочих его заслуг и всех прочих его дел, которые были в большинстве своем именно проявлением веры. Затем было совершено символическое действие, обряд вступления в завет, когда три жертвенных животных – трехлетняя телица, коза и овен – были рассечены пополам и положены рядом (Быт. 15: 9–10). При наступлении темноты дым и пламя прошли между рассеченными животными. Это известный халдейский обряд, символизирующий единство, в которое вступают две стороны, и одновременно, по-видимому, показывающий, что будет с тем, кто этот договор нарушит. Объясняя это место Писания, святитель Кирилл Александрийский говорит: *«Под видом огня разумеется опять Божество, по обычаю халдеев совершающее клятву. Посему и божественный Павел понимает это в значении клятвы, говоря: “Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. И так Авраам, долготерпев, получил обещанное. Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Бог, желая преимущественное показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву»* (Евр. 6: 13–17)» [38, кн. 2, с. 74].

По объяснению преподобного Ефрема Сирина, «в том, что Авраам от уготованной им жертвы отгонял хищных птиц, Бог показывает ему, что семя его за грехи свои будет злострадать, но по молитвам праведников спасется; в образе огненной печи, низшедшей с неба, Бог давал ему разуметь, что спасение послано будет с небес, когда не станет среди них праведников» [22, т. 6, с. 280].

Затем Авраму было открыто, что впоследствии его потомки будут пришельцами в земле Египетской и 400 лет будут там в рабстве, но потом вернуться и наследуют эту землю. Далее в общих чертах дается описание территории, которая ему обещана: от реки Египетской, до великой реки Евфрата⁷.

Видимой причиной отсутствия у Аврама наследника было неплодство Сары (Быт. 16: 2). Сара дает Авраму в наложницы свою служанку Агарь, с тем чтобы рожденный ею на колени госпожи ребенок считался потом их, то есть его и Сары, законным сыном. Родившемуся младенцу дают имя Измаил (Быт. 16: 15). Однако не ему должно было стать наследником обетования, данного Авраму.

Еще 13 лет спустя, когда Авраму было девяносто девять лет, а Саре соответственно девяносто снова Бог явился Авраму и сказал ему: *«Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непопечен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя. И пал Аврам на лице свое. Бог продолжал говорить с ним и сказал: Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов. И не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов. И весьма, весьма размножу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя. И поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что*

⁷ Нужно заметить, что в буквальном смысле это обетование уже было исполнено во времена Соломона. Поэтому теперь следует ожидать исполнения духовного смысла этого пророчества.

Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя; и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом» (Быт. 17: 1–8). Рассмотрим этот текст.

«*Ходи предо Мною и будь непорочен*». Мы уже встречали это выражение: первый раз по отношению к Еноху, и второй раз по отношению к Ною, который был непорочен и ходил пред Богом. Можно предположить, в связи с тем что мы уже об Авраме знаем, что непорочность и *хождение пред Богом* уже были свойственны его жизни, его душе, и здесь Бог не требует от него чего-то нового, но утверждает его на том пути, на котором он уже пребывает.

Далее Бог возвещает Аврааму, что будет умножено его потомство, что с ними также будет поставлен завет, что ему и потомкам в наследие будет дана земля, которую он видит вокруг себя. «*Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя*» (Быт. 17: 7), – в этом отрывке это обещание повторяется трижды, что, несомненно, требует внимания. Впоследствии, когда будет заключаться завет со всем народом израильским через Моисея (Исх. 19: 3–6) и когда Бог вступит в завет с Давидом лично (2 Цар. 7: 8–16), неизменным пунктом всегда будет это обещание. О чем идет речь? О восстановлении потерянного Богообщения. Ведь это самое страшное последствие грехопадения. И обетование восстановления этого Богообщения присутствует во всех этих заветах.

Обетование земли можно понять в узком смысле, что в какие-то времена те люди, которые произойдут от Авраама, будут жить на определенной географической территории и Бог будет им всячески покровительствовать. Но можно, конечно, понять это и более глубоко. И даже само Священное Писание заставляет нас понимать это таким образом. Почему? Потому что если бы речь шла только о простом физическом умножении потомков Авраама и приобретении ими определенной территории (что само по себе исполнилось), то Священное Писание Ветхого Завета вполне могло насчитывать в себе только шесть книг: Пятикнижие и Книгу Иисуса Навина. Поскольку в Книге Иисуса Навина мы видим весьма размножившихся потомков Авраама, которые захватили себе землю Ханаанскую, хотя не совсем в тех границах, как здесь сказано, но основную ее часть. Собственно, после этого обязательство Бога перед людьми было выполнено и содержание Ветхого Завета исчерпано. Однако после этого мы видим еще тысячелетнюю историю, которая свидетельствует о том, что речь идет не только о приобретении какого-то участка земной поверхности. Ведь Авраам лично так ничего и не получил. Значит, земля обетованная есть прообраз чего-то. Понятно чего – Царствия Небесного. Следовательно, речь идет о возвращении человеку потерянного рая, главной особенностью которого была полнота и свобода Богообщения, близость Бога к человеку. Когда мы будем говорить о книгах пророческих и найдем там обетование о Новом Завете (Иер. 31:31–34), то главным достоинством его будет то, что Господь обещает быть Богом тех, кто войдет с Ним в этот завет. Так что можно смело утверждать, что по вере своей Авраам получил обетование о Новом Завете.

3.6. Обрезание

И, наконец, завет запечатлевается заповедью обрезания (Быт. 17: 10–14), которое должно совершаться в восьмой день. На этом ветхозаветном обряде нужно остановиться несколько подробнее. У обрезания мы можем увидеть два значения: первое – поучительное, которое говорит нам о том, что обрезание – это не только формальный знак принадлежности к избранному народу и завету с Ним. Уже в книгах законоположительных в устах самого Моисея звучат выражения, которые говорят нам о том, что это есть не только формальный телесный знак. Например, в книге Левит в 26-й главе упоминается сердце «необрезанное», в книге Второзаконие Моисей говорит: «*Обрежьте крайнюю плоть сердца вашего*», далее пророк Иеремия в своей книге в 9-й главе говорит, что «*весь дом Израилев с необрезанным сердцем*» (Иер. 9:

26). И, наконец, чтобы закончить этот ряд свидетельств, приведем слова первомученика Стефана перед судилищем, когда он обличал иудеев: *«жестоковъйные! Люди с необрезанным сердцем и ушами»* (Деян. 7: 51), – несомненно, что даже эти несколько цитат показывают, что в этом обряде мы должны увидеть нечто большее простого телесного знака. Ну уши еще можно обрезать каким-то образом, но если человеку обрезать сердце, то летальный исход обеспечен. Таким образом, нужно понять, какой же здесь внутренний смысл. Связь с жестоковъйностью говорит о том, что обрезание – это знак и символ подчинения человека воле Божией, символ необходимости отрешиться от греховных дел плоти и духа, и поэтому главным объектом, которому это обрезание должно полагаться, является сердце, из которого выходят злые помышления и злые дела. Цель обрезания – вступление с Богом в завет и в наследие Его обетования. А прообразовательное значение обрезания – таинство Крещения. В 30-й главе книги Второзаконие Бог обещает Сам через определенное время после плена обрезать сердца израильтян (Втор. 30: 6). Апостол Павел в Послании к римлянам говорит о том, что обрезание Авраама есть *«печать праведности через веру»* (Рим. 4: 11), а в Послании к колоссянам говорит, что *«в Нем, – то есть во Христе, в Котором обитает вся полнота Божества телесно, – вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым»* (Кол. 2: 9–11). И в Послании к римлянам апостол Павел также говорит об обрезании сердца Духом (Рим. 2: 29). И как это нерукотворное обрезание верующих в Новом Завете называется Христовым, так же ветхое рукотворное обрезание тоже есть Христово и прообразует его. Как говорит блаженный Феодорит Кирский: *«Наше обрезание есть не отъятие некоторой малой части тела, но освобождение всего от повреждения»* [цит. по 80, с. 116]. А святитель Феофан Затворник говорит, что *«христианское обрезание – обрезание сердца Духом по вере в Господа Иисуса Христа, в коем человек сбрасывает с себя тиранство греха»* [80, с. 117]. Совершается оно в купели крещения, после которой христианин становится мертвым греху и живым Богу (Рим. 6: 11). Причем тем, что обрезывается мужской пол, женский *«не исключается от завета, но входит в него своим рождением от обрезанных и обрезанием»* [81, ч. 2, с. 111] тех, кто от них рождается. И обрезание, как и пророчество о семени жены, указывает на мужеский пол Христа, через которого совершится восстановление.

3.7. Что такое завет

Теперь время выяснить для себя, что означает слово *завет*. Еврейское слово «брит» точнее было бы перевести как «союз» или «договор». Это двусторонние отношения, в которых определены права и обязанности каждой из сторон. Кажется, в случае Авраама, так и есть. Аврааму предъявляются некоторые условия: *ходить пред Богом и быть непорочным*. В свою очередь Бог берет на Себя некоторые обязательства: *благословить, размножить, дать землю*. Наверное, это и должно было быть названо договором Бога с Авраамом. Но семьдесят толковников почему-то перевели это слово на греческий как «диафики» – завещание, завет. Почему? По причине неравенства договаривающихся сторон. В случае договора нарушение его одной стороной ведет к освобождению от своих обязательств другой. Но здесь, с одной стороны, человек – *«яко трава дние его, яко цвет сельный, тако отцветет»* (Пс. 102: 15), а с другой стороны, Бог – вечный и неизменный. «Договор, то есть обещание, называет Божественное Писание Заветом, по причине его твердости и ненарушимости, потому что договоры часто нарушаются, законные же заветы ненарушимы» [35, ч. 1, с. 344] – говорит преподобный Исидор Пелусиот. Притом что человек впоследствии неоднократно нарушал условия завета, Бог всегда оставался и остается верен тому, что Он сказал. Именно из-за верности Бога договор и получает название *завета*, то есть завещания, которое зависит уже только от воли того, кто его дает, независимо от воли тех, кому это завещано. Кроме того, апостол Павел говорит, что, как завещание вступает в силу в тот момент, когда умирает завещавший (Евр. 9: 16, 17),

так же и благословение Божие, которое дано в *завете*, вступает в силу, когда Бог умирает на кресте. После смерти и воскресения Христова человечество вступает в обладание наследством, которое завещано Богом.

3.8. Перемена имени и обещание сына

Авраму дается новое имя: Авраам – отец множества народов (Быт. 17: 5). В Священном Писании несколько раз встречаются примеры того, как человеку меняют имя. Значение этого события по крайней мере тройственное: первое – кто-то хочет явить свою власть, как, например, фараон меняет имя Елиаким на Иоаким (4 Цар. 23: 34), второе – в указание будущего предназначения, как, например, Господь Иисус Христос говорит Симону, *«ты наречешься Кифа»* (Ин. 1: 42), и третье – в память о каком-либо событии, например, после некоторого таинственного поединка Иакову дается новое имя Израиль (Быт. 32: 28). Так и здесь: в знак покорности Авраама Богу и в память о заключении этого завета, и в знак предзнаменования будущей судьбы потомков Авраама дается ему это новое имя. Сара становится Саррой (Быт. 17: 15), что значит «госпожа».

«Я благословлю ее и дам тебе от нее сына; благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее. И пал Авраам на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: неужели от столетнего будет сын? и Сарра, девяностолетняя, неужели родит? И сказал Авраам Богу: о, хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим! Бог же сказал: именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак; и поставлю завет Мой с ним заветом вечным [и] потомству его после него» (Быт. 17: 16–19). В этих словах есть черты, напоминающие Благовещение. Прежде чудесного рождения сына уже дается имя и обещается поставление вечного завета.

У Авраама меняется и звучание и значение имени, он становится отцом верующих. У Сарры – только звучание, что, возможно, означает ее причастие к завету через Авраама. Свт. Иоанн Златоуст объясняет это так: *«Как тебе, говорит Бог Аврааму, через приложение буквы Я назнаменовал, что будешь отцом многих народов, так подобным образом и к имени Сары прилагаю букву, дабы ты знал, что теперь наступает время исполниться прежним обетованиям»* [29, т. 4, с. 435].

Можно задаться вопросом, почему, после того как Аврааму было дано обетование, то есть обещание, с ним заключается еще и завет, который налагает обязательства и на Авраама? Не является ли предъявление ему дополнительных условий нарушением справедливости? Ведь ради обетования он пришел в землю Ханаанскую, и тут оказалось, что от него требуется что-то еще.

На самом деле все требования завета (кроме обрезания) Авраам соблюдал раньше, чем они ему были явным образом предъявлены. И внимательное сравнение двух текстов показывает нам, что обетование дано лично Аврааму. А завет, скрепляемый обрезанием, относится главным образом к его потомкам. *«Ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя правду и суд»* (Быт. 18: 19). Чтобы они не думали, что сам факт происхождения от Авраама делает их наследниками обетования, Бог указал, что именно будет отличать истинных наследников и чад Авраама – хождение пред Богом и непорочность. Потому-то и сказал Христос иудеям: *«Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы»* (Ин. 8: 39).

3.9. Шестое явление Бога Аврааму. Откровение Святой Троицы

Шестое богоявление произошло у дубравы Мамре (то есть принадлежавшей Мамре аморреянину, союзнику Авраама – Быт. 14: 13), где поселился Авраам после разделения с Лотом.

«И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли, и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего» (Быт. 18: 1–3). Во время этого явления Авраам получает подтверждение того, что именно от Сарры меньше чем через год родится сын.

Святитель Амвросий Медиоланский считал, что в виде трех ангелов явились три лица Святой Троицы, – кажется, это единственное такое святоотеческое мнение. Блаженный Августин полагал, что это были просто три ангела. И, наконец, целый ряд отцов – это Иустин Философ, Иринеи Лионский, святитель Иоанн Златоуст – считали, что это было явление двух ангелов и Сына Божия. Одним из главных аргументов в пользу этого мнения является то, что уже после этого Богоявления говорится, что два мужа *«пошли в Содом; Авраам же еще стоял пред лицем Господа»* (Быт. 18: 22). И еще то, что именно со Вторым Лицом Святой Троицы в Писании и связывается имя Ангела. Мы увидим подтверждение этому в последующих книгах.

Святитель Филарет Московский говорит о том, что «обыкновение Церкви представлять на иконах тайну Святой Троицы в образе трех ангелов, явившихся Аврааму, показывает, что благочестивая древность точно в числе этих ангелов полагала символ Святой Троицы, ибо, впрочем, в лицах их нельзя искать сего символа, поелику Бога Отца и Бога Духа Святого никогда никто не представлял в образе ангелов» [81, ч. 2, с. 122]. Неслучайно, что на известной иконе преподобного Андрея Рублева отмечается схожесть ликов трех ангелов, так что толкователи иногда предлагают разные изъяснения, какой ангел какое лицо Святой Троицы собой представляет. Этот факт подтверждает справедливость мнения святителя Филарета.

3.10. Обстоятельства гибели Содома и Гоморры

В связи с историей гибели Содома и Гоморры хочется сделать следующие замечания. *«И сказал Господь: утаю ли Я от Авраама, что хочу делать!»* (Быт. 18: 17). Эти слова проливают свет на тайну пророческого служения. Почему бы и не утаить? Такова Его воля. *«Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам»* (Ам. 3: 7). *«Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего»* (Ин. 15: 15). Итак, Авраам есть друг Божий.

Обратите внимание еще вот на какое обстоятельство. Когда Бог собирается поразить Содом и Гоморру, Он проявляет как бы некоторую нерешительность и незнание всех обстоятельств дела (Быт. 18: 20, 21). Нас это уже не должно удивлять, поскольку подобная ситуация уже не в первый раз встречается нам на страницах книги Бытия (Быт. 3: 9–11; 4: 9). И каждый раз она связана с тем, что человеку тем самым дается какая-то новая возможность. В данном случае благодаря этой «нерешительности» Авраам получает возможность выступить ходатаем к милосердию Божию. Он молит Господа пощадить город, и ради десяти праведников Господь согласен помиловать Содом и Гоморру (Быт. 18: 32), но даже и десяти там не находится, хотя города, казалось бы, были большие. Спасся оттуда только Лот с дочерьми, от которых берут начало моавитяне и аммонитяне (Быт. 19: 30–38).

3.11. Наследники Авраама

После рождения Исаака *«увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается. И сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком. И показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его. Но Бог сказал Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что ска-*

жет тебе Сарра, слушайся голоса ее, ибо в Исааке наречется тебе семья. И от сына рабыни Я произведу народ, потому что он семья твое» (Быт. 21: 9–13). Измаил отсылается, а наследником обетования делается Исаак.

Очень назидателен пример толкования Священного Писания, который мы встречаем в беседах святителя Филарета относительно трех последовательных наследников Авраама: Елиезера, Измаила и Исаака. В их лице он видит изображение трех периодов жизни Церкви – патриархальный, подзаконный и новозаветный.

Кроме того, в них можно увидеть три вида устройства человеческой души по отношению к Царству Небесному.

Елиезер изображает собой естественно благоустроенную жизнь: человек начинает трудиться, делая какие-то первые опыты самоотвержения, но пребывает в недоумении и неизвестности относительно своего спасения. И, утомившись от этой неизвестности, человек начинает считать свое природное состояние за благодатное. Он опирается на естественные добродетели: человеколюбие, милосердие, чтобы на них основать все право наследия Вечного. Делается сие из простоты, и если человек молится Богу, то ему открывается, что эти добродетели – порождение плоти и крови – Царство Божие не наследуют. Нередко приходится слышать о ком-то: он в Бога не верует, в церковь не ходит, но он хороший, добрый, всем помогает, никого не обижает – разве он не спасется? Оказывается, что естественная легкость характера, хорошее воспитание, приятность в обращении еще не делают нас сыновьями Благодатного Царства, как Елиезер, которому Аврам сначала собирался оставить весь свой дом, действительно не стал наследником обетования.

Следом Измаил, который вследствие неплодства Сарры родился от Агари. Это рождение толкуется следующим образом. Бездетность Сары и Авраама являет собой пример души, которая долго не чувствует спасительных плодов возрождения и уверенности в истине благодатных обетований и по нетерпеливости стремится усиленными действиями способствовать скорейшему пришествию благодати. Эти усилия, эта деятельность проявляются в каких-то делах внешних, в делах внешнего благочестия или, как в Ветхом Завете, делах законных. И это смешение Авраама с Агарью есть смешение животворящего духа веры с убивающей буквой закона, свободы веры, которую изображает Авраам, с рабством закона (ср. Гал. 4: 24–25).

Как говорит святитель Филарет, «в делах плоти по закону человек мнит обрести право на рождение, поверив в духовное чадство Божие. Эта деятельность, нравственная по своему источнику, поскольку эти законы происходят от Бога или устанавливаются Церковью, если говорить к нашему времени, но рабская по своему образу, поэтому не обретает своего покоя, своей субботы в Боге». Святитель Филарет говорит, что «в людях, находящихся в сем состоянии, нередко примечать можно измаилово свойство – налагать руки на всех». Такое говорится Агари по поводу Измаила, что *«руки его на всех»* (Быт. 16: 12), он будет постоянно воинствовать на всех, кто его окружает. В историческом плане это обещание исполняется постольку, поскольку Измаила своим предком считают арабы, и их воинственная история на протяжении веков считается исполнением этого пророческого откровения Агари. В духовном смысле налагать руки на всех означает «осуждать всех тех, которые идут не одним с ними путем, и вооружаться против них сильною, но не всегда благорассудною ревностью» [81, ч. 2, с. 100]. Если Елиезер представляет собой состояние человека дозаконное, некоторое состояние естественной праведности, Измаил – состояние ветхозаветное, то есть подчиненность и рабство, то благодатное состояние свободы изображается Исааком, который есть рождение в свободу чад Божиих.

Итак, третий образ – это Исаак, который есть рождение в свободу чад Божиих. Девяностодевятилетний Авраам с изумлением слышит о рождении от него сына. Это изумление Авраама напоминает изумление, которое испытал Никодим в беседе со Спасителем, когда Он ему сказал, что *«должно вам родиться свыше»* (Ин. 3: 7). Здесь идет речь об одном и том

же: благодатное, настоящее духовное возрождение человека, его действительное вхождение в обетование, усыновление Божие происходит совершенно для человека непонятным, сверхъестественным образом. Жизнь внутренняя утверждается на развалинах внешних. Как говорит святитель Филарет Московский, «Бог не отвергает Измаила, но завет вечный поставляет с Исааком: Бог не отвергает дел закона, которым помоществует и за которые предстательствует вера; но к вечному с собой соединению предопределяет токмо благодатью насаждаемую в душе внутреннюю жизнь веры и любви» [81, ч. 2, с. 116], – все эти промежуточные стадии, которые символизируют Елиезер и Измаил, еще не есть то, чем наследуется обетование, а оно наследуется именно благодатью Божией.

Когда Бог дает Авраму обетование о рождении Исаака, то печатью этого обетования и залогом его рождения является новое имя Авраам и закон обрезания, которые прообразуют собой таинство Крещения, поскольку в крещении христианин получает новое таинственное имя и переживает новое, духовное рождение.

3.12. Великое искушение Авраама

И, наконец, седьмое и восьмое Богоявления связаны с принесением в жертву сына Авраама – Исаака. Перед нами встает вопрос, который часто вызывает недоумение даже у самих православных: зачем Богу нужно было проверять веру Авраама? Разве Бог не знал, что Авраам в него верует, когда уже Авраам поверил Богу, и вера эта вменилась ему в праведность? Иногда формулируют более жестко: разве можно так издеваться над отцом, велеть ему принести в жертву собственного сына, зачем это было нужно? Обычный ответ – в этой жертве мы видим прообраз крестной жертвы Сына Божия – сразу проблему не снимает. Стоит ли ради создания прообраза так жестоко обращаться с Авраамом? Говорят: нет, все-таки Бог у вас какой-то злой, с людьми зло и нехорошо обращается – нам Бог такой не нравится. А Авраам просто фанатик.

Бог, конечно, в нашей защите не нуждается, но тем не менее, хотя бы для своего собственного уразумения, здесь, наверное, все-таки нужно что-то сказать. Давайте подумаем, может быть, Авраам приобрел в результате что-то такое, чего никаким другим образом приобрести невозможно? Что же Авраам мог переживать, чувствовать помимо великой скорби от необходимости принесения этой жертвы? Ключом могут служить слова Господа Иисуса Христа, сказанные иудеям: «*Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел, и возрадовался*» (Ин. 8: 56). Когда, в какой момент увидел и возрадовался Авраам, когда он умер задолго до Христа? Как сказали Ему иудеи: «*Тебе нет еще пятидесяти лет, – и Ты видел Авраама?*» (Ин. 8: 57). Святитель Иоанн Златоуст комментирует это так: «Под днем Он разумеет здесь день Христа, который Авраам прообразовал принесением овна и Исаака. <...> Этим показывает, что не по неволе идет на страдания (Господь), потому что хвалит Того, Кто радовался о кресте, так как крест был спасением вселенной» [29, т. 8, с. 362]. Итак, святитель Иоанн Златоуст утверждает, что Авраам радовался именно о Кресте и о дне Креста.

Мы знаем, что путь в Царствие Небесное лежит через Крест, лежит через Голгофу, причем этот путь и этот закон положен не только людям новозаветным, не только тем, которые живут после Христа, но это путь единый для всех людей. И если посмотрим на жизнь ветхозаветных праведников: патриархов, пророков, – то всегда увидим этот же самый закон: несения Креста и сострадания Христу. На путь самоотвержения Авраам вступил, выходя из Харрана. Вся его последующая жизнь была крестоношением. Теперь же мы видим его кульминацию. Несомненно, что этот прообраз крестной жертвы конечно же открывается не только нам, но в первую очередь сам Авраам сделался свидетелем Христу, и именно ему открылась эта тайна Сына Божия. В этом сомневаться совершенно не приходится. Апостол Павел в 11-й главе Послания к евреям говорит о том, что «*верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака...*» (Евр. 11: 17). Какой верой? Верой в то, что Бог, давший Исаака от омертвелой утробы

Сарриной, способен «и из мертвых воскресить» его, поскольку именно через него должно было бы прийти исполнение обетования. (Сразу отметим, что намерение апостол приравнивает к самому действию.) Вот эта вера во Христа «страдавши, и погребенна, и воскресшаго в третий день» и сделала его свидетелем и соучастником тайны Христова страдания. Только действенная вера, а не одно знание того, что Бог есть, является спасительной.

Окончательно убедиться в справедливости такого объяснения этого события позволяет тот факт, что именно во время последовавшего за ним богоявления Аврааму изменяется формулировка обетования. Если прежде говорилось, что «*благословятся в тебе все племена земные*» (Быт. 12: 3), или что в потомстве твоём благословятся все колена земные, то теперь говорится, что «*благословятся в семени твоём все народы земли*» (Быт. 22: 18). Мы уже с вами этот термин – *семья* – встречали в Первоевангелии (Быт. 3: 15) и говорили о его мессианском значении. Здесь уже конкретное указание, что не в Аврааме лично и не во всей совокупности потомков, а именно во Христе будет его благословение и избавление, тайну которого Авраам созерцал здесь, во время этой жертвы.

Теперь нам совершенно ясна причина обилия прообразовательных черт. Это не просто инсценировка, два события имеют глубокую внутреннюю связь. Христос безропотно подчиняется Отцу, и Исаак подчиняется; Христос несет крест, и Исаак несет дрова. Прежде жертвы Авраам с сыном совершают трехдневное путешествие. И если мысленно Авраам заклал Исаака сразу, то трехдневное путешествие предрекает на трехдневное пребывание Спасителя во гробе. И, наконец, как вместо Исаака приносится в жертву агнец, так и Христос-Агнец приносится в жертву за всех людей.

Авраам являет великую высоту самоотверженной любви к Богу, которая делает его причастником тайны. Это та же самая высота, на которой Моисей молил Бога о спасении израильтян даже ценой своего собственного отвержения и своей собственной гибели. Точно так же апостол Павел говорил, что он готов был быть отрешенным от Христа ради спасения своего народа (Рим. 9: 3).

Гора есть образ духовного восхождения. Святитель Филарет так говорит в этой связи. Вы помните, что Авраам с Исааком пошли на гору наверх, а рабы Авраамовы остались внизу сторожить ослов, на которых они приехали. Святитель Филарет Московский говорит, что «люди, поработанные или закону плоти похотью, или закону внешних только дел: гордостью и лицемерием, не достигают этой высоты любви, не постигают ее и даже отвергают. *“Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия”*, – говорит апостол Павел (1 Кор. 2: 14), – вместо того, чтобы, оставив все земное и неся крест свой, восходить на гору являющегося Бога, дабы причаститься смерти и воскресения Христова, они остаются под горою и стерегут осла свое» [81, ч. 2, с. 178].

И последнее. Гора, на которой совершается жертвоприношение Исаака, по преданию, гора Мориа (ср. Быт. 22: 2), на которой впоследствии был сооружен Иерусалимский храм.

Глава 4. Патриархи Исаак, Иаков, Иосиф

Не менее важной, чем жизнь Авраама, для понимания путей домостроительства спасения является и история его ближайших потомков. В ней, в основном через прообразы, подтверждается и проясняется данное Аврааму обетование и раскрываются новые грани добродетели.

4.1. Жизнь Исаака

Мы пропустим пересказ событий из жизни патриарха Исаака, упомянув только о том, что обетование, данное Аврааму, было повторено Исааку. Жизнь его, в отличие от его предшественника и последователя, была достаточно статичной: все перемещения Исаака, которые мы видим из Священного Писания, лежали буквально в пределах 200 км, хотя прожил Исаак жизнь достаточно долгую.

Этот праведник был необычайно мирного и кроткого устройства, который все свои конфликты и недоумения с соседями решал исключительно путем того, что он им бесконечно уступал, бесконечно все прощал, и Бог явным совершенно образом возвеличивал его и вознаграждал за это и прославлял его перед лицом всех соседей.

Первое откровение было дано Исааку через жену его Ревекку о судьбе двух его сыновей. Господь открыл ей, что во чреве ее борются два племени, причем *большой народ будет служить меньшему* (Быт. 25: 23).

Первое богоявление Исааку – на пути в Герар по дороге в Египет (Быт. 26: 1, 2). Повеление странствовать в Ханаане с обещанием покровительства. Повторение обетований, данных Аврааму (Быт. 26: 1–3).

Второе богоявление Исааку – в Вирсавии, куда он пришел из пределов герарских, притесняемый тамошними жителями. Господь уверяет Исаака, что ему нечего бояться, ибо Он помнит Свои обещания.

Опыт патриарха Исаака противостоит опыту Хама. Это опыт послушания и всецелой преданности воле Божией. В целом его жизнь является прекрасной иллюстрацией заповеди блаженств, гласящей о том, что кроткие наследуют землю (Мф. 5: 5).

4.2. Исав и Иаков – первородство и благословение

На фоне мирной и благочестивой жизни патриарха Исаака совсем по-другому выглядит жизнь его сына Иакова, которая была исполнена многих приключений и скорбей.

Первое, что мы должны себе уяснить по поводу Иакова, – это смысл его на первый взгляд безнравственных действий по наследованию обетования Божия. Он – младший сын, обетование принадлежит Исаву. Иаков, путем некоторых странных действий, становится наследником этого обетования. Когда он встречает голодного брата, то отказывается его кормить просто так, а кормит его – ни много ни мало – в обмен на право первородства, что в общем-то совсем не соответствует братскому поведению. Второе, что мы видим: он является к отцу, переодевшись так, чтобы быть похожим на брата, приносит полученное от матери своей Ревекки любимое кушанье отца. Исаак, засомневавшись, спрашивает: *«ты ли сын мой Исав?»* (Быт. 27: 24). Иаков говорит: *«я»*, то есть здесь лукавство переходит в прямую и открытую ложь. Таким образом, два по крайней мере неблагоприятных деяния лежат на пути получения Иаковом обетований Божиих. Почему же все-таки Господь это обетование ему дает, дает благословение и именуется Богом *Авраама, Исаака и Иакова?*

Мы должны понимать, что к людям Ветхого Завета мы не можем предъявить всей полноты евангельских нравственных требований, ибо они не имели укрепляющей благодати, пре-

ображающей сердце человека. Поэтому постараемся проникнуть в суть. Исаву было дано второе имя Едом (Красный), он берет себе двух жен иноплеменниц, которые в тягость Исааку и Ревекке (Быт. 26: 34, 35). Мы видим его человеком грубым и необузданным, которому дела мало до всех обетований. Был бы сыт.

Священное Писание очень ярко изображает сцену продажи или перехода первородства. Исав говорит: *«вот, я умираю, что мне в этом первородстве?»* (Быт. 25: 32), – хотя, судя по тому, что он сам пришел с охоты, смерть еще, по-видимому, не была перспективой ближайших минут или часов. Он мгновенно соглашается на сделку с Иаковом, и дальше говорится, что Исав *«ел и пил, и встал и пошел»* (ст. 34). От себя добавим: и глазом не моргнув оттого, что он только что проел свое первородство, продал великие обетования Божии, которых никто на земле не имел. А Иакова вопрос благословения явно волновал. И в данном случае он преследует не просто какой-то свой личный интерес в том, чтобы стать наследником отца, Исаака, но он предлагает сделку именно потому, что здесь, сейчас совершается дело спасения Богом человечества и оно готово попасть в руки недостойного.

Очевидно, именно этим определялись и поступки Ревекки, которая и предложила Иакову предстать перед отцом вместо брата. Не будем забывать, что еще до рождения детей она получила откровение о том, что *«большший поработает меньшему»* (Быт. 25: 23). В ответ на опасение сына быть проклятым, в случае если обман откроется, она сказала: *«на мне пусть будет проклятие твое, сын мой, только послушайся слов моих»* (Быт. 27: 13). Преподобный Исидор Пелусиот сравнивал Ревекку в данной ситуации с апостолом Павлом, сказавшим: *«я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти»* (Рим. 9: 3).

Таким образом, речь идет не о том, что первородство можно купить и благословение Божие получить обманом, а о том, что оно достается достойному. Главное в действиях Ревекки и Иакова – это дерзновение веры. Притом что Иаков потом много пострадал именно за эту свою ложь, за свое лукавство, жизнь его была исполнена многих скорбей, но тем не менее Господь принимает его дерзновение. Даже Исаак, когда обнаруживается эта подмена, отказывается что-то изменить и забрать благословение у Иакова и вернуть тому, кто формально был сыном первородным. Впрочем, не будем забывать, что первородство он уже продал, так что прав на претензии не имел.

Конечно, совсем без благословения Исав не остался. Но речь идет именно о том, что наследование обетования Божия, которое было дано Аврааму, переходит именно к Иакову – Иаков делается наследником этого обетования и его потомки, а не Исав со своими потомками, от которого происходит другой народ (идумеи) со своей историей.

4.3. Видение лестницы в Вефиле

Вынужденный бежать из дома, Иаков отправился в Харран. По дороге в месте, именуемом Луз, ему в видении сонном таинственно является лестница, которая простирается от земли до неба, по которой восходят и нисходят ангелы Божии (Быт. 28: 12). Там Господь повторяет ему обетования, которые давались его отцу и деду, и говорится о том, что он благополучно вернется в эту землю.

Видение Иаковом лестницы традиционно толкуется как прообраз Божией Матери, соединившей Собою земное и небесное, по Которой Сын Божий сошел на землю. И в этом месте Иаков устроил жертвенник, и возлил на него елей, и дал имя этому месту: Вефиль («бейт-эль») – дом Божий.

Когда Иаков упокоился на камне, тогда увидел отверстое небо и ангелов. Тогда он воздвиг и помазал этот камень. Здесь мы встретили еще один мессианский символ – камень. В Священном Писании Ветхого Завета человек нигде не уподобляется камню, но только Бог (см. Ис. 8: 14; 28: 16; Пс. 117: 22).

4.4. Пребывание у Лавана и возвращение

Добравшись до Харрана, Иаков поселяется у своего дяди Лавана, который выдает за него замуж двух своих дочерей, за каждую из которых он отработал 7 лет. Эта история хорошо известна, поэтому я не буду на ней подробно останавливаться. У Иакова родилась дочь и 12 сыновей, которые стали впоследствии родоначальниками двенадцати колен (то есть родов), составлявших израильский народ.

По повелению Божию Иаков со всей семьей тайно покидает Лавана и направляется обратно в Палестину. Здесь обычно вызывает недоумение следующее событие. Во время бегства Рахиль забирает у отца терафимов – домашних идолов (Быт. 31: 19). Их исчезновение очень беспокоит Лавана и его сыновей. Идет ли здесь речь об идолопоклонстве? Нет. Дело в том, что по обычаю того времени обладание терафимами означало переход права на наследство. Если вспомнить слова Лии и Рахили: *«посему все богатство, которое Бог отнял у отца нашего, есть наше и детей наших»* (Быт. 31: 16), то этот поступок становится понятным. Чтобы эти божки не стали предметом почитания, по приходе в Палестину Иаков их закопал.

Заметим себе, что при всех несправедливостях, которые пришлось претерпеть Иакову, он покидает тестя не раньше, чем Бог повелевает ему сделать это. Послушание воле Божией есть общая черта патриархов. Об Аврааме в этой связи уже было сказано много. Исаак не пошел в Египет из послушания Богу. Иаков возвращается в Палестину, несмотря на страх перед Исавом.

Эта история имеет и свой духовный смысл. Примеры его раскрытия мы находим в 4-й песне Великого канона преподобного Андрея Критского: *«Жены ми две разумей, деяние же и разум в зрении, Лию убо деяние, яко многочадную, Рахиль же разум, яко многотрудную; ибо кроме трудов ни деяние, ни зрение, душе, исправится»*. Слабая глазами Лия изображает путь трудов и скорбей, который необходимо пройти прежде радости духовного созерцания, изображаемого Рахилью. *«Дванадцать патриархов великий в патриарсах детотворив, тайно утверди тебе лествицу деятельнаго, душе моя, восхождения: дети, яко основания, степени, яко восхождения, премудренно подложив»*. Каждый из сыновей символически изображает одну из добродетелей в порядке их прохождения.

4.5. Поединок в Пенуэле

Мы знаем, что у Иакова родились 12 сыновей, которые стали родоначальниками двенадцати колен Израилевых. Почему предка звали Иаков, а народ называется Израилем? В жизни Иакова было таинственное событие, когда он, так же как и Авраам – его предок, получил новое имя. По пути обратно в землю Ханаанскую незадолго до рассвета *«остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. [Иаков] сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, [говорил он], я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя»* (Быт. 32: 24–30). Пенуэл («пниэль») – лице Божие.

С кем боролся Иаков? На этот счет существует несколько мнений. Ориген и блаженный Августин полагали, что это был ангел, как и вообще во всех подобных видениях Ветхого Завета. Такие отцы, как св. Иустин мученик, святитель Афанасий Великий, святитель Иоанн Златоуст, св. Иларий Пиктавийский блаженный Феодорит, Климент Александрийский, гово-

рили о том, что боровшийся был Сыном Божиим [см. 81, ч. 3, с. 66]. Например, у блаженного Феодорита: «Здесь должно заметить, что одного и того же назвал человеком и Богом. Ибо сказал: *укрепился еси с Богом и с человеки силен будеши. И прозва имя месту тому Вид Божий; видех бо Бога лицом к лицу, и спасеся душа моя* (Быт. 32: 30). И еще: *воссия же солнце, егда преиде Вид Божий* (32: 31). Из всего этого познаем, что и здесь явился Иакову Единородный Божий Сын и Бог» [73, с. 66].

Здесь есть прообраз грядущего уничтожения Сына Божия, вочеловечения, о котором апостол Павел говорит в Послании к филиппийцам о том, что Он принял зрак раба, явился в уничиженном виде: «*уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеку...*» (Флп. 2: 7). Бог может победить Иакова, но не делает этого – и через это доставляет ему благословение, о котором сам Иаков просит.

Отказ Соперника назвать Свое имя преподобный Исидор Пелусиот объясняет тем, что «естество Божие не именуемо. А Иаков вопрошал об имени Того, Кто с ним боролся и прикосновением к жиле бедра научал укрепляться против страстей. И сказано ему: *Вскую вопрошаеши имене Моего?* (Быт. 32: 29). Не под законом и не до закона живущим возможно познать сие. Но в позднее время, когда придет исполнение времен и умножатся грехи людские, вочеловечившись, нарекусь Иисусом, что значит Спаситель, потому что для спасения грешных совершу оное домостроительство» [35, ч. 1, с. 184].

В результате этого поединка Иаков получает новое имя: Израиль – Богоборец – самый традиционный перевод этого имени, потому что Некто сказал ему: «*отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом и человек одолевать будешь*» (Быт. 32: 28). Тайственный смысл этой борьбы по-разному может быть объяснен. Но несомненно, что здесь присутствует откровение, без которого не обходились и другие праведники: приобщение к тайне Христовой. И дано оно в самый критический момент: навстречу Иакову идет Исав и ведет с собой четыреста человек, явно намереваясь отомстить брату.

4.6. Символическое значение истории патриархов

По объяснению свт. Филарета Московского [см. 81, ч. 3, с. 73–74], путешествия патриархов символизируют странствие человечества или странствие отдельного человека к своему отечеству Небесному, но в несколько разных смыслах. Так, Авраам, который идет из Харрана в землю Ханаанскую, в себе изображает движение от состояния природно-естественного к состоянию благодатному, поскольку обетованная земля Палестина везде в Священном Писании символизирует собой Царство Небесное. Путешествие Иакова, который выходит из Ханаана в Харран, потом возвращается, изображает хождение сына благодати между сынами природы – жизнь души христианской в миру.

4.7. История Фамари

В продолжение темы о приобретении Иаковым первородства посредством обмана обратим внимание на историю невестки патриарха Иуды Фамари.

Фамарь теряет своего мужа Ира (Быт. 38: 7), не имея детей. Вторым муж Онан (брат первого) умирает, как и первый, за свои грехи. Опасаясь за третьего своего сына, Иуда не отдает Фамарь ему в жены, нарушая тем самым древний обычай (Втор. 25: 5–10). И тогда Фамарь идет, одевается блудницей, привлекает к себе Иуду и зачинает от него. Когда это открывается, ее приводят к Иуде, и он говорит, что ее надо сжечь за этот грех, но, когда выясняется, каким образом это произошло, Иуда отменяет приговор и говорит: «*Она правее меня*» (Быт. 38: 26). Что здесь происходит? Фамарь – иноплеменница. И вот она видит, что перед ней народ, племя, через которое Господь соделывает спасение, нить, которая тянется от Адама ко Христу. И для

того чтобы спастись, требуется быть этой линии, этому потоку причастной. И теперь ее без всякой вины незаконно отстраняют. Тогда она дерзновенно идет на грех, на преступление ради того, чтобы не оказаться в стороне. Мы видим, что Господь ее принимает, и в евангельском родословии Христа она упоминается (Мф. 1: 3). Сам Иуда свидетельствует о том, что *«она правее меня»* (Быт. 38: 26).

Здесь как раз и показывается, что, собственно, являлось в эти ветхозаветные времена главным для человека, – вера. Ради этой дерзновенной веры, ради желания перешагнуть через все, чтобы быть с Богом (ради того, чтобы быть со Христом), этим ветхозаветным людям все остальное прощается.

4.8. Патриарх Иосиф

Далее история повествует нам о некоторых сыновьях Иакова. Мы уже рассматривали историю Иуды и Фамари. Рассказывается история избиения сихемлян Симеоном и Левию в отместку за бесчестие своей сестры Дины (Быт. 34). Но центральной фигурой повествования является предпоследний сын Иакова Иосиф, в котором тоже ярчайшим образом проявляются грядущие черты служения Спасителя. Так мы видим, что Иосиф за свою чистоту, за свою избранность ненавидим братьями, как и Господь Иисус Христос был ненавидим начальниками иудейскими за Свое превосходство над ними. Эта нелюбовь выливается в желание его убить и в конце концов проявляется в деянии фактически равном убийству – в продаже его купцам. Сумма, за которую он продан, – 20 сребреников – как бы нарочито несколько меньше той, за которую был продан Спаситель. И очень характерно имя брата, который придумал совершить эту сделку, – Иуда. Затем – безвинное оклеветание его в Египте, заключение, тюрьма и, наконец, оправдание и вознесение во славу до второго места во всем Египте. И через это – спасение Египта, и прощение, и спасение своих братьев, причем спасение, которое доставляется им посредством дарования хлеба. Также и Господь Иисус Христос по воскресении Своим прощает Своих распинателей, дает им возможность спастись, подавая им в снедь Хлеб таинственный в таинстве Евхаристии. И даже само имя, которое дается фараоном Иосифу в Египте, *Цафнаф-панеах* (Быт. 41: 45) – Спаситель мира – говорит само за себя.

Событие, которое вызывает иногда затруднения: для чего Иосиф устраивает испытание с чашей, подложенной в мешок Вениамина? Иосиф открывается братьям только после того, как старшие братья готовы пожертвовать собой, остаться здесь в Египте вместо Вениамина. Когда они говорят: *«мы наказываемся за грех против брата нашего <...> за то и постигло нас горе сие»* (Быт. 42: 21), то есть когда в них открывается покаяние, когда в них открывается способность к самоотвержению – преодолению собственного эгоизма, – тогда только им открывается Иосиф. Опять это можно соотнести с тем, что Христос открывается душе человеческой, когда в ней есть покаяние, когда в ней есть преодоление своей самости, отступление от своей гордыни, готовность принять спасение, идя путем жертвенной любви.

История книги Бытия кончается тем, что к Иосифу в Египет переселяется Иаков со всем семейством и они приняты там благосклонно: получают себе в пользование некую землю к востоку от Нила и живут там мирно и счастливо. Кончается все смертью Иакова и погребением его там же, где и его предки, то есть в Ханаане, и смертью Иосифа, которого погребли в Египте, но с заповедью отвезти и похоронить его там, где погребены его предки, в Ханаане. В этом содержится пророчество о выходе израильтян из земли Египетской в последующие времена.

Можно предположить, что переселение в Египет совпало со временем правления в Египте неегипетских династий. Вы, наверное, помните, что было нашествие гиксов, когда власть в Египте на время оказалась в руках чужеземцев. Это единственный период истории Египта, в который можно себе предположить такое явление, когда приходит некое чужеземное племя, которое так благосклонно принимается, и фараон даже просит Иакова его благо-

словить. Учитывая традицию Египта не считать иноплеменников за полноценных людей, по-видимому, следует привязать это переселение ко времени правления в Египте неегипетских династий. Соответственно мы имеем возможность уточнить хронологию ветхозаветной истории, уже можем говорить о датировках этого переселения.

4.9. Благословения, данные патриархом Иаковом своим сыновьям

Прежде своей кончины Иаков преподал детям благословение (Быт. 49: 1–28). Первым он призвал Иосифа и дал ему двойное благословение (Быт. 48: 8–20). Он благословляет и усыновляет его сыновей: Ефрема и Манассию, – причем делает это символическим образом. Отец подвел их таким образом, чтобы правая рука легла на старшего, а левая на младшего. Но Иаков крестообразно возлагает на них руки, выделяя тем самым младшего и давая ему большее благословение, выделяя Ефрема по сравнению с Манассией. По толкованию преподобного Исидора Пелусиота и других святых отцов, «сопровожаемое благожеланиями благословение патриарха, какое дал он сынам Иосифовым, не на них одних исполнилось, но служило прообразованием более важного. Ибо пременение рук (Быт. 48: 14) предызображало спасительный Крест и предпочтение меньшего сына указывало на новый народ, как бы провозглашая чрез этот образ: когда на благословение явится Крест, тогда возвеличится народ меньший и *смиряться вознесется* (Лк. 14: 11)» [35, ч. 1, с. 151].

Когда Иаков перед смертью собрал своих сыновей, он стал благословлять их по очереди. Заметим, что здесь, как и в других местах Священного Писания, благословение и проклятие следует понимать как пророчества [см. 73, с. 47]. Первых трех сыновей – Рувима, Симеона и Левия – Иаков лишил благословения за разные прегрешения. Таким образом, право первенства переходит к Иуде. Этот переход не происходит механически, поскольку тогда это было бы несправедливо по отношению к Иосифу. Но Иуда в истории с чашей в мешке Вениамина, когда все братья молчали перед лицом Иосифом, взял на себя всю ответственность, то есть роль старшего, и предложил себя вместо младшего брата (Быт. 44: 16–34). Кроме того, не будем забывать и о Фамари, родившей от Иуды наследников.

Благословение, которое получает Иуда, является пророчеством мессианским. *«Иуда! тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего. Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды, и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое»* (Быт. 49: 8–11). Это пророчество в первую очередь говорит о том, что Спаситель произойдет именно из колена Иудина. Иногда комментаторы выделяют здесь только то, что *«не отойдет скипетр от Иуды, и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов»* (ст. 10). Однако здесь есть некоторая сложность, поскольку цари из колена Иудина прекратились во время Вавилонского плена. После плена Иудея достаточно долгое время является просто провинцией разных государств, потом восстанавливается династия, но уже не из Иудина колена, а из колена Левина; династия Маккавеев – это потомки священника Маттафии. И потом воцаряется Ирод Идумеянин, который и становится, собственно, царем, – и вот как раз во времена Ирода и настало время явления *Примирителя*. Поэтому здесь не все так просто: пришествие Спасителя совпало с тем временем, когда царский скипетр попадает уже в руки иноплеменника.

Но этим не исчерпывается объем мессианского пророчества. О том, что Господь *лев от колена Иудина*, нам говорит Апокалипсис (Откр. 5: 5); и слова, что этот *лев лег, и кто поднимет его?* – несомненно, указывают нам на смерть и воскресение Христово, поскольку Христос

воскресает Сам, будучи Богом. Затем осленок и ослица нам напоминают о Входе Господнем в Иерусалим. Символическое толкование этого входа с восседанием на этих двух животных есть приведение ко Христу как подъяремных – иудеев, так и необъезженных, бывших вне ярма, – язычников. И то, что здесь Иуда привязывает и тех, и других к лозе винограда своего, говорит о том, что лоза – это образ Церкви (см. Ин: 15) и что спасение тех и других, объединение тех и других происходит в Церкви. Наконец, странный образ мытья одежды в крови гроздов, то есть в вине. Ни один нормальный человек в вине свою одежду обычно не моет, потому что она после этого может испортиться, так что это, несомненно, есть образное высказывание. В видениях Апокалипсиса мы видим праведников, одежды которых убелены и омыты кровью Агнца (Откр. 7: 14).

В Книге пророка Исаии в 63-й главе изображен Спаситель, совершающий Свой подвиг в виде топчущего виноград в точиле (*«Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною»*) (Ис. 63: 3). Здесь идет речь об омовении кровью Христа естества человеческого и об очищении грехов кровью Спасителя. Блеск очей и белизна зубов, по слову блаженного Феодорита, означают радость спасения, доставленного страданием, и чистоту проповеданного учения [см. 73, с. 75–76].

4.10. Рождение Фареса и Зары

И последнее, что следует отметить из пророческих событий книги Бытия, это рождение от Фамари Фареса и Зары (Быт. 38: 27–30). Сначала при родах появляется Зара, которому навязывают на руку красную нить, после чего он возвратил руку свою, и рождается Фарес, а затем уже рождается Зара, что в переводе означает «восход». Это событие прообразует то, что через патриархов явилось предваряющее обетование Нового Завета, которое потом скрылось под сенью закона, сенью Ветхого Завета, который изображается рождением Фареса. Только потом уже рождение Зары – «восхода», окончательное его рождение, изображает *«посещение Востока свыше»* (Лк. 1: 78), явление новозаветной благодати. Таким образом толкуется изображение сложного процесса рождения этой двойни [см. 73, с. 67].

4.11. Некоторые обобщения по первоначальной истории человечества

В развитии человеческой истории следует заметить некоторую особенность. Эта особенность выражается в том, что человечество регулярно оступается на своем пути, впадает в грех, но последствия этого греха особым божественным действием исправляются и сами делаются источником благодетий. Не потому, что были добры сами по себе, но по превосходящему все действию Промысла Божия. *«Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей»*, – говорит Иосиф братьям (Быт. 50:20). А апостол Павел выразил ту же мысль еще резче: *«когда умножился грех, стала преизобиловать благодать»* (Рим. 5: 20). Не потому, что грех угоден Богу, но потому, что Бог желает спасти человека.

Священная история есть история предательств и история благословений, история избраний, благодаря которым Бог исправляет человечество и ведет его к Рождеству Христову. Мы видим сотворение Адама, и дарование ему полноты всех благ, и дарование ему возможности совершенствоваться в этих благах, однако эта возможность совершенствования и возрастания используется им во зло. В этом падении человеку дается в качестве наказания смерть, но мы знаем, что через смерть Спасителя впоследствии человек восстановлен в своем первоначальном достоинстве. Вслед за грехопадением первых людей дается мессианское обетование о семени жены (Быт. 3: 15). За потопом следует благословение людей и завет Бога с Ноем

(Быт. 9: 1–17). За падением Хама – благословение Сима и Иафета. За строительством Вавилонской башни и разделением языков следует избрание патриарха Авраама и заключение с ним завета такого, что Авраам называется впоследствии отцом всех верующих. Количество примеров можно умножать.

В краткой форме основные идеи книги Бытия изложены у апостола Павла в 11-й главе Послания к евреям. *«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. В ней свидетельствованы древние. Верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое. Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; его получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; его он и по смерти говорит еще. Верою Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу. А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает. Верою Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговев, приготовил ковчег для спасения дома своего; его осудил он [весь] мир, и сделался наследником праведности по вере. Верою Авраам повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет. Верою обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог. Верою и сама Сарра [будучи неплодна] получила силу к принятию семени, и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший. И потому от одного, и притом омертвело, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском. Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город. Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес едиnorodного, о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресит, почему и получил его в предзнаменование. Верою в будущее Исаак благословил Иакова и Исава. Верою Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего. Верою Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завета о костях своих»* (Евр. 11: 1–22). В этой главе, где делается краткий обзор ветхозаветной истории, 40 стихов. Из них 22 посвящены книге Бытия, что говорит о ее фундаментальном значении.

Глава 5. Исход

Книга Исход открывает новый большой период ветхозаветной истории. На место одного благочестивого семейства Авраама приходит происшедший от него народ, посредством которого Бог свидетельствует о Себе людям. Выведа евреев из Египта, Бог являет на них великие чудеса, ограждает от бед и вступает с ними в завет.

Книга Исход помимо своей ценности исторической имеет еще, несомненно, ценность пророческую: в ней содержится множество прообразов, касающихся времен новозаветных и устройства спасения человечества через Господа Иисуса Христа.

5.1. Происхождение и призвание Моисея. Откровение об Имени Божиим

Начало книги Исход повествует об угнетении евреев в Египте, рождении Моисея – человека, которому уготовано было стать избавителем израильского народа, спасителем от истребления его в условиях египетского рабства. Воспитанный при дворе фараона, он не отрекся от своего народа, был вынужден бежать и водворился в Аравии, откуда вернулся потом, чтобы вывести Израиль из Египта.

Таким образом, жизнь Моисея делится на три равные части: 40 лет в Египте, потом 40 лет в земле Мадянской и 40 лет странствия во главе народа израильского. Всего 120 лет. Мы не станем подробно разбирать первые два периода и начнем с призвания Моисея к служению.

Бог открылся Моисею на горе Хорив в видении неопалимой купины (Исх. 3: 2–14). Через это явление Моисей был призван для служения. При этом Бог Сам впервые открывается Моисею, называя Свое Имя. В книге Бытия мы встречали ряд имен Божиих, таких, как *Всевышний, Всемогущий, Бог неба и земли, Бог, видящий меня, Бог Авраама, Исаака и Иакова* и др. Здесь же было дано некоторое новое откровение. *«И сказал Моисей Богу: вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им? Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий [Иегова]. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам. И сказал еще Бог Моисею: так скажи сынам Израилевым: Господь, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова послал меня к вам. Вот имя Мое на веки, и памятование о Мне из рода в род»* (Исх. 3: 13–15).

Сущий или *Сый* (в славянской версии) – это попытка перевода «священной тетраграммы» (Исх. 3: 14), слова, о котором никто не знает сейчас, как оно должно произноситься [см. 75]. В прежние времена оно прочитывалось как «Иегова», сейчас – как «Яхве». По какой причине? Древнееврейский язык, подобно некоторым другим, фиксировал в письме только согласные буквы, а огласовка зависела только от степени подготовленности человека, – требовался некий начальный уровень грамотности, для того чтобы читать и писать. Некоторое подобие этому мы видим в славянском языке: слова под титлами, – если человеку привычно, то не бывает затруднений в чтении, поскольку он знает значение этих слов. Мы знаем заповедь Божию о произнесении имени Божьего всуе (Исх. 20: 7) – заповедь эта со временем стала исполняться среди иудеев настолько строго, что единственный раз в году первосвященник произносил это имя во время Дня Очищения, входя во Святаго Святыя (Лев. 23: 27–31). В остальных случаях говорилось «то самое имя», или «Адонай» – Господь, как сейчас мы видим это в славянском или в русском тексте Библии. После того как прекратилось ветхозаветное богослужение, повода для произнесения этого слова не стало вовсе, и, по-видимому, то, как оно произносится, было просто забыто. Тем более что христианская Церковь от начала пользовалась греческим текстом семидесяти толковников, а не текстом еврейским.

Имя *Суций* указывает на Того, Кто имеет жизнь в Самом Себе, Кто является источником бытия, бытием. Называя Себя так, Господь говорит: «Я есть тот, кто Я есть», потому что Бог для человека непознаваем в Своем существе.

Бог призывает Моисея на служение своему народу, чтобы вывести его из Египта. Моисей отказывается, ссылаясь на то, что он человек косноязычный и был такой и вчера, и в молодости своей (Исх. 4: 10). И тогда Господь назначает Моисею в помощники его брата Аарона, сказав: «он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога» (Исх. 4: 16), и еще «смотри, Я поставил тебя Богом фараону, а Аарон, брат твой, будет твоим пророком» (Исх. 7: 1). Запомним эти слова, поскольку в этом определении миссии Аарона дано указание на смысл пророческого служения.

5.2. Символическое значение видения купины

Видение пророком Моисеем купины кроме своего буквального смысла имеет и пророческое значение. Самое традиционное толкование – это указание на Божью Матерь, Которая приняла в Себя Бога – огонь пополающий – и при этом никакого повреждения не испытала. Это толкование мы часто можем встретить в богослужебных песнопениях. Например, в богородичном догматике второго гласа: «прейде сень законная, благодати пришедши: якоже бо купина не сгараше опалаема, тако Дева родила еси, и Дева пребыла еси...» Существует и соответствующая иконография.

Другое толкование интерпретирует неопалимую купину как прообраз плоти Господней, Его человеческой природы, которая не была опалена и сожжена при ее соединении с божественной. Такое понимание мы можем встретить в песнопениях на праздник Преображения Господня.

Кроме двух основных толкований существуют и другие. Так, например, святитель Кирилл Александрийский [см. 38, кн. 1, с. 187] видит здесь изображение израильского народа, внешним образом воспринявшего закон и не воспринявшего его теплоты и света.

5.3. Возвращение Моисея в Египет

После Богоявления на горе Хорив Моисей возвращается в Египет, взяв с собой свою жену Сепфору и двух сыновей (Исх. 4: 18–20). По дороге Господь хочет умертвить Моисея, но Господь милует его, после того как его жена совершает над сыном обрезание (Исх. 4: 24–26). Возможно, это был младший сын, обрезать которого прежде не давала Сепфора, так как мадианитяне обрезывали детей в 13 лет [см. 69, т. 1, с. 287–288].

Преподобный Исидор Пелусиот говорит о том, что, поскольку Мои сей должен был стать законодателем Израиля, в его семье не должны нарушаться установления, бывшие прежде него. Этим самым показывается, что прежде всего он должен быть строг к себе и к своему семейству [см. 35, ч. 1, с. 61–62]. Предшественник преподобного Исидора и его учитель святитель Иоанн Златоуст говорит другое. Он говорит, что этим показывается то, что не должно было семейству – жене и детям Моисея – отправляться в Египет, поскольку он идет туда не жить, а для того, чтобы вывести народ из той земли. О том, что Мои сей действительно отослал жену, говорит тот факт, что впоследствии, когда Моисей уже вышел с израильтянами из Египта, ему навстречу вышел тесть вместе с его женой [см. 29, т. 6, кн. 1, с. 621]. На этом примере видно, что в таком вопросе непринципиального, недогматического характера между двумя святыми отцами – причем один из которых был учеником другого, – возможно разногласие. Заметим при этом, что разногласие не означает противоречия, одно толкование не исключает другого, а дополняет, раскрывая глубину смысла толкуемого отрывка.

5.4. Казни египетские. Исход из Египта, установление праздника Пасхи

Придя в Египет и убедив соплеменников в своем посланничестве, Моисей вместе с Аароном предстал перед фараоном (Исх. 5). Но фараон ожесточает свое сердце и не хочет отпустить израильтян в пустыню. Сначала ему даются те знамения, которые удостоверяли полномочия Моисея: жезл, который превращается в змея, и рука, покрытая проказой. Затем Господь поражает Египет десятью казнями: превращение воды в кровь, жабы, мошки, песьи мухи, гибель скота, язва на людях и скоте, град, саранча, тьма, гибель первенцев (Исх. 8–12). Фараон в какие-то моменты даже готов отпустить израильтян, но несогласен с радикальным требованием Моисея отпустить всех, с женами, детьми и со всем имуществом. В результате расставание происходит после самой страшной десятой казни, когда погибли все первенцы египетские (Исх. 12: 29) и страна погрузилась в траур.

Современные комментаторы нередко пытаются объяснить египетские казни естественными причинами, показывая, как одно событие становилось причиной последующего. Однако следует заметить, что это были знамения для фараона. Если все эти события легко могут быть объяснены причинами естественными, то на фараона они не произвели бы впечатления. Ясно, что в них была видна всемогущая десница Божия. Также следует заметить, что чудо вовсе не всегда требует какого-то существенного нарушения так называемых законов природы. Часто вполне достаточно лишь изменения привычного или ожидаемого порядка вещей, но такого, через которое дается некоторое знамение или откровение духовного мира.

В чем же вина фараона, если Бог, как сказано, *«ожесточил сердце»* его (Исх. 10: 1)? Ведь фараон получается в данном случае просто игрушкой в руках Божиих? Это не совсем так. Одно и то же действие Божие по-разному на разных людях сказывается, в зависимости от их собственного расположения. Содействие Бога израильтянам служит для них укреплением веры, а для фараона – источником все более и более жестокого сопротивления (ср. Исх. 7: 13, 14, 23 – *«сердце фараона ожесточилось»*; 8: 15, 32; 9: 35). «Дело не в том, что противодействие было вложено в душу фараона по божественной воле, но в том, что он по собственному выбору вследствие склонности к пороку не принял доводов, смягчающих это противодействие» [16, с. 45]. Чем более Бог являет Свои чудеса и содействует израильтянам, тем более ожесточается фараон. Точно так же как в евангельской истории, мы видим: чем более Господь Иисус Христос являет Свое мессианское достоинство и Свое Божество, тем более яростно ополчаются на Него противники. Блаженный Феодорит добавляет, что десять казней наведены на Египет не только из-за упорства фараона, но как наказание за упорное идолопоклонство [см. 73, с. 82–86].

Особенно показательной в этом смысле является девятая казнь: тьма. Объясняя смысл этого знамения, святитель Григорий Нисский говорит следующее: «...не по принуждению свыше получается так, что один человек оказывается во мраке, а другой на свету; но мы, люди, по природе и собственному выбору имеем сами в себе источник света или тьмы, в зависимости от того, к чему мы хотим прийти. И в повествовании не говорится, что солнечные лучи были затенены и скрыты от глаз египтян какой-то стеной или горой. Солнце испускало лучи для всех в равной степени, но евреи наслаждались светом, а египтяне оставались нечувствительны к его благодати. Точно так же всем открыта возможность жизни во свете, но одни люди блуждают во тьме, гонимы своими дурными склонностями во мрак порока, а другие просвещаются светом добродетели» [16, с. 46]. Здесь прослеживается прямая связь с тем, что сказано Господом в беседе с Никодимом (Ин. 3).

Для избавления от десятой казни, в отличие от всех прочих, от израильтян требуется особое действие. По повелению Божию они заклуют агнца и помазывают его кровью косяки дверей (Исх. 12: 21, 22). Затем они должны были этого агнца, запекши на огне, съесть всей

семьей так, чтобы ничего не оставалось до утра. Вкушать его они должны были, одевшись и стоя, чтобы сразу после этого отправиться в путь. В связи со скорым уходом они не могли сделать квасных хлебов и ели в пути опресноки (Исх. 12: 39).

А египтяне, которые не были ограждены кровью агнцев, вынуждены были оплакивать своих погибших первенцев (Исх. 12: 30). В Псалтыри уточняется, что Господь «*поразил первенцев Египта от человека до скота*» (Пс. 134: 8). Перед выходом евреи должны были одолжить у соседей золотые украшения, восстановив тем самым справедливость – компенсировав свой тяжелый труд на египтян. Однако поскольку так справедливость не восстанавливается, очевидно, что здесь сокрыт и духовный смысл. «Тем, кто переходит к свободной и добродетельной жизни, таким образом предписывается запастись богатствами языческой образованности, которой украшаются чуждые вере люди. <...> Они пригодятся позже, когда понадобится украсить храм Божиего таинства словесным убранством», – пишет свт. Григорий Нисский [16, с. 54].

Праздник, установленный в честь выхода евреев из Египта, был назван Пасхой («Песах»), что означает «прошел мимо», в воспоминание о том, как Господь миновал израильтян, когда поражал египтян (Исх. 12: 27). Бог заповедовал израильтянам ежегодно его совершать в 14-й день первого месяца. Ветхозаветная Пасха была прообразом Пасхи Новозаветной, пасхальный агнец – прообразом Христа, Кровь Которого избавляет нас от смерти.

5.5. Переход через Красное (Чермное) море

Оставив Египет, весь израильский народ исходит в пустыню. Опомнившись, фараон отправляется в погоню и почти настигает беглецов. Тогда «*двинулся Ангел Божий, шедший пред станом [сынов] Израилевых, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их и стал позади их; и вошел в средину между станом Египетским и между станом [сынов] Израилевых, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизились одни с другими во всю ночь*» (Исх. 14: 19–20). Израильтяне идут не кратчайшей дорогой в Палестину, а на юг, в сторону Красного моря. Этому две причины: во-первых, в Древнем Египте граница хорошо охранялась и всякий человек, который ее пересекал, должен был пройти массу формальных процедур: объяснить кто он, откуда, куда и зачем следует, и получить соответствующее разрешение. Кроме того, эта граница была достаточно прочно укреплена, потому что именно с этого направления шли обычно нашествия с севера, с Междуречья и со стороны Малой Азии. Конечно, для Бога это не препятствие. Но Он желал, несомненно, явить чудо такое, которое бы не забылось уже никогда. И этим чудом является как раз спасение израильтян в отчаянных обстоятельствах, а именно переход их через Красное море.

С этим переходом у современных комментаторов возникают затруднения, потому что непонятно, как так получилось, что вода расступилась и люди прошли по суше? Выдвигаются разные толкования, что это было не море, а болото или, может быть, озеро, где воды было по колено, так что можно было бы пройти пешком. А египетские колесницы просто увязли в грязи. И когда израильтяне смогли убежать и вышли на ту сторону, они поняли, что это чудо и от радости стали петь, что прошли по дну моря (Исх. 15). Эта версия отражена в большинстве современных библейских атласов – маршрут Исхода огибают Красное море с севера, не пересекая его.

Разве сотворить небо и землю проще, чем раздвинуть море? Но даже если перейти в область чисто психологическую, то можно сказать следующее. Вряд ли такое событие, как хождение по колено в болоте, могло произвести столь сильное впечатление на этот народ, который постоянно затем восставал на Бога и Моисея, что осталось в его памяти как переход через море. Неужели они могли при этом так серьезно относиться к собственной выдумке? А ведь этот переход стал одним из центральных фактов национального самосознания евреев. Сам Бог часто

на него ссылается, говоря: «*Я Бог, Который вывел тебя из Египта*» (Исх. 20: 2). Очевидно, что это чудо было настолько поразительным, что оспаривать его не представлялось никакой возможности.

5.6. Пророческий смысл Исхода

После того как израильтяне перешли Чермное море, Моисей и затем Мариам на берегу воспевают Господу хвалебную песнь: «*Поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море: помощник и покровитель бысть мне во спасение: сей мой Бог и прослаблю Его, Бог отца моего и вознесу Его...*» (Исх. 15: 1–21). Песнь эта составляет собой основу первой песни канона на утрени⁸. Мессианский ее смысл выясняется при рассмотрении пророческого смысла воспетого в ней события.

Предание говорит, что Моисей, простирая жезл на море, изобразил им крест: «Крест начертан Моисей впрямо жезлом, Чермное море пресече Израилю пешеходящу, той же обратно фараоновым колесницам ударив совокупи, вопреки написав непобедимое оружие» [Воздвижение честнаго Креста, утра. Канон Креста, песнь 1, ирмос // Минея, 14 сентября].

Исход евреев из Египта – первый этап путешествия в землю обетованную. Эта земля не есть самоцель, и наследование ее не есть конечная цель ветхозаветной истории. Земля обетованная есть образ Царствия Небесного. Покой и благополучие, которые должны были получить израильтяне в этой земле, – образ покоя и блаженства, которые обретут люди, приобщившись этого Царства. Несомненно, что переход через *Чермное море*, как первый этап путешествия, есть образ крещения, которое после обретения веры необходимо для спасения.

Апостол Павел пишет в Послании к коринфянам: «*Не хочу же вас не водити, братие, яко отцы наши вси под облаком быша, и вси сквозе море проидоша: и вси в Моисея крестившася во облаце и в мори*» (1 Кор. 10: 1–2). Святитель Феофан Затворник в толковании на Послание к коринфянам со ссылкой на толкование блаженного Феодорита говорит так: «“Бывшее с ними есть образ совершающегося у нас: ибо море уподоблялось купели, облако – благодати Духа, Моисей – иерею, жезл – кресту, прешедший море Израиль – крещаемым, а преследующие египтяне представляли собой образ демонов, сам же фараон служил изображением дьявола” (блж. Феодорит). Как в Моисея крестились? Не собственно в Моисея, но в Того, Кого он прообразовал. <...> Креститься в кого-то значит дать обязательство быть чьим-то, принадлежать ему вседушно. Хотя об израильтянах сказано, что в переходе через Чермное море они поверили Моисею, рабу Божию (Исх. 14: 31), но основа уверенности не в нем, а в Боге, явившем через него такое заступление. Поэтому и крещение израильтян в облаке и в море было через него в Бога и в Господа» [77, с. 350–351].

Египетское рабство символизирует греховную, страстную жизнь. Аскетический аспект Исхода раскрывает святитель Григорий Нисский: «Здесь повествование учит, что перешедшие через воду не должны по выходе из нее брать с собою ничего из вражеского войска. Ведь если враг выберется оттуда вместе с израильтянином, то и после перехода через воду останется у него в рабстве, так как выпустил тирана живым и не потопил его в морской пучине. Если мы раскроем смысл этого образа, то поймем, что все, перешедшие таинственную воду крещения, должны утопить в ней злое воинство: жадность, невоздержание, похоть, помышление о грабеже, страсть тщеславия и высокомерия, яростные чувства, гнев, негодование и прочие подобные им, следующие обычно за нашей природой, – сами эти страсти, а также лукавые помышления и их последствия. То же самое мы видим и в таинстве Пасхи. Закон повелевает есть с пасхой пресный хлеб, – то есть такой, в котором не может примешаться старая закваска, и

⁸ Библейские песни канона на утрени, общим числом 10, имеют мессианский характер и содержат пророчества о спасении во Христе. Из книг Ветхого Завета взяты 8 песней. Две – Песнь Богородицы и песнь Захарии, отца Иоанна Предтечи, – заимствованы из Евангелия.

дает нам таким образом понять, что никакой остаток греха не должен примешиваться к новой жизни. Последующую жизнь нужно начать заново, обращаясь к добру, и отсекая тем самым привычку следовать порокам» [16, с. 56].

У нас нет возможности рассматривать все многообразие толкований на Исход. Отметим только, что это событие прообразовало и Рождество Христово. Для примера приведу Богородичен догматик 5-го гласа: «В Чермнем мори Неискусобрачныя Невесты образ написася иногда: тамо Моисей, разделитель воды: zde же Гавриил, служитель чудесе. Тогда глубину шествова немокренно Израиль: ныне же Христа роди безсеменно Дева. Море по прошествии Израилеве пребысть непроходно: Непорочная по Рождестве Эммануилеве пребысть Нетленна. Сый, и прежде Сый, явлейся яко Человек, Боже, помилуй нас».

5.7. Исход как усыновление Богу

«Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего» (Ос. 11: 1). Почему Израиль назван здесь сыном?

Выведа из Египта народ Израильский, Бог спасает его от гибели. Выше мы выяснили, что это спасение было залогом и прообразом начала спасения человечества во Христе. Это спасение Бог совершает, усыновляя себе Израиль. *«И говорил Я: как поставлю тебя в число детей и дам тебе возделенную землю, прекраснейшее наследие множества народов? И сказал: ты будешь называть Меня отцом твоим и не отступишь от Меня»* (Иер. 3: 19). В этой связи смерть первенцев египетских приобретает особый смысл. *«И скажи фараону: так говорит Господь: Израиль [есть] сын Мой, первенец Мой; Я говорю тебе: отпусти сына Моего, чтобы он совершил Мне служение; а если не отпустишь его, то вот, Я убью сына твоего, первенца твоего»* (Исх. 4: 22–23). Книга Премудрости Соломона комментирует это событие так: *«И не верившие ничему ради чародейства, при погублении первенцев, признали, что этот народ есть сын Божий»* (Прем. 18: 13).

Святой апостол Павел учит, что мы спасены Богом через усыновление во Иисусе Христе, Сыне Божием (Рим. 8: 15; Гал. 4: 5; Еф. 1: 5). При этом связь усыновления с Исходом как прообразом крещения совершенно очевидна, поскольку именно в крещении мы соединяемся со Христом (ср. 1 Кор. 10: 2).

5.8. Чудеса на пути до горы Синай

Воды Мерры. Путь по пустыне от Чермного моря до горы Синай сопровождался рядом чудесных событий. Через три дня пути по пустыне Сур израильтяне пришли в Мерру (Исх. 15: 23). Здесь был источник горькой воды, которую Моисей превращает в сладкую, бросив в нее древо, указанное Богом. Это древо прообразует Крест, которым горечь жизни, поработанной греху, обращается в сладость радости Царства Небесного.

Двигаясь дальше, израильтяне пришли в Елим, где поставили стан при двенадцати источниках и семидесяти пальмах (Исх. 15: 27).

Перепела и манна. Во время странствия по пустыне Син начали оскудевать запасы пищи, народ возроптал, но был утешен тем, что налетело большое количество перепелов, опустившихся прямо в стане. Сразу после этого Господь дал в пищу израильтянам манну, выпавшую поутру как роса и которой они с тех пор питались до самого вступления в землю обетованную. «Манна» в переводе с еврейского «что это?». В самом названии нет никакого объяснения тому, что же это была за пища. В разных местах Священного Писания мы встречаем упоминание о манне. О ней говорится, что вкус ее был как у лепешек с медом (Исх. 16: 31) и как у лепешек с елеем (Чис. 11: 8). В другом месте читаем, что в устах каждого она давала тот вкус, которого ему в тот момент хотелось. В Псалтири о ней сказано, что *«хлеб ангельский ел*

человек» (Пс. 77: 25). Святыми отцами это толкуется в двух смыслах. Во-первых, манна – хлеб ангельский, поскольку преподавался он посредством ангелов; во-вторых, поскольку, вкушая манну, израильтяне получали еще и некоторое духовное укрепление от ангелов. Манна также, несомненно, была прообразом таинства Евхаристии, о чем Сам Господь говорил иудеям, указывая на манну как на прообраз того истинного Хлеба Небесного, которым Он Сам является (Ин. 6: 31–51).

Найти исчерпывающее естественное объяснение этому чуду (если такое желание возникнет), по-видимому, не представляется возможным, потому что у манны было такое свойство, что если ее собиралось слишком мало, то всем хватало, если собирали много, то не было в ней избытка. При попытке сделать запасы она вскипела червями. Накануне же субботы собирали двойное количество, и не портилась, и в субботы не выпадала (Исх. 16: 18–27).

Законодатель отметил, что сыны Израилевы ели манну сорок лет, доколе не пришли к пределам земли Ханаанской (Исх. 16: 35).

Вода из скалы. Следующие чудеса произошли в Рефидиме. Первое – это изведение воды из скалы, когда Моисей по повелению Божьему ударил жезлом своим в скалу и из нее пошла вода (Исх. 17: 6). Здесь следует продолжить уже приводившуюся цитату из Послания к коринфянам: *«и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос»* (1 Кор. 10: 3–4). *«Из духовного последующего камня»* – то есть камня, который за ними следует. Святитель Иоанн Златоуст, объясняя мысль св. апостола Павла, говорит, что *«хотя это было чувственно [то есть манна и вода, чудесным образом произведенная из скалы], однако подавалось духовно, не по законам природы, а по благодати. <...> Не камень по естеству своему источал воду... но все это сделал некоторый другой, духовный камень, то есть Христос, Который постоянно сопутствовал им и творил все чудеса и поэтому говорит последующего. Видишь ли мудрость Павла, как он объясняет, что Христос есть податель и того и другого, и таким образом сближает прообраз с истиною?»* [см. 77, с. 352]. Святитель Григорий Нисский говорит об этом так: *«...ибо тот, кто оставил в воде мертвого египтянина [страсти], познал сладость древа и понежился в апостольских источниках, отдыхая под тенью пальм [в Еламе], способен отныне принять и Бога. Ибо скала, как говорит апостол, – это Христос (1 Кор. 10: 4), недоступный и твердый для неверующих. Но если кто-то приносит жезл веры, то Он становится водой для жаждущих и входит внутрь принимающих Его. Как Он говорит: Я и Отец Мой – “Мы придем к нему и обитель у него сотворим” (Ин. 14: 23)»* [16, с. 59]. Здесь указывается на то, что именно вера является возможностью приобщиться к духовным дарованиям, которые изобильно из Бога изливаются. Жезл Аарона есть жезл веры. И некоторое подтверждение этому мы увидим тогда, когда узнаем, как согрешили Моисей и Аарон, в результате чего они не смогли войти в землю обетованную.

Битва с амаликитянами. Следующее чудо – это поражение амаликитян, которые пришли и воевали с израильтянами. Иисус Навин, ученик Моисея, руководил битвой, а Моисей в это время молился на вершине холма. Причем было замечено, что когда Моисей молится, воздевая руки, то побеждают израильтяне, когда Моисей ослабевает, то израильтяне начинают проигрывать (Исх. 17: 11). Тогда встали по сторонам его Ор и Аарон, которые и поддерживали его руки таким же образом, каким впоследствии были распростерты руки Христа во время распятия.

Важной символической чертой является и то, что победу одерживает Иисус, а не Моисей, чем показывается немощь закона. *«Ибо закон, данный как образ и тень грядущего (Евр. 8: 5), уже неспособен вести истинные сражения, в которых командует теперь Исполнитель закона и Преемник Моисея, – и Имя Его предвозвещено в имени тогдашнего полководца»* [16, с. 62].

Перед приходом на Синай по совету своего тестя Иофора, Моисей дает Израилю новое административное устройство. До этого он сам решал все проблемы, сам судил все споры, и поэтому народ с утра до вечера стоял, ожидая, когда сможет к нему попасть (Исх. 18: 14).

Иофор, придя, увидел это и сказал, что нельзя так мучить себя и народ, что необходимо поставить десятников, пятидесятников, сотников и тысячников, которые бы решали все мелкие вопросы. И только самые важные дела должен был решать Моисей.

5.9. Заключение завета и его смысл

Конечным пунктом первой части путешествия была гора Синай, возле которой через пятьдесят дней после Пасхи был заключен завет.

Народ расположился станом у горы, а *«Моисей взошел к Богу [на гору], и воззвал к нему Господь с горы, говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым: вы видели, что Я сделал Египтянам, и как Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях, и принес вас к Себе; итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым. И пришел Моисей и созвал старейшин народа и предложил им все сии слова, которые заповедал ему Господь. И весь народ отвечал единогласно, говоря: все, что сказал Господь, исполним. И донес Моисей слова народа Господу»* (Исх. 19: 3–8). Как видим, Моисей выступает в роли посредника.

В течение трех дней народ готовится к получению откровения. И в день, который был пятидесятым с момента выхода из Египта, Господь в громе, молнии, дыме и трубном звуке *«сошел на гору»* и возвестил Моисею и народу слова Закона, которые начинались десятью заповедями – Декалогом.

Сразу отметим, что завет заключается в пустыне, на «ничьей» земле. И таким образом, можно сказать, что этот завет имеет характер не местный, но всемирный, относящийся ко всему человечеству.

О том, что такое завет, мы уже говорили. Давайте посмотрим, в чем особенность завета Синайского.

Структура завета, как замечено современными исследователями [см. 45, с. 135–136], формально имеет довольно большое сходство с обычными или, как сейчас говорят, типовыми договорами между повелителем (сюзереном) и подданным (вассалом), известными во втором тысячелетии до Рождества Христова. Немало таких договоров было найдено в текстах хеттов в архиве Богазкей [см. 45, с. 136]. В них есть ряд стандартных разделов: сначала – преамбула, где определяется, кто вступает в договор, приводятся титулы. Здесь Господь говорит: *«Я Господь, Бог твой»* (Исх. 20: 2). Далее обычно исторический пролог, где указывается история предыдущих отношений вассала со своим господином и оказанные ему благодеяния, которые должны лечь в основу последующих взаимоотношений – *«Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской»* (Исх. 20: 2). Затем оговариваются условия договора: первое, и самое главное условие – условие твердой верности союзу. Затем частные условия, которые регулируют те или иные стороны взаимоотношения. В данном случае это в первую очередь Декалог и потом множество различных заповедей. Особым пунктом предусматривалось, что текст договора должен храниться в храме, как это было и с законом Моисеевым, который хранился в скинии, и что этот договор регулярно должен оглашаться вслух всему народу, что указано в книге Второзаконие (Втор. 31: 10–13). И, наконец, проклятия и благословения соответственно за нарушение и исполнение договора. Они также содержатся в книге Второзаконие. Затем предполагалась формальная клятва или процедура вступления в договорные отношения. Единственно, чего Синайский завет в себе не содержит – это перечисления тех богов, которые будут поручителями этого договора. Причина вполне понятна. Какие идолы могут быть поручителями при Боге Творце?

Таким образом, формальная сторона дела представляется достаточно очевидной. Однако мы уже имели возможность убедиться в отличии понятия завета от договора. Это отличие остается в силе и здесь.

«Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову; посему знай, что не за праведность твою Господь, Бог твой, даст тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный» (Втор. 9: 5–6).

Соблюдение закона не есть способ получения от Бога различных благ. Это очевидно из того, что завет предлагается уже после того, как Бог вывел Израиль из Египта, спас от фараона; они получили в пустыне пищу и воду, победили амаликитян. И притом от них ничего не требовалось взамен. Это показывает, что на самом деле ничего Господь не требует в качестве неперемennого условия для подачи милостей, Он их дает даром. Но Господь хочет быть среди них, желает водить народом. Но чтобы Господь мог пребывать среди них, они должны стремиться к святости и к чистоте. Поэтому не Бог «привязывает» Себя к народу израильскому, как это нередко впоследствии им казалось, а «привязывает» их к Себе. Спасение израильского народа от духовной гибели – вот главная цель закона.

Господь говорит: вы *«будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым»* (Исх. 19: 5–6). Итак, они становятся уделом Божиим среди всех народов, потому что Господь Сам их избирает и желает именно в своем уделе произрастить плод спасения. Затем они должны быть *царством священников*. Как священники были выделены для особого служения внутри самого этого народа, точно так же и сам этот народ выделяется из числа прочих на особое служение. Через них должно освятиться человечество. И еще они должны быть народом святым, для того чтобы быть способными слушать Богу. *«Святые будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш»* (Лев. 19: 2). Здесь начало пути к евангельской заповеди. Еще не указана мера, но названа причина.

5.10. Утверждение завета

Сначала весь народ слышит голос Божий, идущий с горы, а потом в страхе предлагает Моисею взять на себя функцию посредника, чтобы Моисей возвещал им слова Божии. И Моисей действительно становится таким посредником: он возвещает слова, которые Бог ему говорит, народу, и народ отвечает: *«все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны»* (Исх. 24: 3). В обличительной евангельской притче о двух сыновьях (Мф. 21: 28–31) первый из них сказал *«пойду»* и не пошел. Под этим первым сыном подразумевается народ израильский. Вот этот момент при горе Синай, когда они все дружно решают: *«все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны»* (Исх. 24: 3).

Устроив у подножия горы жертвенник, Моисей совершает жертвоприношение и, окропив половиной крови жертвенник, другой половиной окропляет народ (Исх. 24: 6–8). *«Первый [завет] был утвержден не без крови»* (Евр. 9: 18), – замечает апостол Павел. Эта жертвенная кровь была прообразом крови Христовой, на которой утвержден Новый Завет.

5.11. Золотой телец

После заключения завета Моисей снова взошел на гору, где ему было дано откровение о скинии (Исх. 25–31). Но пребывание на горе было прервано, и первые каменные скрижали с заповедями были разбиты Моисеем, когда израильтяне в его отсутствие устроили себе тельца и стали ему поклоняться, стали петь и играть вокруг него. Возникает вопрос: почему буквально через несколько дней, после того как пообещали, что *«все, что сказал Господь, сделаем и будем*

послушны», почему после всех чудес понадобилось соорудить какого-то тельца, нарушая тем самым вторую заповедь.

Можно дать здесь некоторое психологическое объяснение [см. 42, с. 121–122]. Это был момент наибольшего благоприятствования, момент, когда кажется, что Бог максимально расположен к людям, и возникает соблазн: нельзя ли сделать что-нибудь такое, чтобы эту ситуацию зафиксировать, чтобы Бог случайно как-то не переменял Своего поведения. Но и понятно, что можно попробовать как-то этого Бога отлить в виде идола, начать приносить Ему жертвы, чтобы Он никуда не убежал и ничего не стал делать непопозволенного.

Это может показаться странным, но тем не менее такое нередко происходило, хотя и не всегда это делалось в виде золотого тельца, а чаще, уже в современном мире, это происходит в виде того, что творится некоторый мысленный идол, которому человек с удовольствием поклоняется. Жить с ним в чем-то даже очень удобно. В наши дни этот идол обычно носит название «Бог в душе». Я думаю, вы неоднократно с этим сталкивались. Ничего не нужно, главное – иметь бога в душе; у меня в душе бог есть, и мне поэтому хорошо и удобно. А правильнее было бы сказать – в кармане. Почему это удобно? Потому что он там тихо сидит, не мешает; я его могу позвать, когда надо, иногда сказать: «помолчи, пожалуйста». Удобно? Того же самого удобства, вполне возможно, искали израильтяне, когда сооружали себе золотого тельца и говорили: *«вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской»* (Исх. 32: 8). Можно быть уверенными, что такой бог не будет пугать их неожиданностями. Он не родится от Девы, не явится где-то в Галилее, не будет сидеть за столом с грешниками, не пойдет на Крест. Все будет чинно. Он будет стоять, мы будем хороводы вокруг него водить, и жить нам будет удобно и хорошо.

Возникает вопрос о том, почему Аарон принял участие в этом мероприятии? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Некоторые толкователи порицают Аарона, другие находят ему извинения. Преподобный Ефрем Сирийский, в толкованиях которого приводится много древних преданий, обращает внимание на следующее: начиная с этой истории мы больше нигде не встречаем упоминание об Оре. Он объясняет это тем, что когда Ор попытался воспротивиться этому сооружению, он был убит, и Аарон, не желая последовать его участи, согласился на требование народа [см. 22, т. 6, с. 373]. Сам Моисей свидетельствует: *«и на Аарона весьма прогневался Господь [и хотел] погубить его; но я молился и за Аарона в то время»* (Втор. 9: 20). Блаженный Феодорит Кирский защищает Аарона: «Исследовав дело, найдем, что Аарон не совершенно лишен извинения. Когда брат его сорок дней пребыл на вершине горы, народ пришел в неистовство и стремился возвратиться в Египет. Аарон пытался сначала обуздать стремление их словом. Поелику же увидел их непокорными, то испросил у них золотые вещи, против одной страсти восставляя другую, любовь к нарядам и любостыжательность – против безумного суеверия. Но и сия хитрость не угасила их неистовства. Посему принужден был сделать тельца» [73, с. 110].

Почему израильтяне изобразили Бога именно в виде тельца? Это был довольно распространенный у семитов способ изображения божества, символизировавший его могущество. В Египте тоже почитали священного тельца – бога Аписа. Поэтому здесь никакого изобретательства не было, избран был традиционный образ. Именно в виде золотых тельцов изобразил Бога впоследствии царь Иеровоам, установив их в Вефиле и Дане (3 Цар. 12: 28, 29).

Господь повелел Моисею отойти от этого народа, ибо он будет уничтожен, а от Моисея будет произведен новый народ, *«который будет сильнее и многочисленней их»* (Втор. 9: 14). То есть Моисей мог уподобиться Нюю и Аврааму. Моисей стал умолять Господа: *«отврати пламенный гнев Твой и отмени погубление народа Твоего»* (Исх. 32: 12), – что его известным образом характеризует. Он полон любви, необычной для своего времени, – такой любви, с какой апостол Павел говорит: *«я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих... Израильтян»* (Рим. 9: 3).

Однако поклонение евреям тельцу не осталось ненаказанным. Моисей говорит: «*кто Господень, [иди] ко мне!*» (Исх. 32: 26), – и к нему собираются левиты, которые убивают идолопоклонников в стане (до трех тысяч человек). В этот момент меняется судьба колена Левия. Хотя Иаков лишил Левия благословения, левиты своей преданностью Богу смогли исправить положение (в отличие от потомков Симеона) и стали коленом священнослужителей. Их колону вверялось хранение сложных обрядов жертвоприношения и знание законов, которые были даны у Синая.

5.12. Синайское богоявление

Моисей, получив такие возвышенные откровения, начинает просить: «*итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих*» (Исх. 33: 13). «*[Моисей] сказал: покажи мне славу Твою. И сказал [Господь]: Я проведу пред тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею. И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых. И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале; когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду; и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо*» (Исх. 33: 18–23). В церковнославянском тексте «*...и тогда узриши задняя Моя: лице же Мое не явится тебе*» (Исх. 33: 23). Этот текст противоречит нашим представлениям о Боге: руки, лицо, сзади – что это? Как это понимать в приложении к Богу? Буквальное прочтение этого отрывка совершенно для нас невозможно. Но для нас возможно духовное понимание. Где и каким образом может человек встретиться с Богом? В какой скале?

Образ камня нам уже встречался и в истории Иакова, и в истории странствия по пустыне. Святитель Григорий Нисский говорит, что именно Христос есть то «место», где происходит встреча человека с Богом. Христос есть Тот, через Кого открывается Бог человеку [см. 16, с. 86–87]. Евангелие от Иоанна говорит нам о том, что «*Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил*» (Ин. 1: 18). Современный греческий богослов митрополит Иерофей (Влахос) в духе святоотеческой традиции пишет, что «ветхозаветные откровения Бога являлись откровениями Второго Лица Святой Троицы – бесплотного Бога Слова. Поскольку же явление Слова не происходит независимо от Святого Духа, то бесплотное Слово являл пророкам именно Святой Дух. Через Него открывалось и совершение грядущих таинств» [24, с. 367].

В своем труде «Против ересей» (IV.20.9) святой Иринеи Лионский пишет: «И Само Слово являлось и говорило с Моисеем, *“как говорит человек с другом своим”* (Исх. 33: 11). Но Моисей желал ясно видеть говорившего с ним, и ему было сказано: *“стань на этой скале. Когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду. И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо (тебе)”* (Исх. 33: 21–23) *“потому что человек не может увидеть Меня, и остаться в живых”* (Исх. 33: 20). Здесь указывается и то, и другое: и что человеку невозможно видеть Бога, и что по премудрости Божией человек в последние времена увидит Его на высоте скалы, то есть по пришествии Его как человека. И поэтому Он лицом к лицу беседовал с ним на высоте горы в присутствии также Илии, как повествует Евангелие (Мф. 17: 3), и, наконец, исполнил древнее обещание» [34, с. 374].

Неслучайно на Фаворе при Преображении два боговидца, Моисей и Илия, свидетельствовали Христу о том, что Он и есть Тот самый Бог, Который являлся им на Синае и Хориве.

Христос говорил, что желающие быть его учениками должны следовать за Ним. А раз так, то и видеть Его как бы сзади. О чем здесь и идет речь. Тот, кого ведет Бог, не может видеть

лица Ведущего [ср. 16, с. 88]. Хотя в другом месте Господь говорит, что не было и не будет такого пророка в Израиле, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу (Втор. 34: 10). Здесь в разных смыслах используется этот образ.

Необходимо сказать, что в святоотеческих толкованиях (классический образец – свт. Григорий Нисский, «О жизни Моисея законодателя») жизнь Моисея рассматривается не только в историческом плане, но и как образ восхождения души по пути совершенства, восхождения человека к Богу. Обратите внимание, где происходят важнейшие библейские события. Ковчег Ноя пристает к горе; Исаак приносится в жертву на горе; Моисей получает заповеди на горе, Бог ему открывается на горе; Илия-пророк восходит на гору Хорив, где ему открывается Бог; состязание со жрецами Ваала тоже происходит на горе. Также и в новозаветной истории – Преображение, Нагорная проповедь, Крест, Вознесение. Духовный смысл этого обстоятельства таков. Гора есть образ духовного восхождения, когда, отрешаясь от всего земного, душа получает возможность приблизиться к Богу. Вокруг горы Синай была проведена черта, дальше которой было запрещено находиться и людям и скоту. Если какая-нибудь корова или овца через эту черту по направлению к горе переступит, то она должна была быть убита (Исх. 19: 12–13). Этим изображаются плотские и земные помышления и страсти, которые не могут приближаться туда, где пребывает Бог.

5.13. О явлении ангелов

На Синае Господь обещает Моисею послать с ними ангела, чтобы он вел их по пустыне. Здесь самое время сделать несколько замечаний о явлениях ангелов, описанных в Пятикнижии. Мы обращали уже внимание на то, как странно иногда реагировали праведники на явление ангелов. Скажем, когда является ангел в пустыне Агари, изгнанной Сарой, та потом говорит: *«ты Бог, видящий меня»* (Быт. 16: 13). Является ангел Иакову во сне, и Иаков говорит женам: *«Ангел Божий сказал мне во сне: Я Бог, являвшийся тебе в Вефиле»* (Быт. 31: 11, 13). Затем, во время Исхода говорится, что *«ангел Божий шел впереди в виде столпа огненного и позади в виде столпа облачного»*. А потом: *«и воззрел Бог на стан Египтян из столпа огненного и облачного»* (Исх. 14: 24). Примеры можно умножать.

Происходит странная замена: *«явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста»* (Исх. 3: 2) – *«и воззвал к нему Бог из среды куста»* (Исх. 3: 4).

Наиболее ярким в этом отношении в Пятикнижии является эпизод, на котором мы остановились. Господь говорит: *«Вот, Я посылаю перед тобою Ангела [Моего] хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил [тебе]; блюди себя пред лицом Его и слушай гласа Его; не упорствуй против Него, потому что Он не простит греха вашего, ибо имя Мое в Нем»* (Исх. 23: 20–21). Что это за Ангел, Который может прощать грехи, Который водительствова­вал ими, и творил чудеса, и спасал их от гибели во время путешествия в пустыне, и ввел их в землю Ханаанскую?

Здесь речь идет об откровении Ветхого Завета о Христе, Сыне Божиим, потому что именно Христос в наибольшей степени есть Ангел – посланник, вестник Божий, вестник избавления человека от осуждения и смерти. Так блаженный Феодорит в комментарии на видение Иакова говорит: *«Должно заметить, что явившегося назвав выше ангелом, теперь показывает, что Он и Бог, потому что Сам говорит: *Аз есмь Бог явивыйся тебе* на пути. Видел же он ангелов, восходящих и нисходящих по лестнице, а Господа – утверждавшегося вверху ее. Его-то наименовал здесь и ангелом, и Богом: Богом – по естеству, ангелом же – да знаем, что явившийся не Отец, но Единородный Сын. Ибо чьим ангелом будет Отец? Сын же – и Бог, и Великого Совета Ангел, потому что возвестил нам тайны Отца. Ибо говорит: *яже слышах от отца Моего, сказах вам»* (Ин. 15, 15)» [73, с. 64].*

5.14. Скиния и ее принадлежности

«Когда разум Моисея был очищен этими законами, он был возведен к еще более высокой степени посвящения в таинства, когда Божественная сила явила ему сразу всю скинию (Исх. 25–27)... А чтобы красота и точное устройство всего увиденного не ускользнуло бы из памяти и он мог бы показать это чудо оставшимся внизу людям, Моисею был дан совет не ограничиваться простым описанием, а воспроизвести нематериальное творение в материальном сооружении, используя самые яркие и великолепные материалы, какие только можно найти на земле» [16, с. 23].

Господь так и говорит: построй скинию *«по тому образцу, какой показан тебе на горе»* (Исх. 25: 40). Скиния – это палатка, походный храм. Технически она представляла собой двор размером примерно 50 на 25 метров, огороженный столбами и обтянутый тканью. Во дворе стоял жертвенник и умывальник. Жертвенник, на котором приносились жертвоприношения, имел квадратную форму, был сделан из акаций (дерево ситтим) и обит медью (Исх. 27: 1–8). В глубине двора находились два крытых помещения: святилище, в котором стоял золотой алтарь кадилыйный, семисвечник и стол с хлебами предложения, и Святая Святых (около пяти метров во всех измерениях), где находился ковчег Завета с херувимами на крышке. Святая Святых покрывали льняными, шерстяными и кожаными завесами.

Каков смысл этого сооружения? Скиния – образ Боговоплощения. «Нерукотворная по своей природе, эта скиния становится тварной, когда ей нужно быть воздвигнутой посреди нас. <...> Это и есть Единородный Бог, объемлющий Собою вселенную, но и среди нас устроивший Свою скинию» [16, с. 69]. Когда евангелист Иоанн говорит: *«И Слово плоть бысть и вселися в ны»* (Ин. 1: 14), это «вселися в ны» может быть истолковано как «поставил Свой шатер посреди нас».

Скиния стояла посреди стана Израильского. Если вы прочитаете внимательно его описание, то увидите, что израильтяне располагались так, что их стан в плане представлял собою крест, и в центре этого креста находилась скиния (Числ. 2). Скиния была символом пребывания Бога среди народа израильского, ее осеняло облако и наполняла слава Господня (Исх. 40: 35). В каноне на Воздвижение (песнь 4, тропарь 3) говорится: «Священнии ополчаются четверочастнии людие, предходяще образом свидетельства скинии, крестообразными чинми прославляеми».

Устройство скинии, разные ее детали и цвета тканей прообразовали Тело Христово, свидетельствовали, что это пребывание осуществится через Воплощение. Но Тело Христово есть и Церковь. Явление Бога в скинии пророчески изображает устройство Богом Церкви, через которую Он явил на земле Свое грядущее Царство. Этот же образ присутствует в пророческих видениях Апокалипсиса. *«И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их»* (Откр. 21: 3).

Иногда устройство скинии толкуется как пророчество о Божией Матери, в Которую вселился Бог Слово. Существуют два обычных апостольских зачала на Богородичные праздники: первое – это Послание к филиппийцам (2: 5–11) о первенстве и самоуничижении Христовом, второе – Послание к евреям (9: 1–7), в котором как раз и говорится о скинии. Во-первых, потому что скиния прообразовала Саму Божию Матерь, во-вторых, потому что Богородица послужила делу Боговоплощения, которое пророческим образом изображалось этой скинией.

5.15. Освящение скинии

Повествование книги Исход заканчивается описанием освящения скинии. Устроив все по повелению Божию, в первый день первого месяца (то есть через год после выхода из Египта) Моисей освятил скинию, помазав ее и все принадлежности елеем. Были также посвящены и помазаны на служение Аарон и его сыновья.

«И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию; и не мог Моисей войти в скинию собрания, потому что осеняло ее облако, и слава Господня наполняла скинию. Когда поднималось облако от скинии, тогда отправлялись в путь сыны Израилевы во все путешествие свое; если же не поднималось облако, то и они не отправлялись в путь, доколе оно не поднималось, ибо облако Господне стояло над скиниею днем, и огонь был ночью в ней пред глазами всего дома Израилева во все путешествие их» (Исх. 40: 34–38).

Явление Бога в скинии пророчески изображает устройство Богом Церкви, через которую Он явит на земле Свое грядущее Царство.

Во избежание путаницы нужно напомнить, что прежде сооружения этой скинии была еще «скиния собрания» вне стана (Исх. 33: 7–11). Она существовала от времени поклонения тельцу до устройства постоянной скинии. В ней Бог говорил с Моисеем, но не было богослужения. Служителем при этой скинии был Иисус Навин.

Глава 6. Левит

Книга Левит, более чем любая другая книга Священного Писания, представляет собой сборник правил и установлений. В ней всего два кратких повествовательных эпизода (Лев. 10: 1–6; 24: 10–23). Прежде чем говорить об этих установлениях, нужно сказать, что в нашей современной жизни мы их не исполняем и практическая ценность ее для нас равна нулю. Возникает вопрос, нужна ли нам эта книга? Иногда можно услышать такой ответ: «Интересно, как жили древние евреи, какие у них были традиции, обычаи». Интересно конечно же, но стоит ли на это тратить свое драгоценное время? Какое это к нам имеет отношение?

К нам это имеет отношение самое прямое в связи с тем символическим и прообразовательным значением, которое скрыто во всех установлениях этой книги. Во-первых, несомненно, что святость, к которой призваны были члены израильского общества, есть то же самое, к чему призваны мы с вами. Во-вторых, во всех установлениях этой книги содержится указание на Иисуса Христа как на первосвященника Нового Завета, на жертву, которой Он очистил нас от греха. Поскольку Христос есть содержание всей нашей жизни, есть Тот, Кого мы любим больше всего, то естественно, что все указывающее на Того, Кто нами любим, к Кому мы более всего стремимся, должно быть для нас ценным. В этой связи для нас необычайно дороги и ценны указания книги Левит, какими бы они странными на первый взгляд ни казались.

6.1. Постановления о жертвах

Весь строй ветхозаветных жертв, начиная с жертвы пасхальной, совершенной при Исходе, и кончая хлебным приношением, несомненно, указывает на жертву Христову, благодаря которой люди действительно получили очищение, искупление и прощение всех своих грехов. Неслучайно, когда Иоанн Предтеча на Иордане говорит своим ученикам: «*се Агнец Божий, взявляй грехи мира*» (Ин. 1: 29), то по крайней мере некоторые из них поняли, о чем идет речь, хотя сам этот образ без ветхозаветных своих оснований непонятен. Для неподготовленного слушателя логичнее было бы услышать: слон или бык, который берет на себя грехи мира, потому что чем крупнее животное, тем больше, наверное, может грехов понести. А для слушателей святого Иоанна Предтечи, воспитанных на Священном Писании, образ агнца совершенно понятен, как и то, каким образом он может взять на себя грехи мира.

Каковы же разновидности ветхозаветных жертв? Основных ветхозаветных жертв было пять: это *жертва всесожжения* (1-я гл.), которая приносилась ежедневно (утром и вечером), – так она называлась потому, что после заклания все животное целиком, кроме шкуры, сжигалось на жертвеннике.

Жертва мирная (3-я гл.), которая имела характер праздничного торжества, благодарения.

Жертва за грех (4-я гл.) приносилась за грехи, совершенные против заповедей Господних по слабости и неведению. В жертву приносились разные животные, чем выше был по своему положению человек, тем крупнее жертва. Если это был священник или князь народный, то от него требовался телец, а если это был простой человек, то достаточно было овцы, или козла, или в самых крайних случаях, по бедности, пары голубей или горлиц.

Жертва повинности (6-я гл.), которая приносилась за грехи сознательные. Как правило, грехи, которые искупались этой жертвой, были против ближнего. Обычно кроме жертвы для искупления их требовалось и возмещение ущерба потерпевшим.

Бескровная или хлебная жертва (2-я гл.), которая приносилась в виде мучной похлебки или в виде пресных лепешек. Часть хлебов сжигалась, а часть шла в пользу священников и

должна была потребляться в скинии. В основном она сопровождала другие жертвы, в первую очередь мирную, но в некоторых случаях могла приноситься как самостоятельная. Хлебное приношение полагалось приносить в праздники (Лев. 23: 37). Оно приносилось священниками при помазании (Лев. 6: 20), сопровождало жертвы по случаю очищения от проказы (Лев. 14: 10, 20). Таким образом, можно заключить, что основной характер хлебной жертвы – благодарственный.

Вообще, кроме случая жертвы всесожжения, обычно только часть жертвы сжигалась на огне, а другая шла в пользу священников (если только приносилась не от самих священников) или часть шла в пользу священников, а часть съедалась теми, кто приносил эти жертвы, на соответствующих трапезах, в зависимости от вида жертв.

В жертву предназначалось только пять пород животных: тельцы, овцы, козы, голуби и горлицы, причем все эти животные должны были быть без телесных недостатков. Тот человек, который приносил жертву, если это была частная жертва, обычно сам должен был привести животное из тех, что он имел, причем оно должно было быть самым лучшим. Священник возлагал его руки на голову этой жертвы, и человек исповедовал свои грехи, после чего человек должен был сам заклать эту жертву – зарезать это животное, и уже после этого священник разделял ее должным образом и определял каждую часть на то, что полагалось. Кровь жертв, как правило, выливалась к подножию жертвенника.

Можете себе представить, что собою представляло ветхозаветное богослужение. Потоки крови, дым от сжигаемых частей туш. Конечно, для человека, живущего в то время, зарезать овцу проблемы не составляло, тем не менее привести самое лучшее, что он вырастил своими руками, и заклать это в жертву самостоятельно, все-таки, я думаю, было связано с нравственными переживаниями. Прежде всего жертвоприношение показывает то, что плод греха есть смерть, и происходит некоторое самоотжествление грешника с той жертвой, смерть которой следует вслед за его грехом.

Жертвы являются откровением любви Божией к грешнику и ненависти ко греху. Грешник остается жив, а погибает жертва. И полное откровение этой любви есть жертва Христова, когда за грехи многих Сам Бог Себя по человечеству приносит в жертву.

При этом, по мнению преподобного Исидора Пелусиота, «закон или посредством жертв, или посредством милостынь, или посредством очищений давал отпущение грехов только мнимых, а не действительных. Ибо за грехи непростительные он наказывал смертью и впадающих в оные повелевал всячески истреблять» [35, ч. 2–3, с. 451].

Духовный и пророческий смысл ветхозаветных постановлений о жертвах подробным образом раскрыт в трудах таких толкователей, как святитель Кирилл Александрийский, преподобный Ефрем Сирий, блаженный Феодорит Кирский и др. Некоторые из их толкований приведены в Приложениях.

6.2. Постановления о священстве

Все израильские священники были из потомков Аарона (Исх. 28, 29). Первосвященником должен был быть старший, это служение передавалось по наследству, и первосвященники не должны были сменяться, хотя Писание приводит пример того, как царь смещает первосвященника (3 Цар. 2: 26). В эпоху же эллинского и римского владычества такая практика становится постоянной.

Главной функцией священников было совершение жертвоприношений, также священники должны были учить народ Закону, данному через Моисея (Лев. 10: 11). Вместе с судьями они принимали участие в судопроизводстве (Втор. 17: 9).

Для служения священники облачались в специальные одежды. Особым великолепием отличалось облачение первосвященника, хотя с точки зрения принесения жертв его служение отличалось только в День Очищения, когда он приносил жертву для очищения всего народа.

От священников требовалась особая чистота и святость жизни, и не только от них самих, но и от членов их семей. Например, к дочерям священников за блудные грехи применялась гораздо более строгая кара, чем к простым девушкам-израильтянкам (см. Лев. 21: 9). Закон запрещал священнику жениться на разведенной женщине (Лев. 21: 7). Священник не должен был приступать к служению в нетрезвом виде, чтобы он случайно не перепутал чистого и нечистого и не совершил чего-нибудь не должным образом (Лев. 10: 9–10).

На содержание священников, как и всех левитов, определялась десятина со всех израильтян. Кроме того, им предназначалась часть приносимых людьми жертв по разным частным случаям.

Ветхозаветным священникам полагалось различать проказу и свидетельствовать о прохождении проказы (Лев. 13, 14), причем говорится о некой таинственной проказе на домах (Лев. 14: 33–53), которой никакого объяснения нет, кроме того, что, по-видимому, это было некое сверхъестественное знамение, которое являлось только на домах израильтян. Никакого естественного объяснения этому явлению, как оно описывается в Писании, пока что не найдено.

Ветхозаветные законы о проказе блаженный Феодорит объяснял так: «Телесными страданиями [Писание] указывает на болезни душевные и, говоря о болезнях произвольных, обвиняет за произвольные. Ибо если естественные болезни кажутся нечистыми, тем паче нечисты болезни нравственные. Говорит же и о различиях проказы, потому что есть разность и в грехах. Есть начало проказы, потому что есть и начало греха. Но как проказу различает иерей, так ему же надобно быть судьей и душевных грехов. Прокажением же называет пестроту цвета на коже; так порок, войдя в душу, делает ее прокаженною» [73, с. 125].

Особым делом священника было вопрошание воли Божией через урим и туммим, которые возлагались на наперник судный (Исх. 28: 30). Так, об Иисусе Навине сказано, что он *«будет обращаться к Елеазару священнику и спрашивать его о решении, посредством урима пред Господом; и по его слову должны выходить, и по его слову должны входить он и все сыны Израилевы»* (Числ. 27: 21). Так поступали израильтяне во времена судей (Суд. 1: 1–2; 20: 27–28), Саул (1 Цар. 14: 36–37, 2 Цар. 5: 19), Давид (1 Цар. 23: 9–12). После времени Давида этот способ вопрошания Господа не упоминается. Что такое урим и туммим, нам неизвестно, как неизвестно и то, как именно отвечал Господь. Из Писания следует, что ответы давались не только как «да» и «нет», но и развернутыми предложениями. Иногда Господь не отвечал, из чего следует, что это не было аналогом распространенного у язычников гадания.

6.3. Об уделах левитов

Говоря о ветхозаветном священстве, хочется отметить, что в Священном Писании не менее 10 раз встречается указание на то, что левиты не должны иметь своего собственного земельного надела. С чем это связано? Некогда патриарх Иаков, благословляя сыновей, предрек Симеону и Левию: *«Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их. В совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщи́тся слава моя. Ибо они во гневе своем убили мужа... Проклят гнев их, ибо жесток... разделю их в Иакове и рассею их в Израиле»* (Быт. 49: 5–7). Здесь речь может идти как о разделении и рассеянии территориальном, так и о разделении нравственном. Однако судьба этих двух колен различна.

Когда евреи совершают поклонение золотому тельцу, то на возглас Моисея: *«кто Господень, [иди] ко мне!»* (Исх. 32: 26) – к нему приходят именно левиты. Далее, когда израильтяне начинают блудодействовать в степях моавитских, то левит Финеес поражает израильтянина

(Зимри, сын Салу), который открыто привел к себе в шатер мадианитянку. Этим израильтянином оказывается не кто иной, как начальник колена Симеонова (Числ. 25: 6–15). В переписях, которые есть в книге Чисел, мы видим, что народ израильский исчисляется сначала перед выходом от Синая (Числ. 1) и затем перед вступлением в землю обетованную (Числ. 26). Последняя перепись показала, что левитов стало больше, а численность колена Симеонова существенно сократилась (с 59 300 до 22 200 человек) и оно стало самым малочисленным. Когда израильтяне поделили между собой землю, то колено Симеоново оказалось рассеяно на территории колена Иудина. В Книге Иисуса Навина (Нав. 19: 1–9) указаны не границы удела Симеона, а только предназначенные им города. В масоретском тексте книги Второзаконие в благословении, которое дает Моисей коленам Израильским, Симеон даже не упоминается (см. Втор. 33).

О колоне Левиним блаженный Феодорит говорит, что «колоне Левиним рассеяно по причине высокой чести, чтобы в каждом колоне жили левиты и жрецы, и все приобретали от них пользу» [73, с. 73]. Левитам было отведено 48 городов, в том числе 6 городов-убежищ. В книге Чисел читаем: *«И сказал Господь Аарону: в земле их не будешь иметь удела, и части не будет тебе между ними; Я часть твоя и удел твой среди сынов Израилевых»* (Числ. 18: 20).

Дальше Господь говорит: «десятину сынов Израилевых, которую они приносят в возношение Господу, Я отдаю левитам в удел, потому и сказал Я им: между сынами Израилевыми они не получают удела» (Числ. 18: 24), – для обеспечения жизни левитов дается десятина, чтобы они могли служить спокойно при скинии, не занимаясь попечениями житейскими. «Я – часть твоя и удел твой», и поэтому десятину, которая приносится Богу, Бог отдает на пропитание левитам.

В книге Второзаконие сказано несколько раз: *«потому нет левиту части и удела с братьями его: Сам Господь есть удел его, как говорил ему Господь, Бог твой»* (Втор. 10: 9; 14: 27, 29). Более того, даже в Книге пророка Иезекииля, когда пророк описывает видение нового Иерусалима и Святой Земли и расселение колен Израиля вокруг этого нового храма, Бог говорит: *«А что до удела их, то Я их удел. И владения не давайте им в Израиле: Я их владение»* (Иез. 44: 28).

После того как левиты доказали, что они Господни (Исх. 32: 26), Моисею было приказано сделать следующее, – напомним, что всякий первенец должен был быть посвящен Господу, чтобы служить при скинии (Исх. 13: 1–2; 11–15), – всех первенцев израилевых заменить для службы при скинии левитами (Числ. 3: 45). После переписи было обнаружено, что первенцев в Израиле больше, чем левитов, тогда за оставшихся первенцев был внесен выкуп Аарону и сынам его (Числ. 3: 46–51).

Левиты должны были стать особым выделенным родом среди народа израильского. И то, что их уделом является не Святая Земля, а Сам Бог, – является пророчеством о Новом Завете, в котором действительно уже реально открывается то, что уделом христиан, их сокровищем и достоянием является не какая-то земля или государство, но Сам Бог: *«Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего»* (Евр. 13: 14). То есть нашим новым градом и новым жительством является Церковь, которая есть Христос.

6.4. Постановления о праздниках

Кроме законов о жертвах и постановлений о священстве книга Левит повествует о праздниках Господних (23-я гл.). Название «праздник» свидетельствует о том, что в эти дни не полагалось делать никакой работы, но посвящать их делам благочестия – молитве, жертвоприношениям и положенным обрядам, чтению Закона.

Пасха. Пасха – это событие, связанное с Исходом, преддверие Пасхи новозаветной, воскресения Христова. Здесь можно отметить мысль, что в результате Божьего посещения поги-

бают первенцы египетские, потому что они не Божии, а первенцы израильские, благодаря помазанию кровью, благодаря тому, что они Божии, как раз при посещении Божиим остаются живы именно потому, что они посвящены Богу, и Господь сохраняет то, что человек Ему посвятил (Исх. 13: 2, 11–16). То, что отдано человеком Богу, в результате к самому человеку возвращается, – в данном случае жизнь этих первенцев, которые посвящены Богу, она Им возвращается, и она Им сохраняется через помазание. Я думаю, что о Пасхе много говорить нет нужды: ее образы вполне нам понятны.

Правила празднования Пасхи установлены при исходе евреев из Египта (Исх. 12: 1–27; 13: 5–10), затем некоторые уточнения относительно порядка жертвоприношений даются в книге Левит (23: 4–8). На Пасху полагалось вкушать агнца, который запекался целиком и кость которого не должна сокрушаться (Исх. 12: 10), что прообразует страдание Спасителя. Преподобный Исидор Пелусиот говорит: «Евреи ели мясо агнца, печенное огнем, прообразовательно представляя таким вкушением великое таинство Божественного домостроительства и предварительно познавая Тело Агнца, Который неизреченно соединил в Себе огонь Божественной сущности с плотью, ныне нами вкушаемую и дарующую нам оставление грехов» [35, ч. 1, с. 101].

Пасху следовало вкушать с горькими травами в воспоминание плена языческого и с пресными хлебами в воспоминание бегства. Ничего квасного не должно было оставаться. Это было связано с тем, что когда евреи покидали Египет, то не было времени заквашивать тесто, поэтому тесто было изготовлено из того, что было, то есть пресное, на скорую руку, а символически это означало, что закваска, как остатки старой выпечки, изображала собой некоторое гниение – наследие греха и порока. Кстати, всякая жертва обязательно должна была посыпаться солью (Лев. 2: 13) – соль в данном случае как предотвращающая гниение была символом твердости и вечности, а также любви, без которой жертва не имеет цены [см. 22, т. 6, с. 387]. Опресноки знаменуют чистоту: ничто греховное и порочное не может войти в Царство Небесное.

С праздником Пасхи был связан другой праздник, а именно **праздник Снопов** – начатков урожая (Лев. 23: 10–14). Никто не должен был есть от нового урожая, прежде чем первый сноп жатвы священник вознесет пред Господом (Лев. 23: 14) в знамение того, что Христос есть начаток умерших, и до Христа никто не мог войти в Его небесную скинию, не мог приблизиться к Богу. Если, согласно евангелисту Иоанну, Великая Суббота была днем иудейской Пасхи, то следующий день (воскресенье) – это день принесения начатков урожая. Таким образом, это установление указывало на Христа как на начаток воскресения из мертвых (ср. Кол. 1: 18) [см. 38, кн. 1, с. 712; 22, т. 6, с. 388].

Пятидесятница. Через 50 дней после Пасхи отмечался праздник Пятидесятницы. В этот день вспоминалось дарование закона на Синае. В этот день, помимо основных жертв, приносились в жертву пред Богом два кислых хлеба и два хлеба квасных. Смысл этой закваски совсем другой, чем в дни опресноков. Святитель Кирилл Александрийский говорит, что это «не закваска порочности и неправды, о которой говорилось на Пасху, а славная и полезная сила божественного евангельского наставления», и вспоминает слова Спасителя, который говорил: *«Царствие Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все»* (Мф. 13: 33), – закваска, приносимая в праздник Пятидесятницы, есть уже прообраз той закваски Царствия Небесного, которую принес Христос, ибо, по слову святителя Кирилла, «входя в ум и сердце, животворное действие евангельского наставления преобразует душу, тело и дух как бы в свое собственное качество» [38, кн. 1, с. 715]. Мы понимаем это как указание на схождение Святого Духа в день Пятидесятницы. Этот праздник ветхозаветной Пятидесятницы был прообразом новозаветной Пятидесятницы, когда действием Святого Духа действительно было освящено новое человечество, написан новый закон на «скрижалях сердца» (Иер. 31: 33), началось распространение Царствия Божия среди людей. Два хлеба Пятидесятницы изображают два закона.

Праздник Труб. Закон предписывает совершать праздник Труб в первый день седьмого месяца года (Лев. 23: 24) – это время конца уборки урожая, приближения зимы. Это праздник, который в гражданском году был первым, – праздник новолетия. В этот праздник полагалось благодарить Бога за все полученные благодеяния. И эти трубы, в которые трубили в конце года, означали собой те, при звуке которых во Втором пришествии явится Сам Господь Иисус Христос. О том, что такая символика вполне получает свое подтверждение, свидетельствуют следующие два праздничных события, которые должны были праздноваться через десять и через пятнадцать дней после праздника Труб. Символически же этот праздник указывал на то, что каждый прежде конца должен собрать сокровища в сокровищницу небесную.

День Очищения. В 10-й день того же месяца тисри, через 10 дней после праздника Труб, праздновался день Очищения (Лев. 16; 23: 27–32). Исторически этот день был установлен после того, как два старших сына Аарона, Надав и Авиуд, внесли чуждый огонь во святилище (Лев. 10: 1–7) и были попалены. После этого было установлено ежегодно совершать день Очищения, когда приносилась жертва за весь народ и кровь этой жертвы священник вносил единственный раз в год во Святая Святых, где семикратно кропил ею на крышку ковчега (Лев. 16: 14–19).

Кроме того, в этот день полагалось приносить в жертву двух козлов, один из которых закалался, а другой был изгоняем в пустыню (Лев. 16: 7–10; 21–22), и преподобный Ефрем Сирийский говорит о том, что «один козел, то есть господень, служил знаком крепости Божией, а другой – отсылаем был к правде Божией, которая в пустыне предала смерти многие тысячи. Поскольку обоих козлов приводил Аарон и одного закалал, а другого отпускал к Азазелу, то козел закалаемый означал Христа, за нас закланного, а другой козел изображал того же Христа по Его распятию и смерти, когда Он, взяв на Себя грехи многих, исшел живым и бессмертным» [22, т. 6, с. 395].

Этот день был днем строгого поста и покаяния, по-другому он назывался «день Судный» и образом символизировал Страшный Суд [см. 38, ч. 1, с. 718].

Праздник Кущей. В 15-й день седьмого месяца начинался праздник Кущей. Куша – это палатка, шалаш или шатер. Во время этого праздника, на протяжении восьми дней, евреи должны были жить в кушах, украшенных цветами и ветвями деревьев. В первый и в восьмой день праздника предписывался полный покой и особые торжественные собрания, сугубые жертвоприношения (Лев. 23: 39–43). Этот праздник должен был напоминать евреям жизнь в шатрах, когда их отцы странствовали в пустыне (Лев. 23: 43), а прообразовательно установка куц символизирует восстановление тел человеческих, их всеобщее воскресение при Втором пришествии Сына Божия [см. 38, ч. 1, с. 722]. Первый день покоя символизировал радость пребывания первозданного Адама в раю. Восьмой день покоя символизировал покой и радость праведников в Царствии Небесном – тех самых праведников, которые собрали себе добрые сокровища на небесах и которые были оправданы в День Судный. В законе сказано, что в этот праздник нужно было веселиться пред Господом семь дней (Лев. 23: 40), что является указанием грядущей радости и веселья в Царствии Небесном.

Суббота. В книге Левит суббота названа первой в череде праздничных дней (Лев. 23: 2–3). Суббота была освящена Самим Богом, и в Декалоге заповедано помнить этот день. В субботу не полагалось делать какого-либо дела (Исх. 20: 10, 11). Как говорит святитель Иоанн Златоуст, запрет на делание в субботу был на самом деле запрет делания дел греховных и злых, но поскольку ветхим людям если разрешить что-то одно, то они разрешат себе и все остальное, то приходилось запрещать полностью всякое действие. Поэтому требование субботнего покоя не распространяется на человека, обновленного благодатью, поскольку сам он естественным образом все время стремится к доброму и уклоняется от всякого злого дела [см. 29, т. 7, с. 425]. Нужно здесь заметить, что суббота была особенностью израильтян, так как, не имея какой-то особой святой и освященной земли, предназначенной для поклонения Богу (особенно это

актуально было в период странствия и впоследствии в плену Вавилонском), они всегда имели особое освященное Богом время, в которое они должны были совершать Ему поклонение.

Субботние и юбилейные годы. Субботний год – каждый седьмой год, в который полагалось давать покой земле, не обрабатывать ее, а Бог обещал шестой год благословить, и он принесет урожай на три года (Лев. 25: 21), чтобы хватало на субботний год и на год после него, когда земля будет только засеиваться. Кроме того, в этот год полагалось отпускать рабов из евреев.

Относительно рабов, кстати сказать, установления были такие, что раб из иноплеменников мог пребывать на положении раба в доме навсегда и переходить в качестве наследства от отца к сыновьям, только эти рабы должны быть тем не менее все равно обрезаны. А вот если вдруг какой-то обедневший еврей продавал сам себя в рабство, он не должен был эксплуатироваться как раб, но должен был жить на правах наемника в доме, поскольку он был единоплеменником. В год же субботний он должен был отпускаться на волю и возвращаться в свой удел.

Юбилейным годом назывался каждый седьмой субботний год, то есть 50-й год после 49-летнего цикла (Лев. 25: 11), и в юбилейный год помимо обычных установлений года субботнего должно было совершаться возвращение всех купленных земель в тот род, которому они принадлежали (Лев. 25: 13). И если раб, отпущенный на свободу, не всегда мог этой свободой воспользоваться, не имея постоянных средств к своему существованию (временное пособие полагалось при выходе из рабства), то в год юбилейный он вполне мог уже получить себе условия для обеспечения именно благодаря этим землям. И в этой связи в законе предусматривается, что стоимость земли должна быть оценена в зависимости от того, сколько времени осталось до юбилейного года, через какое время она должна быть возвращена в то колено, которому принадлежит, и сколько урожая успеет реально с нее собрать человек, который вступает во временное пользование ею. Разделение земли между коленами, между родами должно было сохраняться таким незыблемым, поддерживая условие для некоего социального равновесия внутри этого общества. Кроме того, эти субботние и юбилейные годы должны были быть постоянным напоминанием израильтянам о Промысле Божиим, о милости Божией, которая никогда не оставляет, в связи с теми большими урожаями, которые накануне должны были они получать. В субботний год полагалось публичное и всенародное чтение Закона.

6.5. Понятие святости

В книге Левит читаем: *«Святые будьте, ибо свят Я, Господь Бог ваш»* (Лев. 19: 2). Что такое святость? Употребленное здесь слово «святой» в древнем мире означало «выделенный» или «отделенный». Соответственно святым считалось то, что выделено из обычного употребления для ритуальных или культовых целей: какой-то участок земли, здание, предмет. Такое понятие святости никак не было сопоставлено с требованиями нравственности. В частности, храмовые блудницы или человеческие жертвоприношения тоже назывались этим словом (ср. 3 Цар. 15: 12, Ос. 4: 14), потому что являлись частью культа [см. 45, с. 143].

Особенность Ветхозаветного Откровения заключается в том, что святость человеческая прямо взаимосвязана со святостью Божией. Слово Божие показывает, что Бог, будучи абсолютным Духом, Творцом вселенной, отделен от всей твари и чужд всякого греха, имеет полноту нравственного совершенства. Всякая святость человеческая является откликом и приобщением к святости Божией. В библейском контексте слово «святой» приобретает новое значение нравственного совершенства.

Но мы увидим в дальнейшем при изучении Священного Писания, что такое понятие святости, хотя оно было уже заложено в самом законе Моисеевом, совсем не сразу было усвоено израильтянами. Потребовались еще огромные усилия и труды пророков, великие потрясения в жизни народа, для того чтобы стала понятна связь внешних заповедей, десятин, жертвоприно-

шений и т. п. с требованием нравственной чистоты, правды и совершенства. Эта проблема остается актуальной для каждого человека и до наших дней. Неслучайно в Евангелии мы видим, как Христос неустанно напоминал об этом своим слушателям.

Глава 7. Числа. История сорокалетнего странствования Израиля по пустыне

Стоянка у Синая продолжалась около года (Числ. 1: 1). Затем Моисей и Аарон совершили перепись всех израильтян по коленам (Числ. 1: 2–47) и отпраздновали Пасху (Числ. 9). После этого израильтяне двинулись в путь. Господь сказал Моисею: «ты веди этот народ в землю обетованную, а Я не пойду с вами, потому что это народ жестоковыйный, и вы все можете погибнуть, если Я пойду с вами» (Исх. 33: 1–17), – однако Моисей умолил Бога, чтобы Он предводительствовал народом.

История этого путешествия описана в книге Чисел. Она охватывает события, начиная от приготовления к путешествию у горы Синай и заканчивая выходом израильтян на исходный рубеж захвата, то есть в степи моавитские в Заиорданье (Числ. 26: 3). Это путешествие подтвердило слова Господа, что народ, которым предводительствовал Моисей, есть народ жестоковыйный. Множество разных искушений пришлось претерпеть Моисею от израильтян в пустыне. Сначала израильтяне направились в Палестину наиболее прямым и естественным путем, продвигаясь в нее с юга между Средиземным и Мертвым морем.

7.1. Чудо насыщения народа перепелами

В пути сначала иноплеменники, а потом и сами израильтяне стали роптать, говоря, что уже не могут больше есть «эту манну», и подробно вспоминают пищу, которой они питались в Египте: «мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок» (Числ. 11: 5).

Моисей, когда услышал ропот евреев, стал молиться Богу, говоря: «для чего Ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его? откуда мне взять мяса, чтобы дать всему народу сему? ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня; когда Ты так поступаешь со мною, то лучше умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими, чтобы мне не видеть бедствия моего» (Числ. 11: 11–15). Эта молитва напоминает нам молитву Иова, молитву пророка Иеремии, служение которых тоже было исполнено постоянной скорби. Она отчасти позволяет нам уразуметь, какой подвиг несли эти праведники. Чтобы облегчить бремя Моисея, Господь поставляет 70 старейшин, на которых сходит Дух Святой (Числ. 11: 24, 25), чтобы они помогли Моисею управлять народом.

Затем Господь говорит Моисею, что народ будет есть мясо, и не один день: «И сказал Моисей: 600 тысяч пеших в народе сем, среди которого я нахожусь, а Ты говоришь: Я дам им мяса, и будут есть целый месяц. Заколоть ли всех овец и волов, чтоб им было довольно или вся рыба морская соберется, чтобы удовлетворить их? И сказал Господь Моисею: Разве рука Господня коротка? ныне ты увидишь, сбудется ли слово Мое к тебе или нет» (Числ. 11: 21–23). Господь посылает евреям целую гору перепелов («на два почти локтя от земли»), так что, объевшись, они начинают умирать (Числ. 11: 33). В память об этом событии место стало называться «гробы похотения» (Числ. 11: 34) (чем показывается отличие от похожего события, бывшего в начале странствия).

Эта история очень напоминает евангельское чудо насыщения пяти тысяч (Мк. 6: 30–44). Согласитесь, что диалог между Моисеем и Господом очень напоминает тот, который произошел между Христом и апостолами, когда они выясняли, где же взять столько хлеба, чтобы накормить такое множество. Это сходство подтверждает значение названного евангельского

чуда как мессианского знамения, потому что оно нас отсылает к тому чуду, которое совершил Господь во времена Моисея. Причем апостолам отводится роль, аналогичная роли Моисея. Значит, тем самым Христос указывает на Свое божественное достоинство.

7.2. Упреки Аарона и Мариам

Еще одно искушение постигло Моисея от самых близких ему людей – сестры Мариам и брата Аарона, которые упрекали его за жену-эфиоплянку (по другому возможному прочтению – из племени Хуш, которое свт. Филарет Московский в своих записках на книгу Исход отождествляет с Мадиамом) (Числ. 12: 1). В этой же связи сказано: *«Моисей же был кротчайший из всех людей на Земле»* (Числ. 12: 3). И на его защиту, в облаке у входа скинии, явился Господь и сказал: *«слушайте слова Мои: если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем, – он верен во всем дому Моем: устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит; как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея?»* (Числ. 12: 6–8). Гнев Господень воспламенился на них, и Мариам была поражена проказой (Числ. 12: 10). Только молитвой Моисея была она исцелена (Числ. 12: 13–15).

7.3. Отказ от вступления в землю обетованную

Вначале сыны Израилевы подошли к земле ханаанской с юга и отправили 12 соглядатаев на разведку. Вернувшись и принеся плоды этой земли (большую виноградную гроздь), они стали говорить, что земля эта сильно укреплена и живут в ней исполины, так что мы перед ними как стая саранчи (Числ. 13: 34), и Господь привел нас сюда, чтобы погубить, чтобы все мы погибли, сражаясь с этими великанами. Только двое из посланцев, Иисус Навин и Халев, говорили, что Господь отдаст нам эту землю во владение (Числ. 14: 6–9). Народ послушал их и решил, что нужно побить камнями Моисея и Аарона: *«И роптали на Моисея и Аарона все сыны Израилевы, и все общество сказало им: О, если бы мы умерли в земле Египетской, или бы умерли в пустыне сей! И для чего Господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? Жены наши и дети наши достанутся в добычу [врагам]; не лучше ли нам возвратиться в Египет? И сказали друг другу: поставим себе начальника и возвратимся в Египет»* (Числ. 14: 2–4).

Господь сказал Моисею, что намерен немедленно истребить народ и сделать Моисея родоначальником нового (уже во второй раз за время путешествия). Но Моисей молился и говорил: *«если Ты истребишь народ сей, как одного человека, то народы, которые слышали славу Твою, скажут: Господь не мог ввести народ сей в землю, которую Он с клятвою обещал ему, а потому и погубил его в пустыне... Прости грех народу сему по великой милости Твоей, как Ты прощал народ сей от Египта доселе»* (Числ. 14: 15, 16, 19).

Господь простил евреев по слову Моисея. Однако по числу сорока дней, в которые соглядатаи осматривали землю, народ израильский сорок лет будет странствовать по пустыне, и никто, кроме Иисуса и Халева, не увидит земли обетованной. Таким образом должно было исполниться их неразумное пожелание умереть в пустыне.

Как и следовало ожидать, израильтяне огорчились и объявили Моисею, что они передумали, и уже по собственному почину пошли на завоевание земли. Как говорит нам Писание, Моисей не ходил с ними и пребывал в стане (Числ. 14: 44). Почему? Потому что раскаяние было уже запоздалым, и их поход закончился великим поражением и бегством, так что хананеи гнали их обратно до самого стана.

7.4. Восстание Корея, Дафана и Авирона

Далее Законодатель повествует о восстании Корея (левита, сына Каафова), Дафана и Авирона, которых поддержали 250 человек (Числ. 16: 1–35). Каково было содержание их претензий? *«И собрались против Моисея и Аарона, и сказали им: Полно вам, все общество, все святые, и среди их Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?»* (Числ. 16: 3).

В чем здесь дело? Если в патриархальные времена глава семьи был для своего рода священником и приносил жертвы, то со времен Моисея (если быть точным – со времени поклонения золотому тельцу) для служения в скинии были избраны одни левиты, а совершение жертвоприношений было отдано только дому Аарона. Все остальное сообщество было, таким образом, исключено из активного принесения жертв, что и послужило формальной причиной восстания. Моисей предлагает им сделать себе кадилашницы, положить в них курения и прийти с этим курением к скинии на следующий день. Они так и поступили, за что были поражены огнем. После этого *«сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: отделитесь от общества сего, и Я истреблю их во мгновение. Они же пали на лица свои и сказали: Боже, Боже духов всякой плоти! Один человек согрешил, и Ты гневаешься на все общество? И сказал Господь Моисею, говоря: скажи обществу: отступите со всех сторон от жилища Корея, Дафана и Авирона»* (Числ. 16: 20–24). В результате заступления Моисея погибли только дома зачинщиков мятежа. *«И сказал Моисей: из сего узнаете, что Господь послал меня делать все дела сии, а не по своему произволу [я делаю сие]: если они умрут, как умирают все люди, и постигнет их такое наказание, какое постигает всех людей, то не Господь послал меня; а если Господь сотворит необычайное, и земля разверзет уста свои и поглотит их [и дома их и шатры их] и все, что у них, и они живые сойдут в преисподнюю, то знайте, что люди сии презрели Господа»* (Числ. 16: 28–30). Причем дальше уточняется, что из дома Корея погиб только сам Корей, который единственный из всех из них был левитом, а сыновья его остались живы (Числ. 26: 11). Если вы обращали внимание на надписание псалмов, то там есть несколько псалмов сынов Кореевых. Кроме них погибли и те люди, которые дерзнули прийти с каждением к скинии. Из их кадилашниц была сделана обшивка для жертвенника всесожжения.

По слову преподобного Ефрема Сирина, «Корей и прочие, возмущившиеся против Аарона и желавшие получить его священство, представляют образ первосвященников, возмущившихся против Господа нашего, и, по сказанному в притче о винограднике, восхотевших получить его наследие» [22, т. 6, с. 414].

После гибели Корея, Дафана и Авирона остальной народ стал опять возмущаться против Моисея и Аарона, говоря: *«вы умертвили народ Господень»* (Числ. 16: 41). Вновь возгорелся гнев Божий, и опять началось поражение в стане (Числ. 16: 46). *«И сказал Господь Моисею, говоря: отсторонитесь от общества сего, и Я погублю их во мгновение»* (Числ. 16: 44). Уже в четвертый раз со времени выхода из Египта такие слова говорит Господь Моисею. Как поступили Моисей и Аарон? Они опять пали на лица свои. Здесь мы видим подтверждение слов Писания, что *Моисей был кротчайший из всех людей* (Числ. 12: 3). Что такое кротость? В чем ее проявление? В том, чтобы без гнева терпеливо переносить всякие оскорбления и нападки.

«И сказал Моисей Аарону: возьми кадилашницу и положи в нее огня с жертвенника и всыпь курения, и неси скорее к обществу и заступи их, ибо вышел гнев от Господа, [и] началось поражение. И взял Аарон, как сказал Моисей, и побежал в среду общества, и вот, уже началось поражение в народе. И он положил курения и заступил народ. Стал он между мертвыми и живыми, и поражение прекратилось» (Числ. 16: 46–48). Обратите внимание, как действует Аарон. Он не просто пошел, не будем забывать, что ему уже за восемьдесят, он побежал. Побежал, чтобы встать между живыми и мертвыми и прекратить гибель людей, весьма враждебно по отношению к нему настроенных. Это свидетельство исключительного великодушия Моисея

и Аарона, их высокого нравственного состояния, которое гораздо выше того, что можно требовать от человека, жившего до Христа. Это пример пастырского служения, который являет первосвященник Аарон. Мы видим Моисея и Аарона заступниками и предстоятелями народа, несущими свое служение с величайшим самоотвержением.

7.5. Жезл Ааронов

Господь подтвердил богоизбранность ветхозаветного священства. Когда от всех колен было положено по жезлу перед ковчегом завета, то жезл с именем Аарона, положенный от колена Левия, не просто расцвел, но и принес плоды (Числ. 17: 8). Этот жезл впоследствии хранился в Святой Святынь, и предание говорит, что он никогда не засыхал. Это чудо является пророческим. Преподобный Ефрем Сирийский объясняет его применительно к воскресению: «Жезл Ааронов, который один из всех жезлов прозяб, служит образом достойной почитаемой плоти Еммануиловой, ибо Еммануил, став сыном естества тленных, один пребыл во гробе нетленным, и понесши неповинное страдание, в Себе Самом явил тайну нетления, бесстрастия и бессмертия» [22, т. 6, с. 415]. Также прозябший жезл прообразует Богородицу. Особенно распространено это толкование в богослужебных текстах. Например, в каноне праздника Введения во Храм: «Прозябе иногда жезл Ааронов, прообразующий, чистая, Божественное рождество, яко без семени зачнеши, и нетленна пребудеши, и по рождестве девствующи явишися» (2-й канон, песнь 4, тр. 6).

7.6. Грех Моисея и Аарона

Во время стоянки в Кадесе умирает Мариам (Числ. 20: 1). В народе снова возникает ропот из-за нехватки воды, похожий на тот, что был в начале путешествия. Господь повелевает Моисею и Аарону сказать слово скале на глазах всего народа, и она изведет воду. Однако Моисей – трудно сказать, по какой причине, по недостатку ли веры или по раздражению на народ, – вместо того чтобы буквально исполнить повеление Божие, ударяет жезлом по этой скале, причем ударяет дважды. При этом он произносит укоризненное слово, не имея на то указания от Бога, чего ранее никогда не делал. В результате Господь говорит Моисею и Аарону: «за то, что вы не поверили Мне, чтобы явить святость Мою пред очами сынов Израилевых, не введете вы народа сего в землю, которую Я даю ему» (Числ. 20: 12). Понятно, что и в первый раз отнюдь не силою удара была изведена вода из камня, но милостью Божией. Если Господь сказал, что достаточно будет только слов, то следовало этому поверить. Еще в этой связи хочу обратить ваше внимание на ответственность, которую пророк Божий несет за каждое произнесенное им слово. И нам с вами Господь прямо сказал: «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф. 12: 36).

В том, что Моисей не ввел народ в землю обетованную, конечно, есть и глубокий символический смысл. Какой? Пророк Моисей в первую очередь ассоциируется с Законом и является его символом. В Евангелии имя Моисея тождественно Закону (см. Лк. 16: 29). Но если обетованная земля есть прообраз Царствия Небесного, а Закон не может ввести туда человека, то и Моисей приводит народ только до берега Иордана, где во главе его становится человек по имени Иисус. И уже он вводит израильтян в землю обетованную, что, конечно, является символом того, что Закон и пророки – до Христа, а после этого уже благодатью спасается человек и что закон является детоводителем ко Христу.

«А что и закон называется Моисеем, мы доказали уже это, представив свидетельства Писания. Ибо сказано: *имут Моисея и пророки* (Лк. 16, 29), и: *даже до днесь, внигда чтется Моисей, покрывало на сердце их лежит* (2 Кор. 3, 15). Посему как по истории, когда скончался

Моисей, Иисус ввел народ в Обетованную землю, так по кончине закона явившийся нам Иисус отверз благочестивым людям Небесное Царствие» [73, с. 194].

7.7. Продолжение странствия

Затем рассказывается о том, как израильтяне подошли к земле обетованной. Им пришлось обогнуть землю идумеев (потомков Исава), так как Господь не разрешил с ними сражаться, а они не позволили пройти по их территории. Израильтянам пришлось встретиться и сразиться с теми народами, которые жили вокруг Ханаана: моавитянами, аммонитянами, аморреями (21-я гл.), – и повествуется о тех победах, которые силой Божиею одерживали израильтяне.

В 20-й главе рассказывается о смерти Аарона на горе Ор, и о том, что перед его смертью Моисей снял с него первосвященнические одежды и возложил на сына его Елеазара (Числ. 20: 28).

Следует обратить внимание на одно грозное чудо в силу его важного прообразовательного значения. В наказание за поднявшийся в очередной раз ропот Господь послал на израильтян ядовитых змей. Когда люди со страхом и покаянием обратились к Моисею, он по повелению Божию поставил медное изображение змея на древке. Ужаленный человек, взглянув на этого змея, оставался жив (Числ. 21: 5–9). Объяснение пророческому значению этого чуда дал Сам Господь Иисус Христос: *«И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3: 14–15).

7.8. Пророчество Валаама

Повествование о продвижении израильтян по равнинам Моава содержит историю пророка Валаама (Числ. 22–24). Валаам – известный в Междуречье волхв – был специально вызван Валаком – царем Моавитским, чтобы проклясть Израиль (Числ. 22: 1–6). Четырежды Валаам благословляет израильтян, хотя Валак, царь моавитский, всячески уговаривает его проклясть и говорит, что он нанимал Валаама, чтобы проклинать их, а вместо этого тот благословляет. Благословление Валаама содержит следующее пророчество: *«Вижу Его, но ныне еще нет, зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова, и восстает жезл (то есть символ власти) от Израиля»* (Числ. 24: 17). Эти слова традиционно понимались Церковью как пророчество о происхождении от Иакова Христа, Мессии. Мессианские черты есть и в других благословениях Валаама: *«преклонился, лежит, как лев и как львица, кто поднимет его? Благословляющий тебя благословен, и проклинающий тебя проклят»* (Числ. 24: 9). Вы помните, что образ лежащего льва, которого никто не может поднять, если он этого сам не захочет, мы встречали уже в благословении Иаковом своих сыновей (Быт. 49: 9) и относили этот образ к воскресению Христову.

Однако тем не менее Валаам все-таки оказывает некоторую «услугу» тем, кто его нанимал (Числ. 31: 16). После нескольких побед, израильтяне уже жили в моавитских степях. Для того чтобы ослабить силу народа, Валаам советует моавитянам и мадианитянам послать женщин, чтобы склонить израильтян к блуду. За это Валаама впоследствии постигла гибель (Числ. 31: 8). Совет оказался эффективным. Израиль оказался на краю гибели. Прекращается это несчастье тем, что Финеес, внук Аарона, сын Елеазара, убивает израильтянина Зимри, одного из вождей колена Симеонова, который ввел в шатер свой мадианитянку (Числ. 25: 8).

Можно вспомнить, что мы говорили о благочестии и о различии судеб Симеонова и Левиина колен. Здесь это различие ярко проявилось. Ревность Финееса, которая вылилась в то, что

он убил Зимри и мадианитянку, вменилась ему в подвиг, и Господь дает Финеесу завет мира и обещает ему постоянное пребывание его потомков в священстве (Числ. 25: 12–13).

Перед захватом земли обетованной Моисей делает новое исчисление израильтян, которое показывает, что никого уже не осталось из тех, кто вышел из Египта в возрасте старше 20 лет, кроме Моисея, а также Иисуса и Халева, тех двух соглядатаев, которым Господь обещал, что за их твердость и мужество они увидят землю обетованную. При исчислении колена Симеоново оказалось самым малочисленным.

Некоторое смущение может вызвать строгость определения: не войдут в землю обетованную все, кто вышел из Египта старше двадцати лет. Но мы уже знаем, что такие определения Божии обычно являются пророчествами.

Действительно, те, кому при Исходе было от 20 до 30 лет к моменту окончания странствия было не более 70. А Моисею – 120. Так что умирали они не от старости. От чего же умирали люди в пустыне?

Умирали, объевшись мяса, восстав на Моисея и Аарона, пренебрегая медным змеем, блудодействуя в Моаве. То есть умирали те, кто грешил в пустыне. Поэтому, говоря о смерти людей в пустыне, Господь через Моисея предрекал очищение народа от недостойных, которым нечего было делать в земле обетованной. Справедливость, как видим, не была нарушена. Об этом в Послании к евреям пишет св. апостол Павел (Евр. 3: 7–19).

7.9. Города-убежища

В книге Чисел есть ряд постановлений, касающихся жизни израильтян в земле обетованной. Одно из них ограничивало возможности для кровной мести, которая, по-видимому, имела место. Убийца намеренный должен был быть казнен, однако человек, совершивший убийство непреднамеренно, имел возможность укрыться. Для этого выделены были шесть так называемых городов-убежищ; и в случае, если такой человек туда удалялся, никто не мог на него возложить руку, конечно, когда не была доказана преднамеренность убийства. Эти города должны были быть распределены с двух сторон от Иордана и растянуты с севера на юг, чтобы быть отовсюду доступными. Человек должен был пребывать в этом городе-убежище до времени смерти первосвященника, после чего он мог выйти на свободу, и уже никто не имел права поднимать на него руку (Числ. 35: 25). В одном современном толковании говорится: «В городе-убежище такой убийца должен был находиться до смерти верховного жреца. Установление, смысл которого неясен». Святоотеческая традиция, однако, говорит, что смысл этого установления очевиден. Оно имеет пророческий смысл, указывая на смерть Первосвященника Христа, которая освобождает человека от повинности греху и делает его свободным от смерти [см. 35, ч. 2–3, с. 130].

7.10. Поставление Иисуса Навина

После того как Моисей сделал все, чтобы израильтяне вошли в землю обетованную, он поставляет Иисуса Навина, который прежде был военным вождем среди израильтян и служителем Моисея (Исх. 24: 13), не отходившим от скинии (Исх. 33: 11). Заметим, что не сыновьям своим передает он власть. Моисей просит Господа, чтобы после его смерти не остался народ, «как овцы, у которых нет пастыря» (Числ. 27: 17, ср. Мф. 9: 36). В ответ Господь повелевает ему поставить Иисуса Навина, «человека, в котором есть Дух» (Числ. 27: 18). Через возложение рук Моисей пред всем народом ставит Иисуса Навина вождем над израильтянами (Числ. 27: 22–23).

Здесь можно увидеть двойное пророчество. С одной стороны, Иисус Навин прообразует Христа, поскольку он вводит иудеев, приняв их от Моисея, в Землю Обетованную. С другой

стороны, в Евангелии сказано: *«Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою»* (Мф. 9: 36–38). Апостолы призываются к служению Христом, как Иисус Навин – Моисею.

Глава 8. Второзаконие

В книге Второзаконие пророк Моисей кратко напоминает историю странствия новому поколению израильтян, тем, кому во время Исхода было меньше 20 лет. Кроме того, он напоминает им заповеди, данные на Синае. Это происходит в 40-й год по выходе евреев из Египта (Втор. 1: 3). В связи с предстоящим вступлением в землю обетованную израильтяне получают ряд новых заповедей.

8.1. Повторение Закона и новые заповеди

В нашем курсе заповедям посвящен особый раздел, поэтому сейчас они подробно рассматриваться не будут. Напомню только, что все три ответа на искусительные вопросы, которые диавол задавал Спасителю в пустыне, были цитатами из книги Второзаконие (Втор. 8: 3; 6: 16; 6: 13; 10: 20). И первая часть двуединой заповеди *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим»* взята тоже из этой книги Второзаконие (Втор. 6: 5). Израильтяне должны были эту заповедь написать на правой руке и на лбу, в результате чего и возник обычай изготавливать *«хранилища»*, о расширении которых фарисеями говорит Господь в Евангелии (Мф. 23: 5) (во время молитвы иудеи привязывали себе на лоб и на руку коробочки, где была написана заповедь *«Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь един есть»* (Втор. 6: 4). Кроме того, для напоминания о заповеди Божией через Моисея Бог повелевает всем сделать себе на краях одежд кисти и вставлять в них нити из голубой шерсти, глядя на которые израильтяне могли бы вспоминать о заповедях Божиих (Числ. 15: 38–40). Эти кисти – *«воскрилия риз»* – Господь тоже упоминает, когда обличает фарисеев, поскольку изготовление этих коробочек и кистей стало некой самодовлеющей ценностью с забвением того, ради чего это все делается.

Обращу ваше внимание на некоторые новые постановления, записанные в книге Второзаконие, так как они понадобятся нам для понимания ряда событий истории Израиля.

В книге Второзаконие предписывается ведение военных действия силами ополчения, так как не предусматривалось регулярного войска. Перед началом войны священники должны были укреплять народ, говоря, что *«Господь, Бог ваш, идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими [и] спасти вас»* (Втор. 20: 4).

Но в ополчение следовало брать не всех. *«Надзиратели же пусть объявят народу, говоря: кто построил новый дом и не обновил его, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не обновил его. И кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им. И кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не взял ее. И еще объявят надзиратели народу, и скажут: кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце»* (Втор. 20: 5–8). Брать таких людей считалось, во-первых, жестоко, во-вторых, не совсем полезно, поскольку их сердце было далеко от военных действий.

Толкуя данные постановления аллегорически, святитель Кирилл Александрийский объясняет, что в духовном смысле построившие дом суть не ищущие отечества небесного, а посадившие виноградник и женившиеся – плененные страстями. И те, и другие не могут и не хотят вести духовной брани [см. 38, кн. 1, с. 271].

В книге предсказано, что, придя в землю обетованную, израильтяне попросят себе царя, и изложены законы, касающиеся царской власти (Втор. 17: 14–20). Царь не может быть из иноплеменников. Он должен иметь список Закона и поучаться в нем всю жизнь. Царю нельзя умножать себе коней, богатства, жен.

8.2. Мессиянские пророчества

В книге содержится важное мессиянское пророчество: «*Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу*» (Втор. 18: 18–19). Речь идет о том, что Христос будет новым Законодателем, имеющим власть не меньшую, чем Моисей. В связи с этим пророчеством особый смысл приобретают слова Нагорной проповеди: «*Вы слышали, что сказано древним <...> А Я говорю вам...*» (Мф. 5: 21–22). Они подвигают слушателей задать вопрос: по какому праву Ты так говоришь? Ответ скрыт в этом пророчестве.

Особо хочу обратить ваше внимание на следующее выражение: «*Проклят всяк, висая на древе*» (Втор. 21: 23). Святитель Иоанн Златоуст таким образом поясняет его: «Так как определено было тем, которые не исполняют закон: *“проклят всяк, иже не пребудет во всех”*, писанных в книге сей, говорит Моисей в законе (Втор. 27: 26), а Христос как исполнивший закон не мог подлежать этому проклятию, то Он вместо этого проклятия принял на себя другое, будучи повешен на древе» [29, т. 6, кн. 1, с. 632]. «*Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою*» (Гал. 3: 13), – пишет апостол Павел.

Пророческие слова «*жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей*» (Втор. 28: 66) кроме буквального имеют еще и мессиянский смысл. По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского, в одно и то же время указывает и на распятие словом «висеть», и на воскресение словом «жизнь» [см. Толкование на Евангелие от Луки 24: 25–35].

Еще одно пророчество содержится в прощальной песни Моисея, о чем речь пойдет ниже.

8.3. Закон ужичества (левирата) и браки между коленами

Поскольку продолжение рода для ветхозаветных людей носило принципиальный характер, Моисей устанавливает закон ужичества (от слав. южик – соплеменник, родственник) или левирата (от лат. levir – деверь, брат мужа). Если какой-то женатый человек умер бездетным, его брат должен взять его жену себе, и ребенок, рожденный от этого брака, будет считаться полноправным преемником и наследником умершего. Человек, отказавшийся исполнить этот закон, обрекал себя на позор (Втор. 25: 5–10). Этим законом объясняются несовпадения в родословиях Спасителя в евангелиях от Матфея и от Луки.

Иногда с этим постановлением связывают еще одно, данное еще во времена раздела земель за Иорданом. Оно состоит в том, что если у какого-то отца есть только дочери, то в наследство его удела вступают именно эти дочери, но они не имеют права выходить за мужчин из другого колена, чтобы удел не перешел из одного колена в другое (Числ. 36: 8).

В связи с этим законом возникает иногда путаница, говорят, что вообще нельзя было жениться на женщине из другого колена. Тогда возникает вопрос, как же тогда Дева Мария могла быть родственницей Елизавете, которая была из дома Аарона, если сама Мария была обручена Иосифу – мужу из колена Иудина?

Есть несколько ветхозаветных примеров, проясняющих этот вопрос. У первосвященника Аарона была жена Елизавета из колена Иудина – дочь Аминадава и сестра Наассона (Исх. 6: 23), тех самых Аминадава и Наассона, которые упоминаются в родословии Спасителя. Здесь мы видим первое пересечение колена Левиина и Иудина, причем пересечение линий священнической и царской. Затем (4 Цар., 11) описан момент, когда дочь Ахава и Иезавели Гофолия, которая была выдана замуж за Иорама, сына Иудейского царя Иосафата, после смерти мужа и сына-наследника попыталась истребить всех потомков Давида (4 Цар. 11: 1). Единственного

уцелевшего наследника царского дома царевича Иоаса, сына Охозии, спасает у себя первосвященник Иодай вместе со своей женой Иосавефой, дочерью царя Иорама (2 Пар. 22: 11). То есть жена первосвященника была не просто из Иудина колена, а царевна из рода Давидова. Это второе пересечение этих двух колен, причем в линии священнической и царской, на страницах Ветхого Завета. Поэтому вопросов по поводу того, что Мария была родственницей Елизаветы, у нас уже быть не может, поскольку даже на страницах Писания мы видим по крайней мере два пересечения этих двух родов.

8.4. Последние указания. Песнь Моисея

Приближаясь к концу своей жизни, пророк Моисей произносит последние наставления сынам Израиля: *«Господь предложил тебе два пути: путь жизни и путь смерти»*, то есть путь подчинения воле Божией, исполнения заповедей Божиих и путь уклонения от Бога. *«Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. [Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего,] которые я заповедую тебе сегодня – любить Господа, Бога твоего, ходить по [всем] путям Его и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь, Бог твой, на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею; если же отворачивается сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им, то я возвеваю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле, [которую Господь Бог дает тебе,] для овладения которой ты переходил Иордан»* (Втор. 30: 15–18).

В довершение всего Моисей воспевает прощальную песнь, которая начинается словами: *«Вонми, небо, и возглаголю...»* Эта песнь Моисея (Втор. 32) за богослужением употребляется в качестве второй библейской песни канона на утрени обычно только во время Великого Поста, во время особого покаяния.

Пророк Моисей, предвидя отступление израильтян от Господа, описывает горести, которые за этим последуют, но тем не менее обещает, что некогда Господь их помилует и избавит от всех врагов.

В конце этой песни весть об избавлении от врагов связывается с пророчеством о Христе: *«Видите, видите, яко Аз есмь, и несть Бог разве Мене: Аз убию и жизни сотворю: поражаю и Аз исцелю, и несть иже измет от руку Моею <...> Возвеселитесь, небеса, купно с Ним, и да поклонятся Ему вси ангели Божии: возвеселитесь, языцы, с людьми Его, и да укрепятся Ему вси сынове Божии»* (Втор. 32: 39, 43). Победе Христа возрадуется небо и земля, иудеи и язычники. *«Поя древле Моисей великий взываше: да поклонятся восходящу Христу небеснии ангели яко всех Царю»* (2-й канон Вознесения, песнь 7, тр. 3).

8.5. Смерть Моисея

Наконец Моисей восходит на гору Нево, благословляет израильтян и, осмотрев с этой горы землю, к которой он последнюю треть своей жизни стремился и вел израильский народ, умирает. Хотя ему было 120 лет, но зрение его не притупилось и крепость в нем не истощилась (Втор. 34: 7). Погребен он в долине, в земле Моавитской, и никто не знает место погребения. Писание специально подчеркивает, что смерть Моисея была вызвана не каким-то изнеможением, его старостью и т. д., но что по определению Божию, когда Моисей исполнил свое служение, передав его Иисусу Навину, он отошел в мир иной. Этим заканчивается история Пятикнижия.

В связи с описанием смерти Моисея возникает вопрос, как мог Моисей описать свою собственную кончину? Как пророк, он мог заранее знать ее обстоятельства (примеры имеются

и в житиях святых). Можно также предположить, что Иисус Навин позже дополнил писание Моисея.

В заключение хочу поделиться еще одним размышлением. Мы знаем, Моисей и Илия предстояли Спасителю на горе Фавор, во время Преображения. Когда память пророка Илии, мы все прекрасно помним, а когда память пророка Моисея? Мало кто может сказать. Почему так? Ведь сказано, что «не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу, по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской над фараоном и над всеми рабами его и над всею землею его, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля» (Втор. 34: 10–12). Моисей, как прежде носил свой жестоковыйный народ и готов был даже умереть за него в пустыне, точно так же и до сих пор как бы связан с Законом. По слову святителя Кирилла Александрийского, «блаженный Моисей есть для нас образ закона: имут Моисея и пророки (Лк. 16, 29), – говорит в евангельских сказаниях блаженный Авраам, Моисей действительно представитель [собственно: лице, (греч.) просопон] закона» [38, кн. 1, с. 187]. Поэтому со времени Евангельского благовестия вместе с законом остается в тени. Хотя Господь сказал, что Моисей будет обличать иудеев на суде, то есть реально значение его не умаляется. Но в педагогических целях память его, видимо, несколько отошла на второй план.

Глава 9. Смысл и значение закона Моисеева

9.1. Разнообразие постановлений закона

Перечислю в общих чертах ряд вопросов, регулируемых законом, чтобы вы себе представляли объем тем, которые в нем затрагиваются. Во-первых, установление единобожия и запрет идолопоклонства (Исх. 20: 2–6). Затем – обрезание, запрет произнесения имени Божия (Исх. 20: 7), запрет ложной клятвы и богохульства, закон о субботе (Исх. 20: 11), закон о почитании отца и матери (Исх. 20: 12) – эти законы о почитании отца и матери есть в книгах Исход, Левит и Второзаконие, где с разных сторон рассматривается отношение детей и родителей, почитание старцев. Запрет на убийство (Исх. 20: 13), регулирование кровной мести и закон о городах-убежищах (Втор. 19), погребение неизвестных людей, странников, законы о драках и о членовредительстве (Исх. 21: 18–36), запрет на прелюбодеяние (Исх. 20: 14), ритуальные испытания женщин, обвиненных в неверности (Числ. 5). Запрет воровства, запрет нарушения межи между полями, увещание не желать чужого. Правовое положение рабов-иноплеменников и рабов из евреев, похищение и продажа людей, запрет на браки с иноплеменниками. Закон левирата (Втор. 25: 5–10) и правила развода, правовое положение сыновей и закон о наследии дочерей. Правила ведения войны, призыва на воинскую службу и случаи освобождения от воинской обязанности (Втор. 20), порядок раздела добычи. Положения о праздниках: о субботнем дне, о Пасхе, о празднике седмиц и празднике кущей (Втор. 16; Лев. 23). Закон о взимании процентов и налогов, организации суда, свидетелях и наказании за лжесвидетельство, принципах личной ответственности. Правила о принесении десятины левитам. Правила об обетах, о назорях (Числ. 6) и об обетах женщин. Правила о чистом и нечистом, правила об очищении от проказы, различные правила ритуальной чистоты. Эти заповеди собраны в несколько больших групп помимо Декалога, который повторяется дважды – в книге Исход и в книге Второзаконие. Один кодекс законов содержится с 20-й по 23-ю главы книги Исход, другой с 17-й по 26-ю главу книги Левит – сборник, который иногда называют «Кодексом Святости», а также в книге Второзаконие с 12-й по 27-ю главу; хотя отдельные указания встречаются и вне связи с другими, когда заповеди даются по каким-то частным случаям.

9.2. Общечеловеческое значение Закона. Закон как руководство к праведности

Центром всего законодательства был, конечно, Декалог (Исх. 20: 2–17). Все остальные заповеди в какой-то степени являются его раскрытием и истолкованием. Закон, данный в пустыне, на «ничьей земле», предназначен не для определенной страны, но имеет значение общечеловеческое. Принято говорить, что заповеди Декалога лежат в основе общечеловеческой нравственности. Это верно, поскольку закон соответствует природе человека. Его заповеди дают правильные ориентиры для развития человеческой души, которая создана для жизни нравственной, а не наоборот. Безнравственная жизнь для человека разрушительна. Правда, здесь следует быть осторожными, поскольку, когда говорится об общечеловеческих ценностях, Декалог нередко существенно сокращается. Если спросить у современного «светского» школьника, слышал ли он о заповедях, он ответит положительно. Если его затем попросить их перечислить, то он начнет с шестой (пятая сейчас непопулярна). А вот первые четыре традиционно вызывают затруднение. Это неслучайно, поскольку первые четыре заповеди многими не считаются «общечеловеческими ценностями». Но без них ценностей вообще не остается.

Пустоту «автономной» этики демонстрирует Евангельская история с богатым юношей (Мф. 19: 16–24 и паралл.). Он соблюдал 5–10-ю заповеди, но не пожелал исполнить в полноте 1-ю, и поэтому не может войти в Царство Небесное.

Первая часть Декалога придает остальным нравственным указаниям абсолютное значение, потому что сам Бог абсолютен, Бог есть абсолютное добро. Нравственные постулаты, не соотношенные с Богом, не имеют абсолютной ценности. Если мы знаем, что «не убий», потому что так Бог велел, то тут уже никуда не деться, даже если мы не можем это объяснить (хотя мы можем), потому что с Богом не поспоришь. Если «не убий», потому что это просто нехорошо, не принято, то тогда включается в действие смердяковский принцип: «если Бога нет, то все дозволено». Если Бог не является источником, охранителем и гарантом этих заповедей, то что, собственно, меня может удержать от того, чтобы их преступить? Ничто.

Именно в этом состоит принципиальное отличие закона Моисеева от обычного законодательства. Обычное законодательство служит для взаимного ограничения человеческого эгоизма. Каждое деяние судится с точки зрения причиненного или потенциального ущерба. Здесь дело обстоит по-другому. Моисеев Закон осуждает многие деяния только потому, что это мерзость перед Богом. И как бы люди их ни оправдывали, ни рассуждали об их пользе или безвредности, дело от этого не меняется. Закон содержит прямую отсылку к воле Божией и требует послушания ей. Приведу яркий пример. *«Место должно быть у тебя вне стана, куда бы тебе выходить; кроме оружия твоего должна быть у тебя лопатка; и когда будешь садиться вне [стана], выкопай ею [яму] и опять зарой [ею] испражнение твое; ибо Господь Бог твой ходит среди стана твоего, чтобы избавлять тебя и предавать врагов твоих [в руки твои], а [посему] стан твой должен быть свят, чтобы Он не увидел у тебя чего срамного и не отступил от тебя»* (Втор. 23: 12–14). Казалось бы, чисто гигиеническая норма и та имеет высокое обоснование – не должно быть никакой нечистоты, недостойной присутствия Божия.

Выше мы упомянули, что Закон должен был руководить человека к нравственной жизни. Основанием (и содержанием тоже) нравственной жизни является союз с Богом, пребывание с Ним.

Грех в свою очередь (по смыслу самого термина от греч. αμαρτια – промах, отклонение) есть действие, которое уводит человека от Бога, препятствуют союзу с Ним. Поэтому, обличая те или иные действия, Закон указывает на стоящие за ними те или иные состояния души, разрушительные для нее.

Как уже было упомянуто, Синайское законодательство содержит широкий перечень разнообразных законов. Можно подробным образом изучать их различные хозяйственные, социальные и другие аспекты, но нам интересно не это, а то, на что в первую очередь обращает наше внимание Новый Завет. *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять»* (Мф. 23: 23).

Рассмотрим это на конкретных примерах.

«Один закон да будет и для природного жителя и для пришельца, поселившегося между вами» (Исх. 12: 49). Такое было редкостью в те времена, равенство прав между природным жителем и пришельцем. Обычно было (да и сейчас есть) совсем по-другому.

«Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор. 24: 16).

Относительно суда в Законе сказано: *«Не внимай пустому слуху, не давай руки своей нечестивому, чтоб быть свидетелем неправды. Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды; и бедному не потворствуй в тяжбе его»* (Исх. 23: 1–3). Здесь отвергается главный принцип демократии: «большинство всегда право» и коммунистический лозунг о том, что бедный всегда прав. При требовании защищать вдову, защи-

щать сирого и убогого тем не менее оговаривается: *«бедному не потворствуй в тяжбе его»*, бедность не может быть предлогом к лукавству, суд должен быть справедлив. Однако к тем, кто вовсе не может за себя постоять, Закон снисходителен. *«Не выдавай раба господину его, когда он прибежит к тебе от господина своего; пусть он у тебя живет, среди вас на месте, которое он изберет в каком-нибудь из жилищ твоих, где ему понравится; не притесняй его»* (Втор. 23: 15–16), потому что иначе его ожидает расправа. Заметим также, что от хорошей жизни обычно не бегают. Если же причиной бегства было преступление, то его, очевидно, полагалось судить обычным образом.

Закон провозглашает принцип равного возмездия: *«око за око и зуб за зуб»* (Лев. 24: 20, Исх. 21: 24). Для тех времен это было справедливое и полезное постановление: не голову за око, не сто человек за один зуб, а равное возмездие. Впрочем, в случаях тяжких телесных повреждений требовалось оплатить лечение и нетрудоспособность, а в случаях воровства обычно предполагалось возмещение в 4–5-кратном размере.

Если человек лжесвидетельствует на кого-то и бывает в этом уличен, то он должен быть подвергнут той казни, которой бы подвергся тот, против кого он лжесвидетельствовал. Здесь следует заметить, что относительно каждой из заповедей Декалога, кроме 10-й, есть определенные условия, при которых ее нарушение наказывается смертью.

Как уже говорилось, закон ограничивает возможности кровной мести. За преднамеренное убийство полагалась казнь, однако человек, совершивший убийство непреднамеренно, имел возможность укрыться в одном из городов-убежищ, о которых речь шла выше.

В Законе сказано, что если чей-то вол забодает человека насмерть, то хозяин его не виновен. Однако если хозяин знал и вчера и третьего дня, что его вол бодлив, и не принял никаких мер, то хозяин подлежит смерти (Исх. 21: 28–29), – в данном случае подразумевается преступная небрежность, то есть оценивается не только действие, но и отношение к нему, степень сознательного участия.

Закон говорит не только о справедливости, но и о милости к ближним, особенно к нуждающимся, возводя ее в ранг заповеди.

«Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, и виноградника твоего не обирай дочиста, и попадавших ягод в винограднике не подбирай; оставь это бедному и пришельцу. Я Господь, Бог ваш.

Не крадите, не лгите и не обманывайте друг друга. Не клянитесь именем Моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего. Я Господь. Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Лев. 19: 9–13).

В пятнадцатой главе Второзакония рассмотрены три степени нужды – бедность, нищета и продажа себя в рабство.

«Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее, ибо она есть единственный покров у него, она – одеяние тела его: в чем будет он спать? Итак, когда он воззовет ко Мне, Я услышу, ибо Я милосерд» (Исх. 22: 25–27), – в этой заповеди содержится прямой призыв к состраданию, заботе о милосердии более, чем о справедливости. *«Если же он [ближний] будет человек бедный, то ты не ложись спать, имея [у себя] залог его: возврати ему залог при захождении солнца, чтоб он лег спать в одежде своей и благословил тебя, – и тебе поставится сие в праведность пред Господом Богом твоим»* (Втор. 24: 12–13).

О нищем сказано: *«дай ему [займы], и когда будешь давать ему, не должно скорбеть сердце твое, ибо за то благословит тебя Господь, Бог твой, во всех делах твоих и во всем, что будет делаться твоими руками; ибо нищие всегда будут среди земли [твоей]; потому я и повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей»* (Втор. 15: 10–11).

В седьмой год полагалось прощать все долги соплеменникам и отпускать на свободу рабов. Отпуская, хозяин должен был дать ему необходимое для жизни из своего имущества. *«Не считай этого для себя тяжким, что ты должен отпустить его от себя на свободу, ибо он в шесть лет заработал тебе вдвое против платы наемника; и благословит тебя Господь, Бог твой, во всем, что ни будешь делать»* (Втор. 15: 18).

Обратите внимание, что речь идет не только о внешней стороне дела, но и о внутреннем расположении сердца, без чего нет добродетели.

«Если найдешь вола врага твоего, или осла его заблудившегося, приведи его к нему; если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его; развяжешь вместе с ним» (Исх. 23: 4–5). В данном случае заповедь устанавливается именно в отношении врага. Преподобный Исидор Пелусиот, разъясняя ее смысл, пишет, что Бог дал ее «не столько имея попечение о животном, но наиболее ради самих людей. Враг, пришедший поднять павшее животное, без сомнения, вступит в беседу с врагом и скажет: “Там подними ты, а я подниму здесь”. Беседа же есть начало примирения и путь, ведущий к дружбе. Посему Божественная Тишина постаралась достигнуть трех прекрасных целей: первой – чтобы животное не погибло, второй – чтобы не потерпел убытка владелец, и третьей – чтобы враги примирились и стали друзьями. Ибо, кому сделано добро, тот, если он и бесчувственнее камней, постарается вознаградить благодетеля, а признанного благодетелем, конечно, уже не будут более почитать врагом. Видишь ли, как неизреченная Премудрость узаконивает все, имея в виду благодать и человеколюбие?» [35, ч. 2–3, с. 293–294].

Целый ряд заповедей прямо указывают на то, каким должно быть отношение к другим людям. *«Перед лицом седого вставай и почитай лице старца, и бойся [Господа] Бога твоего»* (Лев. 19: 32). Иногда чисто прагматический смысл той или иной заповеди совершенно неясен. Исполнять их можно, только имея веру в Того, Кто их установил.

«Проклят, кто слепого сбивает с пути! ... Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!» (Втор. 27: 18–19). *«Не злословь глухого и пред слепым не клади ничего, чтобы преткнуться ему; бойся [Господа] Бога твоего. Я Господь [Бог ваш]»* (Лев. 19: 14). Глухой не терпит ущерба от злословия, значит дело не в этом, а в устроении того, кто так поступает, *«ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий неправду»* (Втор. 25: 16).

Очевидно, что приведенных цитат достаточно, чтобы убедиться, что, указывая на милость, суд и веру в Законе, Господь Иисус Христос апеллировал не к чему-то неизвестному. Неслучайно на вопрос законника: *«какая наибольшая заповедь в законе?»* – Спаситель ответил: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»* (Мф. 22: 37–40).

«Не оставайтесь должными никому ничем, – пишет апостол Павел – кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; так любовь есть исполнение закона» (Рим. 13: 8–10).

9.3. Отличие Синайского завета от завета с Авраамом

В чем отличие завета Синайского от завета, который заключил Бог с Авраамом? Там было сказано: *«ходи предо Мною и будь непорочен <...> Я буду Богом твоим...»* (Быт. 17: 1, 7). Здесь, мы можем увидеть то же самое: *«ходи предо Мною и будь непорочен; Я буду Богом твоим, и вы будете моим народом»*. Но в данном случае условие – *«ходи предо Мною и будь непорочен»* – подробнейшим образом детализируется в связи с тем, что ходить пред Богом и

быть непорочным по указаниям совести мало кто был способен. Казалось бы, Закон, который является условием пребывания в Завете, заключенный при Синайской горе, стал шагом вперед по сравнению с заветом с Авраамом, условия которого были сформулированы несколько абстрактно. Но не все так просто, поскольку в Новом Завете утверждается как достоинство Закона, так и его ущербность по сравнению с Авраамовым заветом.

В законе Моисеевом 365 запретительных заповедей и 248 положительных, указывающих, что делать нужно. Понятно, чем обусловлен вопрос к Спасителю: «*какая наибольшая заповедь в законе?*» (Мф. 22: 36). Представьте себе, если у вас в инструкции, регулирующей жизнь, порядка шестисот пятидесяти пунктов. Легко ли будет жить? Вместо головы тогда нужно иметь компьютер. Кроме того, как быть, если две заповеди друг с другом пересекаются? Поэтому Сам Христос свидетельствовал, что никто не исполняет закон. И апостолы свидетельствуют, что никому не удавалось исполнить закон в полном объеме ввиду его сложности и высоты требований (Деян. 15: 10). Чего стоит заповедь: «*не пожелай того, что у ближнего твоего*» (Исх. 20: 17), если и христианами, обновленными и укрепленными благодатью, не всегда эта заповедь исполняется. Что же можно было требовать от людей ветхозаветных? Зачем же тогда было давать такой закон? Ведь те же самые элементарные понятия о честности, милосердии, сострадании можно было изложить в простых и понятных для немощного человека заповедях, чтобы, сохраняя их, он имел мир с Богом.

В этом-то все и дело. Богу не нужны дела человеческие. Богу нужен сам человек. Поэтому не ради того, чтобы человек мог быть перед Богом «хорошим», даны эти заповеди, «*потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть*» (Рим. 3: 20).

Между повествованиями о двух заветах можно усмотреть следующую параллель. Авраам верою покидает Харран и заключает завет. Также и Израиль покидает Египет. Зачем понадобилось такое продолжительное пребывание в Египте, почему потомки Иакова не могли остаться и умножиться в Палестине? Возможно, для того, чтобы вера была положена в основание завета, который будет с этим народом заключен. Более драматические обстоятельства выхода через чудо избавления (Исход) и более «строгий», по сравнению с Авраамовым, завет были таковыми потому, что в массе своей потомки были не таковы, каков был Авраам.

Заметим, что в случае Авраама жертва предваряла условия завета, а у Синая – наоборот.

Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. Эта праведность стала основой завета со стороны человека, праведность от веры. Синайский завет раскрыл понятие праведности в системе заповедей. Но так как спасение не от праведности, а жертвой Христа, то он и не спасал. Новый Завет возвращает нас к изначальной простоте завета Аврамова, которая часто затмевалась сложностью многочисленных и разнородных предписаний Закона.

9.4. Смысл закона Моисеева

Апостол Павел говорит, что «*закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою*» (Гал. 3: 24). Заповеди закона были устроены таким образом, что человек, который стремился всем сердцем угодить Богу через соблюдение заповедей, через изучение Закона, несомненно, приближался к тому, чтобы познать необходимость спасения и необходимость пришествия Христова на землю. Речь идет о таком отношении к Закону, какое представлено в 118-м псалме, когда заповеди пытаются исполнить из любви к Богу, а не в надежде получить какое-то вознаграждение. Неслучайно изложение заповедей и постановлений, которые израильтяне должны будут соблюдать в земле обетованной, начинается заповедью о любви (Втор. 6: 4–5).

Святитель Феофан Затворник таким образом раскрывает эту мысль: «Определенное для явления Спасителя миру время по планам Божиим было еще далеко. Между тем, наступал для человечества период юношеский (мысль митр. Филарета), когда возбуждение жизненных сил

и потребностей, и душевных и телесных, не дает разуму и совести держать человека в должных пределах. Предстоял всеобщий разлив многообразной страстности. А при этом неизбежна потеря всякой даже мысли об имеющем исцелить всех от уязвления Семени жены.

Чтобы этого не случилось, благое Промышление Божие, оставляя все народы идти своим естественным путем, избирает одно племя, организует его так, чтобы оно и от незаконных порывов было обуздываемо, и хранило веру, что придет, наконец, Семя, «*ему же обетовася*» (Гал. 3: 19). Для этого был дан закон и посылаемы были пророки.

Закон обуздывал, налагая цепи: не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи... Но внутренних позывов грешных не отнимал, сердца не обрезывал, не оживлял духовно. Этим стеснением внешним без внутреннего изменения он располагал подзаконных жаждать избавления, иначе желать внутреннего изменения, которое сделало бы излишним и внешние цепи. В этом существо избавления; и оно могло быть подано только «*по вере в Иисуса Христа*» (Гал. 3: 22). Таким образом, закон, как бы за руку взявши подзаконников, приводил их ко Христу, был пестуном во Христа.

В этом, впрочем, отношении не совсем были забыты и язычники. В духе их оставлены неистребимыми страх Божий и требования совести. <...> Таким образом, эти две духовные силы были для язычников то же, что для иудеев закон со своими грозными карами. И они заставляли искать избавления, оставляя, однако же, ищущих в полной неопределенности относительно сего искания» [78, с. 261–262].

Апостол Павел говорит, что «*закон духовен*» (Рим. 7: 14). Духовность его заключается в первую очередь в том, что в каждой его черте, и это особенно ясно видно в святоотеческих толкованиях, запечатлен Лик Христов. И тот, кто с добрым расположением пребывал под гнетом закона, получал на сердце как бы отпечаток этого Лица, с тем чтобы, когда явится Христос, узнать Его. Во многих евангельских эпизодах мы видим, как это происходило. По слову святителя Кирилла Александрийского, «*совершенство в знании и неповрежденность в вере водворяет в душах всех нас образ Спасителя, и это есть в нас как бы некоторое божественное сеяние*» [38, кн. 1, с. 382].

Замечательное свидетельство содержится в книге пророка Варуха, в зачале, читаемом на Рождество. Приведу большой фрагмент, где речь идет о премудрости.

«Кто взошел на небо, и взял ее [Премудрость], и снес с облаков? Кто перешел моря и нашел ее, и кто принесет ее, лучшую чистого золота? Нет никого, знающего путь ее, ни помышляющего о стезе ее. Но Знающий все знает ее; Он открыл ее Своим разумом, Тот, Который сотворил землю на вечные времена и наполнил ее четвероногими скотами, Который посылает свет, и он идет, призвал его, и он послушался Его с трепетом; и звезды воссияли на стражах своих, и возвеселились. Он призвал их, и они сказали: “вот мы”, и воссияли радостью пред Творцом своим. Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми. Вот книга заповедей Божиих и закон, пребывающий вовек. Все, держащиеся ее, будут жить, а оставляющие ее умрут. Обратись, Иаков, и возьми ее, ходи при сиянии света ее. Не отдавай другому славы твоей, и полезного для тебя – чуждому народу. Счастливы мы, Израиль, что мы знаем, что благоугодно Богу» (Вар. 3: 29–4: 4).

9.5. Преходящее значение закона

Итак, закон должен был приготовить людей к пришествию Христа. «Как видящий тень верно заключает, что есть тело, дающее сию тень, и по очертаниям тени делает заключение о виде самого тела, возгревая всем этим желание увидеть самое тело; ветхозаветные постановления так были начертаны, что указывали на будущее, предызображали его, сколько можно,

и возбуждали желание поскорее увидеть событие, изображенное ими. Питать это желание и чаяние было главной целью всех постановлений» [80, с. 133–134]. Эта устремленность к Евангелию в ветхозаветных законах проступает повсеместно. Девять заповедей говорят о делах, десятая – о пожеланиях. Четыре главные жертвы кровавые, пятая – бескровная, и так во всем.

«Та часть закона, которая учила нас жизни и поведению, не была неясна, – иначе он был бы дан напрасно, – а только те части его были прикровенны, из которых мы могли узнать, что закон через Христа упраздняется. Подлинно, и это было делом премудрости Божией – ввести закон, говорящий о себе самом, что Христос, пришедши, упразднит его, и что во Христе он прекратится» [29, т. 6, кн. 2, с. 464].

Следовательно, после пришествия Христова необходимость в законе отпадает. *«Потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего»* (Рим. 10: 4). Этому есть и еще одна причина. *«Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени, к которому [относится] обетование, и преподан через Ангелов, рукою посредника»* (Гал. 3: 19). Обратим внимание на последнее обстоятельство. Посредник требуется для того, чтобы примирить несопадающие интересы сторон. *«Иисус сказал им в ответ: по жестокосердию вашему он написал вам сию заповедь»* (Мк. 10: 5). При рассмотрении закона мы видели, что закон ограничивает возможность мести, но не отменяет ее, регулирует отношения с рабами, но не отменяет рабства, дает правила относительно развода, но не запрещает прогонять жену. В этом ясно проявляется соотносительность закона (при всей его высоте) с состоянием падшего человека, некоторое снисхождение к его немощи. Поэтому он не является совершенным выражением правды Божией. Подтверждение этому мы снова находим в Писании: *«И попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы»*, по-славянски *«И аз дах им заповеди не добры, и оправдания, в нихже не будут живи»* (Иез. 20: 25).

Все это значит, что Христом будет дан новый, совершенный закон: *«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»* (Мф. 5: 48).

Раздел II. Исторические книги

Мы переходим к рассмотрению следующего раздела Священного Писания – историческим книгам. Необходимо заметить, что и в Пятикнижии содержится история, и в пророческих книгах есть исторические части, следовательно, это деление довольно условно, по преимущественному весу того или иного материала в этих книгах. Но тем не менее исторические книги Ветхого Завета не являются простой историей, летописью. Почему? Обратите внимание, что в древнееврейском разделении (Закон, Пророки, Писание) они не выделялись в отдельную группу. Большая их часть, такие, как Книга Иисуса Навина, Книга Судей, книги Царств, относились к пророческим. Этот отголосок древней традиции знаменателен и показывает нам, что тех, кто писал эти книги, конечно по указанию Духа Святого, больше интересовали не сами по себе исторические события: перед ними не стояла задача систематического изложения истории народа израильского. Но их целью было показать через описание исторических событий, деяний ветхозаветных лиц, пути Промысла Божия в истории, то есть историю спасения; как, каким образом Господь готовил человечество к принятию Иисуса Христа.

В книгах Царств особенно заметно, что, после того как в деяниях того или иного царя рассказано о событиях, которые имеют особенную значимость в изображении взаимоотношений человека с Богом, автор добавляет, что прочие его деяния следует смотреть в книге царей израильских или в летописи царей иудейских. Если кому-то интересно, что он построил, что он купил, как он воевал, то об этом есть и другие книги, в которых об этом написано. Некоторые периоды правления, которые были отмечены с исторической точки зрения великими свершениями – расширением границ, расцветом экономики, торговли и т. д., – обойдены вниманием на страницах Священного Писания именно потому, что не военная история и не состояние израильской экономики интересовало тех, кто это писал и для нас это хотел сохранить.

Благодаря этому исторические книги Библии имеют большое назидательное значение. Они показывают разнообразные формы взаимоотношений человека с Богом. В них отражена не только историческая жизнь с Богом израильского народа, но и путь к Богу отдельной человеческой души.

Глава 10. Книга Иисуса Навина

10.1. Приготовление и вступление в землю обетованную

Открывает исторический раздел Книга Иисуса Навина. Эта книга по своему содержанию тесно примыкает к Пятикнижию. В ней ярко описывается, как исполняются благие обетования, которые Господь дал патриархам и через Моисея – всем израильтянам.

Особенное внимание в ней уделено приготовлению и начальному этапу завоевания земли обетованной. При приготовлении к вторжению в Ханаан Иисус Навин, как некогда Моисей, отправляет двух соглядатаев в Иерихон. Взгляд на карту немедленно покажет нам, что этот город занимал ключевое положение в этой местности и имел стратегическое значение с точки зрения обороны Ханаана от вторжения с юго-востока. И поэтому первое, с чем столкнулись израильтяне, – это с необходимостью захватить Иерихон, что открыло бы им путь дальше. Иисус Навин посылает туда двух соглядатаев, которых там обнаруживают, но их спасает блудница Раав. Она скрывает их и дает им возможность бежать. Раав говорит им, что она знает, что Бог предал этот город и этот народ израильтянам, и просит их, чтобы они, когда захватят этот город, сохранили весь дом ее (Нав. 2: 12–13). Сogleдатаи обещают выполнить ее просьбу, и в качестве знака, который должен послужить тому, чтобы ее дом остался неприкосновенным, они велят ей привязать красного цвета веревку к окну. В святоотеческой традиции этот знак интерпретируется как прообраз искупления кровью Христовой всех верующих [см. 73, с. 196].

Возвращаясь к уже затрагивавшейся ранее теме праведности и безнравственных, с нашей точки зрения, поступках, нужно сказать несколько слов и о Раав.

Блудница Раав, которая приняла у себя шпионов, скрыла их и позволила им бежать от преследователей, фактически стала изменницей, она предала свой город в обмен на сохранение своей семьи. Но формулирует это она не так: пускай весь город сгорит, только бы я и моя семья были живы. Нет, она говорит: *«я знаю, что Господь отдал землю сию вам»* (Нав. 2: 9), – именно это является для нее определяющим. Все об этом знали, но никто, кроме нее, не захотел покориться. Увидев действие Божие, увидев приближение Бога, она оставляет все и идет на это предательство ради того, чтобы быть вместе с избранным Божиим народом. И Господь ее принимает: в родословии Спасителя мы находим также и Раав.

Здесь как раз показывается, что являлось в ветхозаветные времена главным для человека – вера. Ради этой дерзновенной веры, ради желания перешагнуть через все, чтобы быть с Богом (ради того чтобы быть со Христом), ветхозаветным людям все остальное прощается.

Первое чудо при вступлении евреев в землю обетованную – это переход через Иордан (Нав. 3). Священники, несущие ковчег, приблизились к Иордану, и, как только они в него вошли, вода остановилась и стояла стеною до тех пор, пока не перешли все израильтяне. Этим чудом Бог прославил Иисуса Навина, и все евреи узнали, что Господь будет с ним, как был с Моисеем. Иисус Навин повелел народу поставить два памятника: один из 12 камней на дне Иордана и второй на берегу в память об этом событии. Святитель Григорий Нисский говорит, что *«Иисус Навин, положивши в потоке 12 камней, очевидно, сим предызобразил 12 учеников, служителей крещения»* [цит. по 59, с. 155], и после этого чудесного перехода говорится, что стали сыны Израилевы бояться Иисуса Навина, как боялись Моисея (Нав. 4: 14). Прославление Иисуса Навина после этого чуда на Иордане прообразует то, что Господь Иисус Христос прославился и стал известным тоже после крещения в Иордане.

Затем евреи поставили стан в Галгале (Нав. 4: 19), где Иисус Навин обрезал тех, кто не был обрезан во время странствия по пустыне. Здесь же евреи совершили Пасху. В эти дни перестала выпадать манна и израильтяне начали питаться плодами земли обетованной.

Комментируя обрезание, совершенное в Галгале, блаженный Феодорит замечает, «что обрезанные подверглись различным нареканиям и истреблены, а необрезанные спаслись, отцы погибли, а дети прияли обетование... Ибо Аврааму Владыка Бог, предвозвестив время пресельничества, повелел обрезаться, от тех же, которые освободились от египетского рабства и жили в пустыне, не потребовал хранения сего закона и не наказал их за нарушение оно, потому что, живя особо и свободные от смешения с народами иноплеменными, не имели они нужды в сем знамении. Но когда Бог ввел их наконец в землю Обетованную, тогда повелел обрезаться, чтобы смешение с иноплеменниками не повредило благочестию» [73, с. 198–199].

10.2. Начало завоевания земли обетованной

Далее описывается взятие Иерихона. Израильтяне в течение шести дней обходили с трубами и ковчегом завета вокруг города, и, после того как они в седьмой день обошли Иерихон семь раз и вострубили в трубы, стены города рухнули.

Из Иерихона спасается только Раав. Иисус Навин повелел народу: *«Город будет под закланием, и все, что в нем, – Господу, только Раав блудница пусть останется в живых, она и всякий, кто у нее в доме, потому что она укрывала посланных, которых мы посылали»* (Нав. 6: 16). Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Иисус Навин, говорящий: “блудница да будет жива”, был прообразом Господа Иисуса, который говорит: любодейцы и мытари предваряют вас в Царствии Небесном (Мф. 21: 31)» [цит. по 59, с. 155].

Слово «заклание», по-еврейски «херем», многократно встречающееся в Книге Иисуса Навина, означает, что ничего из добычи не должно быть захвачено, но должно быть все уничтожено: население и все вещи, которые ему принадлежат. Поэтому книга эта довольно жестокая: идет сплошная резня, истребляются целые города, сжигается все, что в них есть. Иисус Навин поклялся: тот, кто восстановит Иерихон, тот будет проклят (Нав. 6: 25). Книга Иисуса Навина снова ставит перед нами проблему жестокости в Ветхом Завете. Ее острота связана с тем, что повеление изгнать всех хананеев исходит от Самого Бога.

Мы уже разбирали этот вопрос, изучая Пятикнижие. Кроме того, говоря о Законе, мы выяснили, что он не является полным откровением правды Божией, но был приспособлен к общей неспособности человечества к добродетельной жизни. Все эти рассуждения в полной мере приложимы и здесь. Почему нельзя было мирно прийти, перевоспитать всех хананеев и жить с ними в мире и благополучии? Вы наверняка знаете примеры и знаете из истории, что когда какой-то кочевой народ захватывает территорию, где есть оседлое население, то обычно через сто лет происходит ассимиляция. Причем кто кого ассимилирует? Земледельцы кочевников. Если бы израильтяне захватили Палестину вместе со всеми хананеями, которые там жили, то через сто лет, скорее всего, от израильтян ничего бы уже не осталось, а были бы все те же самые хананеи с добавлением еврейской крови, совершающие свои обряды и служащие своим языческим богам. А культ у них был в худших традициях древних времен, то есть с приношениями в жертву младенцев, с ритуальным блудом и т. д. Можно сказать, что мера беззакония этих народов уже исполнилась. Таким образом, израильтяне выступили как орудие Божественной кары. Точно так же как впоследствии в этой роли по отношению к уподобившимся хананеям израильтянам выступили Ассирия и Вавилон.

Если символическим образом истолковать завоевание земли обетованной, то хананеи прообразуют разные страсти и греховные помыслы, которые должны быть полностью искоренены.

Следующий город, который израильтянам предстояло покорить, был Гай, причем, в отличие от Иерихона, израильтяне потерпели здесь поражение (Нав. 7: 4). Тогда они стали выяснять, в чем дело, и оказалось, что Ахан из колена Иудина нарушил Божий завет и взял из закланного (Нав. 7: 16–21), в результате чего пострадал весь народ. Ахан был казнен, а город

Гай предан закланию. Обращу здесь ваше внимание на то, что, полагаясь на помощь Божию, Иисус Навин провел операцию по захвату Гая по всем правилам военного искусства, не прибегая к прямому штурму.

10.3. Битва за Гаваон

Далее повествуется о встрече израильтян с жителями города Гаваона. Вся страна уже была напугана тем, что с востока вторгся малоизвестный народ, перед которым никто не может устоять; и жители Гаваона решили схитрить: они являются израильтянам в истертых одеждах, с заплесневелыми хлебами, делая вид, что пришли издалека и предлагают заключить союз на очень выгодных условиях (Нав. 9: 1–6). Израильтяне, не вопрошая воли Божией, но полагаясь на свое собственное разумение, заключают договор с гаваонитянами и в результате оказываются обманутыми, ибо выясняется, что Гаваон находится от них в нескольких километрах. Это очень важный момент, поскольку после первых побед у израильтян появляется некоторое самомнение, самонадеянность, которая тут же приводит их к такому посрамлению.

Однако договор с гаваонитянами заключен, и союз аморрейских царей поднимается, чтобы отомстить гаваонитянам за такую измену. В знаменитом сражении у Гаваона Господь воюет за израильтян. И сказано, что Господь поразил каменным градом больше врагов, чем это могли сделать израильтяне мечом. Во время битвы за Гаваон происходит известное чудо, когда солнце уже начинает склоняться к закату и становится невозможным преследование врагов, и тогда Иисус Навин говорит: *«Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: “стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день”? И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь [так] слушал бы гласа человеческого. Ибо Господь сражался за Израиля»* (Нав. 10: 12–14). Не будем вдаваться в разные соображения относительно того, как же это могло быть. Я в данном случае сторонник буквального понимания текста, хотя, конечно, как это может быть, я очень слабо себе представляю физически, но Господу виднее.

В связи с этим чудом блаженный Феодорит говорит, что «сим прообразуется чудодействие Спасителя. Когда пророк сражался – солнце стало, и когда Спаситель наш разрушил смертью смерть, удержало солнце лучи свои, и в полдень наполнила вселенную тьма» [73, с. 202]. Святитель Амвросий Медиоланский говорит, что «солнце стало, потому что в Иисусе Навине познало образ будущего, ибо не своею силою Иисус Навин, но таинством Христа властвовал над небесными светилами» [цит. по 59, с. 156].

10.4. Окончание завоевания при Иисусе Навине

Описание дальнейшей истории завоевания земли обетованной укладывается в главы 10-ю и 11-ю: начало похода в Южный Ханаан с подробным перечислением захваченных городов и царей, а затем – поход на север. Территория, которую захватили израильтяне при Иисусе Навине, простиралась от Кадеса, к которому изначально подошли израильтяне с Моисеем, до горы Ермон на севере и от Иордана с запада до той же самой горы Ермон. Еще были земли на востоке со времен Моисея. Когда степи Моава к востоку от Иордана были завоеваны, то потомки Рувима и Гада попросили Моисея, чтобы он отдал им те земли, и Моисей выполнил их просьбу при условии, что они будут воевать вместе со всеми остальными израильтянами до тех пор, пока не окажется захваченной вся земля. Всего Иисус Навин поразил 31 царя. Судя по этому описанию, не все города и области Ханаана были завоеваны, однако израильтяне господствовали на значительной территории. Не были покорены филистимские города: Газа,

Аскалон, Азот, Екрон и Геф (Нав. 13: 3), с которыми потом израильтянам пришлось долго воевать.

10.5. Раздел земли и возвращение заиорданских колен

Когда Иисус Навин состарился, Господь повелевает ему разделить завоеванную землю в удел девяти коленам и половине колена Манассиина (Нав. 13: 1–8). Сначала получают свои уделы Иуда, Ефрем и вторая половина колена Манассиина. Им достаются центральные земли; неслучайно потом Израиль – северное царство – называется еще Ефремом, в силу доминирующего положения этого колена. И затем разделяются по жребию остальные уделы. Левиты удела не получили (Нав. 13: 14, 33), им были даны сорок восемь городов среди владения сынов Израилевых (Нав. 21: 41). Сам Иисус Навин себе никакого удела не выделил, и тогда израильтяне предоставили ему удел. Блаженный Феодорит объясняет это тем, что Иисус Навин, будучи соименным Христу, пророчески «подражал смирению Владыки, пребывавшего в крайней нищете» [73, с. 204].

10.6. Жертвенник заиорданских колен

После этого уходят колена Рувимово, Гадово и половина колена Манассиина. Они отправляются в землю своего владения – Галаад, где сооружают жертвенник, тем самым нарушая распоряжение о том, что жертвенник у израильтян должен быть один. Остальные израильтяне подумали, что они собираются устроить у себя собственный культ, собственные жертвоприношения. И это событие вызывает такой резонанс, что чуть не возникает гражданская война между западными и восточными коленами. Однако все разрешается тем, что заиорданские колена объясняют, что для памяти потомкам своим они поставили этот жертвенник; не для совершения на нем жертв, но как памятник и символ единства с теми, кто живет непосредственно в Палестине, чтобы впоследствии «не сказали ваши сыны сынам нашим: *“нет вам части в Господе”*» (Нав. 22: 27).

10.7. Завещание Иисуса Навина

Перед своей кончиной Иисус Навин призывает старейшин Израиля и напоминает им, что Господь исполнил ныне то, что обещал израильтянам: Господь изгнал от них хананеев, Господь дал им в наследие землю и *«посему всячески старайтесь любить Господа Бога вашего. Если же вы отвратитесь и пристанете к оставшимся из народов сих, которые остались между вами, и вступите в родство с ними, и будете ходить к ним, и они к вам, то знайте, что Господь Бог ваш не будет уже прогонять от вас народы сих, но они будут для вас петлею и сетью, бичом для ребер ваших и терном для глаз ваших, доколе не будете истреблены с сей доброй земли, которую дал вам Господь Бог ваш»* (Нав. 23: 11–13). И, собрав весь народ в Сихеме, который позже стал одним из важнейших культовых центров всего Израиля, Иисус Навин напоминает израильтянам обо всех благодеяниях Божиих и предлагает им снова обновить завет с Богом, снова дать Богу обещание быть Ему послушными. *«И отвечал народ и сказал: нет, не будет того, чтобы мы оставили Господа и стали служить другим богам!»* (Нав. 24: 16). Иисус Навин вписывает эти слова в книгу закона Божия и ставит большой камень под дубом как свидетельство об этом обновлении завета (Нав. 24: 26). После этого Иисус Навин умер и похоронили его на горе Ефремовой (Нав. 24: 29, 30).

Одно из последних событий книги – это погребение костей Иосифа, которые вынесли сыны Израилевы из земли Египетской и схоронили их в Сихеме, на том участке, который еще принадлежал Иакову. В Септуагинте Книга Иисуса Навина имеет дополнение, где говорится:

«И стали сыны Израилевы служить Астарте и Астарофу и богам окрестных народов; и предал их Господь в руки Еглона, царя Моавитского, и он владел ими восемнадцать лет» (Нав. 24: 36). Мы видим, что здесь более поздние переводчики сделали замечание, что, не успев присягнуть на верность Богу, израильтяне тут же от Него отступают.

Глава 11. Книга Судей

Следующий период израильской истории описан в Книге Судей израилевых и именуется эпохой судей. Как Книга Иисуса Навина ясно показывает, что в случае послушания Богу все благословения Божии, изреченные через Моисея, выполняются, точно так же Книга Судей израилевых очень ярко рисует те невзгоды и бедствия, которые обрушиваются на израильтян, когда они отступают от верности Завету.

11.1. Состояние Израиля после смерти Иисуса Навина

Книга Судей имеет вводную часть (Суд. 1–2: 10), в которой обрисовываются результаты завоеваний Ханаана Иисусом Навином и сказано, что когда Израиль пришел в силу, то во многих местах сделал хананеев данниками, но не изгнал их (Суд. 1: 28). О каждом колене говорится, что на его территории жили хананеи, которых израильтяне сделали своими данниками, вместо того чтобы изгнать их по заповеди, которая дана была им через Моисея. То есть на первый взгляд они поступили довольно мудро: и землю получили, и оставили на ней некоторое количество населения, чтобы оно работало, а им уже вовсе можно было ничего не делать, только дань собирать. Вроде как и Богу угодили, и сами тоже не сплеховали, и даже еще лучше обустроились на этой земле, чем им Господь обещал. Но такая мудрость привела к печальным результатам: *«И пришел Ангел Господень из Галгала в Бохим [и в Вефиль и к дому Израилеву] и сказал [им: так говорит Господь]: Я вывел вас из Египта и ввел вас в землю, о которой клялся отцам вашим [дать вам], и сказал Я: “не нарушу завета Моего с вами вовек. И вы не вступайте в союз с жителями земли сей; [богам их не поклоняйтесь, изваяния их разбейте,] жертвенники их разрушите”. Но вы не послушали гласа Моего. Что вы это сделали? И потому говорю Я: [не стану уже переселять людей сих, которых Я хотел изгнать,] не изгоню их от вас, и будут они вам петлею, и боги их будут для вас сетью. Когда Ангел Господень сказал слова сии всем сынам Израилевым, то народ поднял громкий вопль и заплакал»* (Суд. 2: 1–4).

В результате этого отступничества Господь не стал больше изгонять хананеев. Далее в тексте следуют еще два добавления, для чего это было сделано. Господь говорит: *«Я не стану уже изгонять от них ни одного из тех народов, которых оставил Иисус [Навин на земле], когда умирал, чтобы искушать ими Израиля, станут ли они держаться пути Господня, ходить по нему, как держались отцы их или нет. И оставил Господь народы сии...»* (Суд. 2: 21–23). Мы можем увидеть некоторую аналогию с деревом познания добра и зла в том, что Господь оставляет эти народы, чтобы искушать ими израильтян, послушаются они или будут служить богам этих народов. И, наконец, еще дополнительное указание Священного Писания, чисто практического характера: *«Вот те народы, которых оставил Господь, чтобы искушать ими Израильтян, всех, которые не знали о всех войнах Ханаанских, для того только, чтобы они знали и учились войне последующие роды сынов Израилевых, которые прежде не знали ее»* (Суд. 3: 1–2). Итак, с одной стороны, это наказание, с другой стороны, это и возможность исправиться и явить всему миру свою верность завету с Богом.

Бог искушает народ Израиля не с той целью, чтобы спровоцировать его на грех. Блаженный Феодорит Кирский объясняет это так:

«Ибо и Авраама не для того Бог искушал, чтобы узнать расположение Авраамова, потому что и там сказано, что Бог ведал, *яко заповестъ Авраам сыном своим дому своему по себе сохранять все суды Господа Бога* (Быт. 18: 19). Поэтому Бог искушает не для того, чтобы Самому узнать, но чтобы научить неведущих. Как Адаму дал заповедь для упражнения его разума, так и здесь оставил некоторые народы, чтобы показать благочестие одних и обличить злочестие

других. Сие и говорит писатель: *да искусит ими Израиля, да увестъ, аще послушают заповедей, яже заповеда отцем их рукою Моисевою* (Суд. 3: 4)» [73, с. 212].

Относительно незавершенности завоевания блаженный Феодорит говорит следующее: «Думаю же, что есть и другая причина, по которой евреи не овладели всею землею Обетованною, именно следующая: для сохранения сообразного с законом образа жизни требовалась страна, заключенная в весьма тесные пределы, потому что закон повелевал три раза в год праздновать всем, сошедшись в одно место, на котором впоследствии соорудили божественный храм. Там повелел Бог приносить начатки и десятины, первородных овец и другие жертвы. Посему, сообразно с сим, Бог ограничил евреев небольшим пространством земли, чтобы и ленивые без труда собирались в посвященный Богу храм» [73, с. 211].

11.2. Служение судей

Главное служение израильских судей – приводить народ к покаянию и избавлять от угнетения и притеснения. Вторичное их служение – это управление народом. Однако в основном функции управления принадлежали старейшинам, а главное и первое значение судьи – это восстановление богопочитания и избавление израильтян от угнетателей.

Если мы посмотрим по Книге Судей, какие народы угнетали израильтян в рассматриваемую эпоху, то увидим, что тут представлена вся окрестная «география». Сколько бы ни было вокруг народов, все по очереди, видимо, в том порядке, в каком израильтяне принимали разных идолов, приходили с оружием в руках – моавитяне, аммонитяне, мадианитяне, филистимляне и даже из Месопотамии, – чтобы завоевать их.

Священное Писание повествует о следующих судьях: Гофонииле, освободившем страну от угнетения Хусарсафомом, царем месопотамским; Аоде, избавившем израильтян от моавитян; Деворе и Вараке, спасших евреев от хананеев; Гедеоне, сражавшемся против мадианитян; его сыне Авимелехе, незаконно пытавшемся сделаться царем. А также о Фоле и Иаире; Иеффае, который сражался против аммонитян; Есевоне, Елоне и Авдоне. Последний судья – Самсон, который боролся с филистимлянами. О некоторых из них мы поговорим подробно.

11.3. Девора

Во времена, когда Израиль за нечестие был предан в руки ханаанского царя Иавина, служение судьи исполняла женщина, по имени Девора, жившая между Рамой и Вефилем (Суд. 4: 4–5). Призвав к себе Варака из Кедеса, она открыла ему повеление Божие о том, что он должен идти с войском на Фавор, где Бог предаст в его руки войско военачальника Иавина Сисары. Варак отказался идти без Деворы, на что она ответила: *«пойти пойду с тобою; только не тебе уже будет слава на сем пути, в который ты идешь; но в руки женщины предаст Господь Сисару. И встала Девора и пошла с Вараком в Кедес»* (Суд. 4: 9). Во время битвы при Фаворе хананеи побежали и Сисара скрылся для отдыха в шатре женщины по имени Иаиль, которая убила его, когда он уснул. В этой истории, хотя полководцем и был мужчина, главными действующими лицами являются женщины.

11.4. Гедеон

Судья Гедеон был призван к своему служению чудесным образом. Он *«выколачивал тогда пшеницу в точиле, чтобы скрыться от мадианитян»* (Суд. 6: 11), то есть явно не помышляя ни о каких подвигах, и тогда является ему Ангел Господень и призывает к служению. Первое, что делает Гедеон, – разрушает жертвенник Ваалу, стоявший в том селении, и срубает дерево, около которого совершалось идолопоклонство (Суд. 6: 28). Жители стали

весьма гневаться на него за это и явились к его отцу с требованием наказать сына, на что отец сказал: *«вам ли вступить за Ваала? Если он бог, то пусть сам вступится за себя...»* (ст. 31). В результате Гедеону дали прозвище Иероваал (Суд. 6: 32).

Но прежде чем принять на себя служение судьи, Гедеон просит знамения у Бога, и ему дается дважды знамение руна (руно – стриженная шерсть). Первый раз вся шерсть была мокрой, а вокруг была сухая земля, и из шерсти он выжал целую чашу воды (Суд. 6: 38). Во второй раз роса легла всюду на землю, кроме этой шерсти, а шерсть осталась сухой. Таким образом он убедился в том, что Господь его призывает.

В знамении руна Церковь всегда видела изображение Божией Матери, чудесно принявшей во чреве Своем Сына, всех Бога: *«Подобно росе рождение Твое»* (Пс. 109: 3). Более редкое толкование – как прообраз церкви. Сначала орошенное руно и сухая земля вокруг прообразовали ветхозаветную Церковь, имеющую Закон и обетования, вокруг которой было бесплодие языческое, а второе знамение, когда шерсть иссохла, а вокруг лежала роса, прообразовало распространение христианской новозаветной Церкви среди всех народов. При этом сам народ израильский по Промыслу Божию оказался отпавшим от этой благодати [см. 73, с. 215].

Гедеон одерживает победу над мадианитянами, причем он собирает довольно много народу, но Господь велит ему взять с собой только 300 человек, чтобы никто не подумал, что победа эта одержана силами человеческими (Суд. 7).

11.5. Сыновья Гедеона. Авимелех. Первая попытка установления монархии

Когда сыны Израиля увидели, что Гедеон спас их от мадианитян, они предложили ему стать царем. Гедеон сказал им: *«Ни я не буду владеть вами, ни мой сын не будет владеть вами, Господь да владеет вами»* (Суд. 8: 22–23). Мы действительно видим, что в это время народ не управляется постоянными вождями, это была эпоха теократии, когда Сам Бог управляет израильским народом посредством Своего Закона.

Гедеон решительно отказывается стать царем, однако один из его многочисленных сыновей, Авимелех, все-таки решает воцариться. Он умертвил всех своих братьев (заметим – еще не появился царь, как уже началось то, что так часто на протяжении истории сопровождает монархию), кроме одного, Иофама, которому удалось скрыться, и воцарился в Сихеме (Суд. 9: 6). Придя через некоторое время к Сихему, Иофам произнес такую притчу: *«Послушайте меня жители Сихема, и послушает вас Бог. Пошли некогда деревья помазать над собою царя и сказали маслине: “царствуй над нами”. Маслина сказала: “оставлю я масло свое, которым чествуют богов и людей, и пойду ли скитаться по деревьям?” И сказали деревья смоковнице: “Иди и ты царствуй над нами.” Смоковница сказала: “Оставлю я сладость мою и хороший плод мой и пойду ли скитаться по деревьям?” И сказали деревья виноградной лозе: “Иди, и ты царствуй над нами”. И виноградная лоза сказала им: “Оставлю ли я сок мой, который веселит богов и человек, и пойду ли скитаться по деревьям?” И, наконец, сказали все деревья терновнику: “Иди, и ты царствуй над нами”. Терновник сказал деревьям: “Если поистине поставляете меня царем над собой, то идите и покойтесь под тенью моей, а если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские»* (Суд. 9: 7–15). В этой притче Иофам выражает свое отношение к царской власти. Он говорит, что царская власть вещь бесполезная, лишь что-то негодное, вроде терновника, от которого ни плода, ни дерева, ни масла – ничего получить невозможно, только и годится на то, чтобы царствовать, потому что больше никому это не нужно и никакой пользы от этого не произойдет. Здесь мы видим довольно скептическое отношение к царской власти. В притче Иофам также предсказал деспотический характер будущего правления Авимелеха.

В конце концов Авимелех поссорился с сихемлянами и был убит (Суд. 9: 53).

11.6. Иеффай

Иеффай был сыном блудницы. Братья Иеффая по отцу изгнали его из дома, сказав: *«ты не наследник в доме отца нашего»* (Суд 11: 2). *«И собрались к Иеффаяю праздные люди и выходили с ним»* (Суд. 11: 3). Возможно, эти слова означают, что он стал главарем шайки разбойников. Но в трудную минуту этот человек через старейшин был призван к служению судьи. Иеффай сначала попытался переговорами отклонить притязания аммонитян на земли за Иорданом. Когда переговоры не удались, он одержал над аммонитянами победу. Когда он шел на них войной, то дал Богу обет, что первое, *«что выйдет из ворот дома моего навстречу мне, будет Господу, и вознесу сие на всесожжение»* (Суд. 11: 31). И случилось так, что при возвращении ему навстречу выходит его собственная дочь. Среди толкователей встречаются разногласия относительно того, принес ли он свою дочь во всесожжение, что было запрещено законом, или этот обет был реализован таким образом, что она сохранила девство на всю жизнь, служа тем самым Господу, поскольку в каком-то смысле это было равнозначно жертве всесожжения. Почему? По тому отношению к браку и чадородию, которое было у израильтян, человек, лишенный детей, считался отверженным, умершим для Бога. Но Писание не дает нам возможности решить этот вопрос, в нем лишь говорится, что *«она пошла с подругами своими и оплакивала девство свое в горах. По прошествии двух месяцев она возвратилась к отцу своему, и он совершил над ней обет свой, который дал, и она не познала мужа»* (ст. 38–39).

11.7. Самсон

В Послании к евреям сказано: *«Не достанет мне времени, чтобы повествовать о Гедоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффаяе <...> и пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча...»* (Евр. 11: 32–34).

Родителям Самсона еще до его рождения было открыто ангелом, что *«от самого чрева младенца сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки Филистимлян»* (Суд. 13: 5).

«И родила жена сына, и нарекла имя ему: Самсон. И рос младенец, и благословлял его Господь. И начал Дух Господень действовать в нем в стане Дановом, между Цорою и Естаолом» (Суд. 13: 24–25). Став взрослым, Самсон просит родителей взять ему в жены филистимлянку. Дело здесь было не в преступной прихоти: *«отец его и мать его не знали, что это от Господа, и что он ищет случая [отмстить] Филистимлянам. А в то время Филистимляне господствовали над Израилем»* (Суд. 14: 4). Этим браком Самсон воспользуется для того, чтобы начать войну против филистимлян как свое личное дело, а не от имени Израиля, который тогда был на это неспособен.

Свои подвиги Самсон совершал, движимый Духом Божиим (ср. Суд. 14: 6, 19; 15: 14–15). Но когда его сердце склонялось к женщинам, тогда он терпит неудачи. Так с помощью невесты Самсона филистимляне разгадали его загадку, а с помощью Далиды и вовсе смогли его пленить и ослепить. Причем дело не только в острижении волос, но в том, что он поступил своевольно и *«Господь отступил от него»* (Суд. 16: 20). Очевидно, Самсон, будучи в темнице, раскаялся и снова получил силу, что внешне совпало с отрастанием волос: *«И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам за два глаза мои <...> И было умерших, которых умертвил [Самсон] при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей»* (Суд. 16: 28, 30) – «Самсон во образ Христа гораздо более умертвил иноплеменников при смерти, нежели при жизни» (блж. Иероним) [цит. по 59, с. 158].

11.8. История Михи и война с коленом Вениаминовым

Общее устройство жизни израильтян в период судей характеризуется трижды повторяющейся в книге фразой: «*В те дни не было царя у Израиля, и каждый делал то, что ему казалось справедливым*» (Суд. 17: 6; 18: 1; 21: 25). Максима на первый взгляд довольно неплохая. Но неплоха она только в том случае, когда каждому справедливым представляется что-то, что таковым является на самом деле. Как только происходит какая-то нравственная деградация, жизнь в обществе, которое управляется таким образом, становится, по-видимому, невозможной, потому что каждый считает справедливым, скорее всего, то, что ему самому удобно. В конце Книги Судей мы увидим наглядные примеры того, кому что казалось справедливым.

В 17-й и 18-й главах изображается некий Миха, который сначала украл серебро у своей матери, и мать прокляла вора. Тогда он ей в страхе вернул это серебро, и, надеясь избежать проклятия, они решили из этого серебра устроить святыню, сделав из него идола литого и богослужебные принадлежности. Сначала Миха поставил одного из своих сыновей служить при идоле, а затем нанял праздного левита, который сделался священником при нем. Завершается это тем, что колено Даново, продвигаясь на север для приобретения новых территорий, забирает у Михи идола и священника его, а самого Миху грозят убить, если он будет сопротивляться (Суд. 18: 25).

Картина с точки зрения Закона довольно неприглядная. Она показывает глубокое одичание израильтян. На основании этих зарисовок скептически настроенный исследователь может предположить, что не было при Моисее никакого Закона дано, потому что если бы существовал Закон, то не могли бы так израильтяне жить во времена судей, наверняка Закон написали позже. Если исходить из этого принципа, то за 2000 лет со времен Рождества можно найти такие периоды в истории христианских народов, что, кажется, будто не имели они Евангелия. Это было время религиозного одичания, когда даже такие преступные, с точки зрения Закона, дела, как устройство идола и наемный домашний священник при нем, воспринимались вполне естественно.

Далее Книга Судей рассказывает о некоем левите, у которого была наложница. Эта ситуация рисуется как естественная и обычная, хотя и она была запрещена законом. В Гиве Вениаминовой совершается насилие над наложницей и она погибает. Жители города отказываются выдать виновных, и начинается война других колен против колена Вениаминова. В результате этой гражданской войны колено Вениаминово оказывается почти полностью истребленным.

Таким образом, тот образ жизни, о котором говорит Писание (не было царя в Израиле, и каждый поступал так, как считал справедливым), при развращении нравов делает существование все более трудным, опасным и губительным. Под непосредственным водительством Божиим может жить только святой народ, как об этом и было сказано у Синая (Исх. 23: 22).

11.9. Хронология эпохи судей

Если предположить, что описываемые события происходили последовательным образом и просуммировать все сроки правления судей, упоминаемые в книге, то получится 410 лет. Именно таким образом считал апостол Павел (Деян. 13: 20). Такая продолжительность этого периода никак не может быть согласована ни с внешними историческими обстоятельствами, ни с указаниями самого Священного Писания. Почему? В Третьей книге Царств (3 Цар. 6: 1) говорится, что от времени Исхода до второго года правления Соломона прошло 440 (в масоретском тексте 480) лет. Если из этих 480 лет убрать 410, то остается всего 70 лет на странствие израильтян по пустыне, на время от Самсона до Саула и на царствование Саула и Давида. Этого явно мало. Только странствие продолжалось 40 лет плюс еще время, в которое происходил

захват земли Ханаанской, то есть около 25 лет. Ясно, что попытка последовательно сложить даты Книги Судей не вполне справедлива. По-видимому, следует предположить, что поскольку область деятельности судей, как правило, ограничивалась одним или несколькими коленами и редко распространялась на весь союз колен, то часть описанных событий могли происходить в разных местах Святой Земли одновременно.

О времени Исхода в современной библеистике существуют два предположения. Первое, которое использовалось в предыдущем рассуждении, ориентируется на указание Третьей книги Царств относительно начала правления Соломона. Оно определяет время Исхода примерно 1440 годом, и соответственно 1400-й – время вступления в Ханаан.

Другая датировка, ориентирующаяся на известные исторические реалии, предполагает наиболее вероятным временем Исхода XIII век, около 1270 года, считая, что фараоном, о котором речь идет в книге Исход, был Рамзес II, поскольку именно при нем строились те города, на строительстве которых эксплуатировались израильтяне. Если принимать эту более позднюю датировку, то тогда еще более коротким (180 лет) должно быть признано время судей, поскольку известно, что Давид окончательно воцарился в Израиле около 1010 года до Рождества Христова. Данная цифра лучше согласуется с упомянутым указанием Третьей книги Царств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.